

Российский институт культурологии МК РФ
Международная педагогическая академия

В.И. Батов

ПО ТУ СТОРОНУ СЛОВА

*Очерки прикладной
психогерменевтики:
от Иисуса Христа
до Владимира Высоцкого*

Москва
2001

Б Б К 88
Б 08

Рекомендовано к печати Ученым советом
Российского института культурологии МК РФ

Б 08 Батов В.И. По ту сторону слова. Очерки прикладной
психогерменевтики: от Иисуса Христа до Владимира
Высоцкого. М.: МПА, 2001. - 268 с.

ISBN 5-89411-045-9

Можно ли изучать психику человека... без человека. История
науки знает несколько попыток утвердительного ответа, правда, не
совсем успешных. Автор предлагает свой ответ, который лежит в
русле новой дисциплины, названной им «психогерменевтикой».

Is it possible to study the man's psyche... without the man? Science
history knows some efforts of the affirmative answer though not quite
successful. The author offers his own answer within the framework of a new
discipline which he called psychohermeneutics.

ББК88

ISBN 5-89411-045-9

© В.И. Батов, 2001

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

Мысль изреченная есть ложь?.....11

«Да!» — отвечает автор этой книги. Больше того, «мысль изреченная» воспринимается и другими людьми *неадекватно* замыслу автора высказанного. Эта множественная интерпретация и есть центральная *психологическая* проблема философской герменевтики (науки понимания текстов). Постановка новой дисциплины — прикладной психогерменевтики — диктуется необходимостью разделения осознаваемого содержания и неосознаваемого отражения духовного в продуцируемом тексте.

МЕТОД

О герменевтике и психологии.....17

Решение психологической проблемы герменевтики требует разработки операциональных, то есть алгоритмических и математически обоснованных, методов анализа с применением соответствующей вычислительной техники, и, следовательно, любое психологическое исследование текста становится прикладным, а значит — конкретно описывающим автора текста.

ВЕЛИКИЕ

Психогерменевтика Нового Завета.....33

1. Иисус Христос — революционер?.....33

Следуя герменевтической традиции — толкованию текстов Священного Писания, — новую дисциплину целесообразно применить к тому же предмету. Психологический взгляд на деятельность Иисуса Христа лежит в плоскости исследования аутентичных текстов. Но тексты Иисуса даны в пересказе евангелистов, что заставляет дополнить герменевтические вопросы вопросами атрибуции (установления спорного авторства). Такой анализ заставляет уже нетривиально переоценить роль евангелистов в становлении и распространении учения Иисуса Христа.

2. Психологический образ евангелиста Матфея.....49

Первым каноническим источником, отражающим земной путь Иисуса Христа, по церковной традиции считается Евангелие от Матфея. О личности автора известно очень мало. Современные методы психологии и герменевтики в некоторой мере компенсируют этот пробел. Безвестный сборщик податей, без колебаний пошедший за Христом, предстает сквозь призму созданных им текстов сильным, решительным и волевым, но вместе с тем глубоко переживающим, замкнутым и смиренным человеком.

А.С. Пушкин: циклоидность характера и холизм творчества.....59

1. От экзальтации до меланхолии.....59

И спустя 200 лет со дня рождения А.С. Пушкина потомки гения русской культуры не только восторгаются его величием, но вновь и вновь стараются осмыслить его природу, его жизнь и поступки, в том числе и его трагический уход. Психологический и герменевтический анализ лирических произведений поэта позволяет объяснить многое из того, что уже давно волнует как пушкинистов, так и всех почитателей отечественной поэзии.

2. Зачем поэту рисунок?.....69

Выдвигая тезис, что все художественное наследие А.С. Пушкина психологически однородно, здесь рассматривается рисунок поэта как одна из форм трансформации мощного словесно-творческого потенциала, возможно, бессознательно найденная гением и превращенная в сознательный психологический акт, облегчающий перенесение психических нагрузок, связанных с процессом собственно литературного творчества.

Великие Последние Великой России:

Николай II и Михаил Горбачев.....81

Что соединяет и что разнит эти трагические фигуры отечественной истории XX века? Насколько близки они психологически? Сколь существенны их психологические различия? Кто они — с точки зрения психолога, исторически обозначенные как Великие Последние правители Российской империи? И вообще, есть ли основания говорить о «Великих Последних»?

П А С С И О Н А Р И И

Пассионарии России XX века.....58

Ушедший век войдет в историю России как один из самых трагических и удивительных. Революции, войны, экономические катаклизмы... Кто стоит за всем этим? Каков психологический портрет вершителей судеб великой многонациональной страны — пассионариев (по Л.Н. Гумилеву) России XX века? Ответ на этот вопрос, возможно, поможет не только более объективно оценить наше прошлое, но и сделать правильный выбор на будущее.

Психологический образ российского политика XX века.....112

Предпринята попытка обнаружить общие психологические черты, присущие российским политикам XX века постмонархического периода и на этой основе создать обобщенный образ российского политика, а также проследить динамику политической деятельности с целью ближайшего прогноза развития политических событий в России.

Поэт в России.....126

Несомненно, что художники слова в России всегда стояли на острие общественных проблем, то есть всегда были пассионариями. Так как позиции, занимаемые творцами прекрасной словесности в то или иное время, разумеется, были различны, ответ на вопрос о специфике психологического отношения «инженеров человеческих душ» к существующему правопорядку в этой книге рассматривается за почти пятидесятилетний период отечественной истории (конец XIX — середина XX вв.).

ЛИДЕРЫ

«Окно» в психический уклад российского политика134

Особо важные персоны (VIP) недоступны «смертным», а потому и недосягаемы для психологического исследования. Единственная возможность для этого — анализ их высказываний, так как речь — богатейший источник психологической информации. Параметром полноты анализа служит так называемая палитра наблюдаемых «здесь и сейчас» психологических проявлений, как бы своеобразное «окно», всегда раскрытое для исследования. Как пример здесь показаны «палитры» трех общественных лидеров: В. Ленина, Н. Хрущева, Б. Ельцина.

Женщины и политика.....141

Времена эмансипированных женщин возвращаются. Тем более интересно с позиции сегодняшних научных достижений оценить психологическое качество женщин, претендующих на, казалось бы, сугубо мужскую роль. Обобщенный портрет создан на основе психологической оценки «суфражисток» нынешнего дня, примерами которых послужили: И. Выборнова, Е. Лахова, И. Хакамада, А. Ярошинская.

Генералы-в-политике и генералы-от-политики146

Приход в российскую политику бывших военных не может не привлечь к себе внимания психологов. Обобщенные психологические портреты с обозначением некоторой специфики «генералов-в-политике», а также публичных политиков — «генералов-от-политики», данные в сравнении, заставляют задуматься о перспективах политической жизни страны. Персонажи исследования: генералы-в-политике — А. Руцкой, А. Лебедь, А. Коржаков; генералы-от-политики — Е. Гайдар, В. Жириновский, Г. Явлинский.

Сдержанность правителей России.....154

Обычно, когда говорят о вершителях судеб, внимание акцентируют на их своеобразии, отличиях, специфике, тогда как гораздо важнее обратиться к тому общему, что во многом обуславливает «нормальность» их будущего или настоящего правления. Бесспорно, что это общее качество — сдержанность, терпимость, то есть — толерантность. Эта черта исследована в характере пяти правителей России: И. Сталина, Л. Брежнева, М. Горбачева, Б. Ельцина, В. Путина.

КУМИРЫ

Вся до-президентская рать.....156

Политик, претендующий на высший пост в государстве, интересен не только своими деловыми качествами. Какие психологические черты кроются за тем или иным поступком или намерением? Какого рода поведение можно ожидать в тех или иных обстоятельствах? Весомость этих вопросов относительно конкретных лидеров-кумиров возрастает в общественном сознании именно с развитием демократии. Здесь приведены индивидуальные психологические портреты основных кандидатов на пост Президента России, баллотировавшихся в 1996 и 2000 гг. Это: С. Говорухин, М. Горбачев, Б. Ельцин, В. Жириновский, Г. Зюганов, А. Лебедь, Э. Панфилова, В. Путин, Ю. Скуратов, К. Титов, А. Тулеев, С. Федоров, Г. Явлинский.

Юрий Гагарин: первый из будущего?.....180

Первый космонавт планеты — русский. Внимание психолога привлекают три момента. Кто он, Первый, созданный мощью русской нации? Может ли он нести тяжелейший груз величия Первого? Нужно ли вносить какие-то коррективы в процесс созидания Первого?

Владимир Высоцкий: смерть героя.....187

Начато XX столетия — конец «серебряного века» русской культуры, а конец XX века — завершение триумфа российской литературы советского периода (все же четыре нобелевских лауреата) в лице бунтаря В. Высоцкого. Но почему судьба таланта в России столь трагична?

Кумиры массовой культуры: девиантные черты

и борьба за существование.....197

Отменив нравственный императив советской эпохи, новая Россия мобилизовала в массовую культуру духовно раскрепощенных своих представителей. Масс-медиа обеспечивает успех только тем, кто напрочь отрицает «ханжество», «застенчивость» и тому подобные остаточные явления этики «прошлого». Персонажи: Азиза, Ж. Агузарова, И. Понаровская, М. Распутина, А. Свиридова, К. Андреев, И. Демидов, Ф. Киркоров, В. Леонтьев, И. Николаев.

МАРГИНАЛЫ

Новорусский лик древнейшей профессии 201

Болезненное для общества социальное явление — проституция — до сих пор, несмотря на свое весьма широкое распространение на постсоветском пространстве, находится вне поля зрения отечественных психологов. Но уже не слишком отдаленное психологическое приближение к тайнам «странной» профессии позволяет увидеть ее глубоко не тривиальную природу. /Крины любви - пожелали остаться анонимными, но аутентичность их текстов гарантируется.

Записки из новорусского «мертвого дома».....209

Преступность — проблема всех времен и народов. Каков же сегодняшний российский делинквент? Можно ли указать на какие-то психологические аномалии его личности? Есть ли основания оценить существующую пенитенциарную систему России?

Пролегомены к психологии шовинизма.....215

Этническая нетерпимость — питательная среда диких, варварских форм взаимодействия между людьми. Рассматривается вопрос, в отечественной психологической практике вообще не ставившийся: как оценили бы друг друга ярые, бескомпромиссные националисты, принадлежащие к совершенно различным этносам и культурам? В этом ракурсе исследуются тексты А. Гитлера (германский фашизм) и М. Толбоева (исламский фундаментализм).

ИЗГОИ

Русская диаспора: Литва, Татарстан, Бурятия...

далее везде.....229

С крахом «гегемонии» пролетариата в Советской России многие исконно русские оказались вынужденными эмигрантами. Хорошо известно о незавидной доле этих людей. Но гораздо менее известно о психологических отношениях, связывающих русских поселенцев и аборигенов. Результаты этой работы — первый шаг в создании карты толерантности национальных и религиозных отношений.

СУИЦИД

С. Есенин и В. Маяковский:

психогерменевтика последних текстов.....236

Единственное, что делает человека похожим на Бога — это возможность распоряжаться сроком своей жизни. Самоубийство — запрещенный поступок для человека. Почему? И что толкает человека на самоубийство? Невосполнимые потери национальной русской культуры оцениваются на примерах суицида Сергея Есенина и Владимира Маяковского.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Другому как понять тебя..... 253

Психогерменевтика — одна из психологических дисциплин, которая предлагает кардинальное решение «герменевтического парадокса», замещая интуитивизм понимания текста экспликацией авторского Я на пути полного отчуждения «Я-воспринимающего» субъекта.

СЛОВАРЬ

Термины программы ЛИНГВА ЭКСПРЕСС 259

Дефиниции базовых психологических характеристик.

*Сегодня всему наступает пора,
Что бредом казалось вчера.*

Э. Верхарн

*Мы всегда говорим больше, нежели только ЭТО.
Меня в моих книгах особенно интересует именно то,
что я, сам не подозревая, вложил в них, —
та доля бессознательного,
которую я мог бы назвать долей Бога.*

А. Жид

*Цивилизация — ужасное растение, которое не растет,
пока его не польют слезами и кровью.*

А. Граф

ВВЕДЕНИЕ

МЫСЛЬ ИЗРЕЧЕННАЯ ЕСТЬ ЛОЖЬ?

Господь изощрен, но не злонамерен.

А. Эйнштейн

Принято понимать *Слово*, как Слово Бога, Святую Весть. Да, как предмет психогерменевтики Слово в этом значении лежит в контексте изложенных в предлагаемой книге исследований. Но в данном случае этот аспект не исчерпывает всей целесообразности акцента. Дело в том, что «слово» — важнейшая психолингвистическая единица речи, высказывания, текста. И поскольку психогерменевтика опирается на анализ *слова*, выделение этого центрального звена — дань глубокого уважения к носителю сущности человеческого Я.

Ответ на поставленный выше вопрос автор этой книги, вслед за Ф. Тютчевым, дает положительный. Поэкспериментируйте над собой и задайте себе, казалось бы, простой вопрос: Что *означает* то, что Вы говорите? Призадумавшись, Вы поймете, что попали в трудное положение, выход из которого великие умы ищут уже не одно тысячелетие.

Действительно, то, что мы говорим, не совсем правильно отражает окружающую нас реальность и наш внутренний мир. Добро-совестный, и в то же время достоверный на уровне нашего современного знания, ответ психолога звучит так: все, что мы говорим — *добросовестно*, но *недостоверно*. Тогда, казалось бы, перед нами простираются весьма мрачные перспективы: если *сказанное не* соответствует действительности (внешней и внутренней) и, в то же время, является единственной основой взаимоотношений между людьми, то последствия этого, могут быть самыми непредсказуемыми, а часто и нежелательными. В частности, трагические последствия «сказанного» отражаются в событиях уже нашей российской истории XX века.

Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего.

Исх 20, 16

Вспомним судебные процессы над «врагами народа» конца 30-х гг., где основными доказательствами вины были показания самих обвиняемых. И судьи, независимо от их политической зашоренности, оказывались в безвыходном положении: хотя процессу-

По ту сторону Слова

ально собственное признание и не является решающим доказательством вины (даже при отсутствии альтернативных улик), принцип «внутреннего убеждения» советского судопроизводства заставлял судей выносить обвинительный приговор.

Та же причина, но с обратным знаком результата, лежала в основе того, что некоторые из «узбекских» дел 80-х гг. были прекращены — обвиняемые просто отказывались от ранее сделанных признаний, ссылаясь на факт принуждения со стороны следствия.

Последнее по времени, но не менее громкое дело о Котляковском кладбище прекращено по тем же основаниям: суд оказался бессильным опровергнуть заявление обвиняемых о принуждении со стороны следствия к даче признательных показаний, выгодных обвинительной стороне.

За всеми этими судебными «обломами» стоял один факт: *невозможность* или *нежелание* провести экспертизу *субъективной* достоверности и добросовестности свидетельских показаний и признаний обвиняемых. Дело в том, что если *добросовестность* — сугубо личностное отношение к высказыванию, то *недостоверность* — его объективная оценка. Но к достоверности сказанного можно отнести и с позиции самого говорящего, и тогда картина меняется: сообщение может быть *истинным* или *ложным*. И именно эти категории лежат в основе судебных разбирательств, а потому они же и должны служить предметом экспертного исследования. Таким образом, вопрос оценки достоверности свидетельских показаний становится вопросом судебно-психологической экспертизы, подчеркнем — *психологической*.

Невозможность проведения такой экспертизы вызывает большое сомнение, если вспомнить, что именно отечественные психологи (А.Р. Лурия, А.Н. Леонтьев) еще в 20-е годы стояли у истоков теперешней «грозы» для всех недобросовестных свидетелей — «детектора лжи» (чаще именуемого не совсем корректно — «полиграфом»). В конце 60-х — начале 70-х гг. похожие проблемы успешно решались в лаборатории Института ВВД АН СССР: частотный анализ речи показывал колебания эмоционального состояния, в том числе и в обстоятельствах лжесвидетельства. Говорить же о современных компьютерных программах психолингвистического анализа спорных текстов вообще банально. Теперешние ссылки на дороговизну «заграничных» разработок не выдерживают критики. Дело в том, что все тестовые методы требуют *нормализации*, то есть адаптации к *аудитории* исследования. А Россию умом, по крайней мере американским или западноевропейским, — не понять. Но это — отнесение к этническому менталитету — основной программный продукт. И

• Введение

этот продукт может быть получен только нами и в наших условиях. Следовательно, купив «вещь», мы сможем воспользоваться только заморской «железкой». Но в «железе» реализовать метод оценки достоверности речевой (письменной или устной) информации, то есть сконструировать «лай-детектор» как многоканальный самописец (отсюда — «полиграф») с несколькими сенсорными датчиками, может и кинематографический слесарь Гоша в своих кухонно-домашних условиях: всего-то задача — собрать из стандартных чипов десяток усилителей, подсоединить соответствующие датчики и представить результат в удобном интерфейсе.

Тогда остается предположение о *нежелании* проведения экспертизы показаний. Но в чем причина такого «судьбоносного» нежелания? Только в политической атмосфере общества. Понятно, что когда действует, «упакованный» тоталитаризмом, авторитаризмом или олигархизмом, политический режим, всякое инакомыслие должно пресекаться, а потому любые независимые экспертизы нежелательны. Но в режиме демократии, в том режиме, где, как мы все надеемся, пребывает сегодняшняя Россия, нежелание проведения таких экспертиз свидетельствует только об одном: мы не до конца освободились от идеологического наследия строителей «светлого будущего».

Но вернемся к вопросу о *добросовестности*, или, если хотите, о добровольности того, что человек говорит. Вдумайтесь: что может спасти Вашу собственную жизнь, если это зависит от того, что Вами говорится? Конечно, то, что *Вами* говорится. Тогда, спасая собственную жизнь, Вы сказали то, что пусть и *недостоверно*, но *добросовестно*. Парадоксальная тупиковость этого положения была бы непреодолима, если бы не Ваш *мотив* сообщения. Здесь уместно повторить наказ Ветхого Завета: «Не произноси ложного свидетельства...» Величайшая мудрость этого требования состоит в том, что утверждается *неизбежность* выявления ложности любого высказывания. Откуда такая уверенность? В самораскрытии *мотива* поступка. Мотив любой деятельности — это попытка сохранить себя и как биологическую особь, и как общественный субъект. Проявление мотива, как и любой другой психической деятельности (мышления, речи), сопровождается *эмоцией*, которая отражает внутреннее, субъективное отношение говорящего к смыслу сообщения.

Итак, добросовестность — это однозначное следствие побудительного мотива *сказанного*. Но если истина — одна, то ложь — многолика. При реализации высказывания проявляются эмоционально-вегетативные симптомы (изменения пульса, давления, глубины и частоты дыхания и пр.), сопровождающие *субъективно* оцениваемое

По ту сторону Слова

мую (самим автором высказывания) истинность или ложность сообщения. И вот здесь человек оказывается бессильным скрыть свое отношение к истинности или ложности высказываемого. Бессилен потому, что эмоции, сопровождающие осознанный мотив *сказанного*, практически не управляемы сознанием. Правда, специальной тренировкой можно добиться регулирования своих эмоций и тем самым как бы обмануть лай-детектор. Но вегетативная симптоматика — не единственный индикатор действия мотива. Осознанно управлять лингвоструктурными механизмами речи (привычной конструкцией фраз, лексикой и стилистикой сообщения) гораздо труднее, а в необычных, в частности стрессовых, состояниях (процедура допроса — это стрессовая ситуация для обычного человека) практически невозможно. Именно анализ лингвоструктурных «аномалий» высказывания остается единственным и полностью надежным диагностическим приемом для определения субъективной истинности или ложности *сказанного*. Отметим, что и методы лингвоструктурного (язык) и вегетативного (тело) анализа, и психолингвистические (речь) методы — лишь часть, и весьма небольшая, того методического арсенала, который обеспечивает развитие прикладной *герменевтики* — науки понимания сказанного. Эти методы, повторим, уже давно разработаны и весьма эффективно используются, правда, пока, в основном, академическими программами «чистой» науки. «Предполагается, что понимание текстов имеет эзотерическую основу, и всегда существует круг тех, кому доступен «подлинный смысл» конкретного текста. Массы склонны с доверием относиться к «авторитетным толкованиям», придавая им фактически большее значение, нежели самому содержанию доступных читателю текстов.»¹ — справедливо отмечает пионер отечественной психологической герменевтики А.А. Брудный. Но известно, что со временем наступает такой период «почти-научной» подготовленности основной массы людей, когда эзотерическое знание избранных должно становиться достоянием если и не всех, то многих.

Здесь уместно сделать одно принципиальное замечание. Герменевтическая традиция — это постепенное приближение (путем множественных интерпретаций) к исходному *содержанию* текста. Автор же этой книги значительно отходит от этой традиции, руководствуясь следующим очевидным соображением: *понимание* текста далеко не исчерпывается пониманием содержания. Действительно, любой текст содержит массу другой информации (например, время и место

¹ Брудный А.А. Психологическая герменевтика. — М.: Лабиринт, 1998, с. 254-255.

возникновения, сведения о менталитете и культуре автора, адресность текста и мн. др.). Понятно, что психолога интересует прежде всего *психологическая* составляющая воспринимаемого сообщения. Эта составляющая — неотчуждаемый атрибут любого человеческого действия, в том числе и речевого. Следовательно, психологически понять текст — значит выделить (эксплицировать, сделать достоянием воспринимающего субъекта) «психологическую ткань» (выражение К.Г. Юнга), оставив *содержание* текста традиционной герменевтике. Отсюда и целесообразность редакции исходного названия дисциплины: здесь предпочтительнее говорить о *психогерменевтике*. При этом полностью сохраняются *идеология* и *объект* философской герменевтики, но претерпевают значительные изменения *методология*, *метод* и *предмет*, которые в прикладном отношении должны быть валидны уже психологическому предмету герменевтики.

Далее следует вопрос: справедливо ли разделять, казалось бы, очень близкие понятия — «психологическая герменевтика» и «психогерменевтика»? Я не претендую на заявленное Брудным авторство в названии новой дисциплины — «психологическая герменевтика». Но *коренное* отличие излагаемого в этой книге подхода к изучению человека-в-тексте от предложенного Брудным заставляет дать другое наименование тому, что становится «новой психологией». Прецеденты подобного рода нам демонстрируют классики: Карл Юнг отделил «свою» психологию от *психоанализа* Зигмунда Фрейда, назвав ее «аналитическая психология». Но окончательный, принципиальный и, надеюсь, аргументированный, правда, *отрицательный* ответ на поставленный вопрос содержится в этой книге.

Имеются ли возможности для анализа психологической составляющей текста? Такие возможности есть.² Речь идет прежде всего о достижениях в области психологии речи и психолингвистике. Многолетние исследования автора (с 1972 года) обрели вид компьютерной программы психолингвистического анализа, известной как ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС³, позволяющей эксплицировать характеристики психологического уровня в текстах как вербального, так и иконографического (рисунок) оформления.

Но понятно, что метод без примеров прикладного использования — лишь инструкция, применение которой оставляет большую вероятность того, что она будет понята неадекватно. Поэтому в дан-

² Правда, пока экспериментальная наука будет изучать поставленную проблему, говорить о *понимании* текста неискушенным реципиентом не приходится.

³ Психологический информационный бюллетень. № 7 (22) сентябрь 1995 г. Комментарий к названию метода: ЛИНГВА — анализ речи (языка): ЭКСПРЕСС — компьютерная обработка вербального массива (выход: в текстовом и графическом интерфейсе) порядка 1000 слов занимает не более 2 мин.

По ту сторону Слова

ной книге приводятся опыты работы с программой над текстами различной идеологической, жанровой и стилистической организации. Так, согласно традиции классической герменевтики *психогерменевтическое* прочтение (интерпретация) дается текстам Священного Писания. Также приведен анализ стихотворных текстов. Сделана попытка выйти за рамки индивидуального психологического уклада автора и эмпирически рассмотреть *коллективный* психологический статус, объединяющий авторов по национальному или профессиональному признаку.

Для кого писалась эта книга? Прежде всего для себя. И, конечно, без твердой уверенности увидеть ее изданной. Но теперь, когда книга издана, я выражаю искреннюю признательность своему другу и меценату **О.В. Пурзалу**. И тем, без кого эта книга не состоялась бы: **А.А. Леонтьеву** — первому наставнику молодого, тогда еще максималиста — **В. Батова**; **Ю.А. Сорокину** — соавтору моих первых публикаций на достаточно серьезном уровне (в «Известиях АН СССР»); **А.К. Ивановой** — первому и весьма критичному читателю практически всех моих работ за последние 10—12 лет. Особая благодарность **Б.К. Тебиеву** — первому издателю моих статей, которого не приводят (и не приводят) в ступор (как это было в некоторых «ну очень умных» издательствах) мои «девиантные» опусы. И, разумеется, моим друзьям-программистам, высоким профессионалам, сумевшим воплотить «в железе» мои «окайнные» идеи — **А.С. Чистопольскому**, **А.А. Косолапову** и **В.А. Варнаве**.

Так для кого же эта книга? Я думаю, что она будет полезна студентам и молодым ученым — гуманитариям. Почему именно молодым людям, ориентированным на науку? Я надеюсь (если это вообще возможно в сегодняшних условиях), что молодые ученые легче отнесутся к обсуждению опыта исследований в совершенно новой *парадигме*: изучать текст — это вовсе не обязательно изучать грамматику и семантику: можно изучать и Человека, сотворившего этот текст.⁴ Но тогда *психология* лишается границ своего традиционного предмета: теперь Человек — это экзистенциальное, то есть существующее «здесь и сейчас», начало, которое случайно (ли?) совпадает... с экзистенцией всего остального мира. Я не беру слово *случайно* в кавычки потому, что «мы-не-случайны» — мы равновелики Создателю. Для меня психология — наука, *включающая* Человека в предмет своего рассмотрения, но не ограниченная им. Иначе: психология — наука о психическом без необходимости... человека.

⁴ Следует вспомнить, что классическая филология всегда была связана с психологией.

МЕТОД

О ГЕРМЕНЕВТИКЕ И ПСИХОЛОГИИ

*В методологии вообще не стоит
ожидать глубоких истин.
К. Поппер*

*Почему прогресс остается постоянно и почти исключительно
атрибутом того рода деятельности, которую мы называем научной?*

Т. Кун

Язык — удивительное и еще во многом таинственное образование. Например: язык служит эмпирическим фундаментом при обсуждении вопроса отличия *науки* от *ненауки* и, в то же время, сам является неистощимым *предметом* изучения. Первый аспект языка лаконично освещает К. Поппер: «Требование научной объективности можно интерпретировать как методологическое правило, то есть как правило, утверждающее, что наука может использовать только такие высказывания, которые допускают intersubjectivную проверку»⁵. Intersubjectivность — доминирующее понятие практически во всех гуманитарных науках, и связано оно прежде всего с языком как системой конструирования высказываний. Позиция Поппера относительно языка бескомпромиссна: «Моя точка зрения, кратко говоря, состоит в том, что наш повседневный язык наполнен теориями, что наблюдение всегда является наблюдением в свете теории, и что лишь индуктивистский предрассудок заставляет людей верить в существование феноменального языка, свободного от теорий»⁶. Тогда ответ на вопрос Т. Куна вполне очевиден: прогресс научного знания обусловлен неодолимым стремлением Человека понять, что же скрывается за Словом.

Что есть Человек в Слове? Неразделимость этих понятий обыденному сознанию кажется мистикой. Если же говорить о научном взгляде на этот вопрос, то прерогатива здесь принадлежит *герменевтике* и *психологии*.

Истоки современной философской герменевтики уходят в античную религию. Греко-египетский герметизм — привнесенная гре-

⁵ Поппер К. Логика и рост научного знания. (Избранные работы)—М.: Наука, 1983, с. 81.

⁶ Там же, с. 82.

По ту сторону Слова

ками в Египет аркадская религия (III в. до н.э.) — имел, как отмечает Ф.Ф. Зелинский, три элемента: «... 1) учение о стихиях, 2) вторжение астрологии, 3) спекуляции о Логосе».⁷ Третий пункт — главный: «Здесь чувствуется наибольшая близость к христианству».⁸ (Вспомним: «В начале было Слово...») Наименование свое и религия герметизма, и наука герменевтика получили, естественно, от мифологического бога Гермеса, который «... даровал человеку речь; выражаясь мифологически, Гермес был отцом речи.»⁹ И не случайно, что *наука* герменевтика начала свой триумфальный путь с толкования Священного Писания. Здесь же «оттачивались перья» и теологов, и ученых-естествоиспытателей, несущих «точную» науку.

Философская герменевтика — наука о понимании текстов — с момента возникновения претендует на лидирующее положение среди гуманитарных наук. Рассматривая все многообразие окружающего мира как *текст*, то есть как единую метаформу существования, герменевтика не может игнорировать психологические вопросы. Действительно, Дильтей, Шлейермахер, Гадамер, Хайдеггер, Рикёр постоянно говорят о психологической составляющей текста, шире — о духовности выраженного в той или иной эксплицитной форме. Но эта *духовность* понимается классиками герменевтики в неразрывном единстве духовности *автора* и духовности *воспринимающего*. Идеологический пафос и нетривиальная методология («герменевтический круг») обращены к бесспорному факту: понимание текста есть *со-творчество* автора и реципиента. Опирается именно на этот принцип и заявившая о себе недавно «психологическая герменевтика» (А. Брудный). Однако успехи герменевтики (в том числе — и психологической) в прикладном отношении сегодня и не столь бесспорны, и не столь велики, как этого хотели бы отцы-основатели. В чем причина?

Ограниченность традиционной герменевтики в решении *психологических* вопросов обусловлена... слишком широкой постановкой основной проблемы. Да, *понимание* текста не может происходить без участия воспринимающего. Но понимание — это проблема воспринимающего. Текст же, как продукт *автора*, несет психологическую информацию, совершенно не учитывающую конкретного воспринимающего; автор зачастую просто не знает своего адресата, а если и думает о нем, то психологически никак не готовит свой текст. И эта

⁷ Зелинский Ф.Ф. Соперники христианства.—М.: Школа-Пресс, 1996, с. 98.

⁸ Там же, с. 99.

⁹ Там же, с. 100.

информация, прежде всего, — бессознательное отражение психологического уклада *автора*. Следовательно, для того чтобы *приступить* к пониманию текста, необходимо переформулировать психологическую проблему герменевтики, оставив на время проблему симбиоза духовности автора и реципиента. *Предпонимание* текста должно опираться на *понимание* психологии автора, хотя бы в пределах тех ограниченных возможностей, которые представляет современная психология личности. Основной методологический принцип здесь — *отстранение* воспринимающего от участия в интерпретации содержания текста и *сохранение* за ним интерпретации психологии автора. Иными словами, основная позиция герменевтики (и переименованной в психологическую) коренным образом изменяется: выходя из «герменевтического круга», интерпретатор остается в закрытом поле Я автора, с его *бессознательным*, но с тем научным «вооружением», которое ему доступно «здесь и сейчас». Столь глубокая переориентация основной проблемы заставляет дать новое имя научной дисциплине: если «психологическая герменевтика» следует в методологическом русле философской науки, то было бы естественным назвать новую дисциплину, следующую в русле психологической науки, — психогерменевтикой.

Здесь подчеркивается, что предложенные автором методология и метод психологического решения герменевтической проблемы — *первая*, но необходимая стадия *истинного* понимания продукта сознательной деятельности человека. Соглашаясь, что понимание — интеграция духовностей автора и реципиента, все же следует допустить, что эти «духовности» *операционально* должны изучаться раздельно.¹⁰ Лишь после независимой от Я воспринимающего экспликации духовности автора следует делать шаг к *пониманию* исторически обусловленного продукта сознательной деятельности человека.

Понимание — отраженный свет творчества.

Ф. Вилье де Лиль-Адан

Дадим слово современному вдохновителю герменевтики и выдающемуся ученому Полю Рикёру: «Я начну с определения герменевтики: под герменевтикой я понимаю теорию операций понимания в их соотношении с интерпретацией текстов; слово «герменевтика»

¹⁰ Уже хотя бы потому, что духовность автора — в тексте, а духовность воспринимающего — в Я.

По ту сторону Слова

означает не что иное, как последовательное осуществление интерпретации.» В этом коротком тезисе П. Рикёра утверждается глубокая философская мысль: понимание текста — это «многомерный» процесс, который не может служить предметом какой бы то ни было одной научной дисциплины. Да, право изучать этот процесс имеет любая отдельная наука, но... достигнутый результат есть лишь одна из *интерпретаций* действительного содержания текста. Как относится интерпретация к действительному содержанию? «Я называю герменевтикой всякую дисциплину, которая берет начало в интерпретации, а слову интерпретация я придаю его подлинный смысл: выявление скрытого смысла в смысле очевидном.»¹² Иными словами, утверждается, что текст обладает *одним* скрытым смыслом, который, в свою очередь, в сознании воспринимающих предстает *многими* очевидными смыслами. Необходимо выделить, что здесь вообще вопрос *познаваемости* скрытого смысла остается нерешенным.

Отметим два существенных момента в феномене *интерпретации*. Во-первых, рассматривая эту деятельность «как искусство специфического переосмысления духовного процесса, происходящего у автора текста»¹³, становится очевидным, что интерпретация состоит из двух актов — *грамматического* и *психологического* анализов. Во-вторых, процесс интерпретации идет как бы по кругу: *целое* понимается посредством понимания *части*, а *часть* — посредством *целого*. Причем, «свобода интерпретирования предполагается почти неограниченной: решением субъекта полагается расширение или, наоборот, сужение круга возможных интерпретаций, степень зависимости интерпретации целого от истолкования его частей, их иерархизация, выделение более или менее предпочтительных интерпретаций и т.д.»¹⁴

С таким — приведенным выше — пониманием герменевтики связан замечательный парадокс: оказывается, что интерпретатор (любой субъект, воспринимающий данный текст) претендует на «более глубокое понимание духовной индивидуальности автора и тех скрытых интуитивных побуждений, которые двигали его пером, чем понимал их он сам, ведь сам герменевтик обречен на ту же участь»¹⁵, добавим: своей интерпретацией. Попробуем разрешить этот парадокс.

¹² Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М., АКАДЕМІА, 1995, с. 3.

¹³ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., МЕДИУМ, 1995, с. 408.

¹⁴ Шульга Е.Н. Проблема «герменевтического круга» и диалектика понимания. В кн.: Герменевтика: история и современность. М.: Мысль, 1985, с. 145.

¹⁵ Нарский И.С. Онтология и методология философской герменевтики. В кн.: Герменевтика: история и современность. М.: Мысль, 1985, с. 45.

¹⁶ Там же, с. 41.

*Чтение — это борьба, и лишь в этом случае оно плодотворно,
так как в этой борьбе даже побежденный побеждает.*

Г. Лансон

Тексты воспринимают отдельные люди. И хотя для них скрытый (истинный) смысл принципиально непознаваем, можно предположить, что рождающийся в индивидуальном сознании очевидный смысл каким-то образом взаимодействует с личностью. И этому находится подтверждение: «Процесс восприятия повествования читателем, при котором рождаются многочисленные свойства, называется идентификацией».¹⁶ Здесь привлекает внимание то, что у воспринимающего текст «рождаются многочисленные свойства». Тогда следующее предположение: эти свойства психологического характера, так как «... овладеть образом персонажа путем идентификации с ним означает подвергнуть самого себя игре созданных воображением изменений, которые становятся созданными воображением изменениями самости.»¹⁷

Что же конституирует истинный, но скрытый смысл? Личность творца этого смысла. Это следует из основных положений рикёровской герменевтики: «... понимание мира знаков является средством для самопонимания; символический универсум — это среда самообъяснения; наделе проблемы смысла не существовало бы, если бы знаки не были средством, условием, медиумом, благодаря которым существующий человек стремится спроектировать себя, понять себя.»¹⁸ Таким образом, лингвистическую проблему истинного смысла правомерно трансформировать в психологическую проблему личности *автора* текста. Очевидный аргумент: флуктуации пониманий скрытого смысла в обыденном сознании оказываются не столь велики, ведь люди находят общий язык. Почему? Ответ только один: в скрытом смысле присутствуют какие-то инварианты, отражающие психологический статус автора, обусловленные тем, что текст — продукт вербальной, то есть психической, деятельности человека.

Психологический «пласт» герменевтики был вскрыт уже самими основателями этой дисциплины: «Если... проинтерпретировать психоанализ в свете семиологии, то обнаружится, что он занят исследованием проблемы отношения между либидо и символом. В таком случае психоанализ может вписываться в более общую дисциплину, которую мы называем герменевтикой».¹⁴ А психоанализ —

¹⁶ Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика. М.: АКАДЕМИА, 1995, с. 34.

¹⁷ Там же, с. 34.

¹⁸ Рикёр П. Конфликт интерпретаций... с. 408.

¹⁹ Там же, с. 407-408.

По ту сторону Слова

это единственная из сохранившихся *психологии* XX века, не только счастливо перешедшая, но и укрепившая свои позиции в третьем тысячелетии.

Итак, герменевтика начала свой триумфальный путь с толкования нарративных текстов. Но понятие «текст» за столетия претерпело фундаментальные изменения. Сегодня под «текстом» понимают любое знаковое отображение действительности, будь то физическая реальность окружающего мира или же актуализация психической интенции человека. Последнее означает, что теперь как «текст» рассматривают не только сознательный акт речевой деятельности, но и бессознательные проявления (сновидения, фантазии, галлюцинации). Более того, «текстом» являются не только *вербально* выраженные продукты психической деятельности, но и продукты *изобразительного* творчества человека. Такое широкое понимание «текста» — следствие *единой знаковой* организации вообще любого эксплицитного проявления психической деятельности человека. Из сказанного не трудно сделать вывод, что теперь объектами рассмотрения герменевтики становятся *все* знаковые отображения Человеком *всей* воспринимаемой им действительности.

*Трагедия — это движущаяся живопись,
это одушевленная картина.
Вольтер*

Психологические исследования, которые предусматривают *совместный* анализ изобразительных и вербальных продуктов творческой деятельности человека, достаточно редки, поэтому целесообразно уделить большее внимание именно *методическим* вопросам единого семиологического анализа дискурса.

Хронологически первым способом передачи/хранения создаваемой человеком информации был рисунок (вспомним настенную живопись наших пращуров). Именно на основе информационного изображения создавался письменный язык. Но принципиальное отличие иконографического письма от графического изображения описывается на гениальное открытие древнего человека: изображение — симультанно, язык — сукцессивен. Да, и то и другое сообщение — дискретны: в них отражена вся необходимая для передачи/хранения в данный момент информация. Но в изображении не задан порядок прочтения информации, то есть не определена «стрела времени» в графическом пространстве, что весьма затрудняет (а нередко и исключает) адекватное понимание переданного сообщения. Другое

дело — язык: в нем дискретные составляющие сообщения последовательно развернуты в графическом пространстве, что при соблюдении довольно простых правил чтения (например, справа-налево и сверху-вниз) позволяет упорядочить излагаемые события во времени и, следовательно, создает условия для адекватного понимания сообщения.

Возвращаясь к истокам происхождения способов передачи/хранения информации, следует повторить, что в информационном плане изображение и язык — *однородны*. С позиции сегодняшней семиотики сообщение в той и другой форме представляет собой *текст*. В более крупном плане семиологически любой продукт творческой деятельности человека представляет собой единую сущность и часто обозначается как *дискурс*. Отсюда следует, что рисунок и вербальный текст как знаковые формы коммуникации сообщений могут быть проанализированы в едином психосемиотическом ключе, с помощью которого «раскрывается» психологическая суть творца. Здесь уместно вспомнить обыденное представление о том, что не только глаза, но и язык — зеркало души (Аристотель говорил, что не так важно, *что* и *как* говорится, как то — *кем* говорится). Это означает, что возможно создание *единого* методического инструмента для анализа дискурса как в форме изображения, так и в форме вербального текста. Цель такого анализа — выявление основных психологических особенностей создателя дискурса.

Другому как понять тебя?

Ф. Тютчев

Но существует одна проблема, гениально выраженная Ф. Тютчевым и приведенная здесь. Психологически это означает, что на пути от замысла сообщения к его объективизации смысл трансформируется, теряя в продукте адекватность исходной идее. Другими словами, внешняя форма любого творческого продукта (а художественного — в особенности) есть *символ* исходного замысла. Непосредственное и неискусственное чтение символов — бессмысленное занятие, ведь «по своей сути это неотчетливые, метафорические и загадочные портретные зарисовки психической реальности».²⁰ Замечателен тот факт, что основоположник современной российской словесности А.С. Пушкин отчетливо представлял себе расплывчатость понимания словесно выраженной идеи. Так, в письме В.А. Жукове-

²⁰ Сэмьюэлз Э., Шортер Б., Плот Ф. Критический словарь аналитической психологии К.Юнга. М., ЭСИ, 1994, с. 138.

По ту сторону Слова

кому в 1825 году он пишет: «Читал ты моего А. Шенье в темнице? Суди об нем, как иезуит — по намерению».²¹ Слово не вполне отражает (это у Пушкина-то!) замысел, для понимания которого необходимо вернуться к его истоку — мотиву, намерению. Правда, при некоторых условиях (жанр, сюжетная простота) и интеллектуальной «готовности» читателя словесная оболочка оказывается достаточно прозрачной и намерение автора может быть адекватно воспринято, а в конечном итоге — произведение правильно понято.

Стиль — это человек.

Ж. де Бюффон

И все же, если верно, что замысел индикативен по отношению к авторской индивидуальности, то это связано с инвариантностью конституирующих исходную идею составляющих. Имеется в виду не та форма существования идеи, которая эксплицирована предметно (вербальный знак-графема, экспрессивные изобразительные средства, технические приемы, материалы и пр.), а внутренняя форма идеи, существующая до и вне экстерииоризации замысла. Составляющими этой формы могут служить концепты языковой действительности М.М. Бахтина.²²

Во-первых, это отношение к другому субъекту как к объекту, означающее утверждение в авторской идее такого понимания «чужого» Я, которое бы интерпретировало другое сознание как объект познания. Это отношение может быть названо *объектным*. Классический пример — менторски-воспитательная позиция в творчестве Л.Н. Толстого.

Напротив, сопрягающиеся отношения сознаний «чужого» Я с авторским Я, то есть равноценность разных сознаний в авторском Я субъекта, может быть названо *субъектным* отношением. Пример здесь — мировоззренческая позиция в творчестве Ф.М. Достоевского.

Во-вторых, это способы передачи, коммуникации идеи. *Монолог* — однонаправленное движение идеи из одной пространственно-временной точки языковой действительности. Диалог — рекуррентное движение идеи, выражается в двух формах: *интердиалог* — внутри языкового пространства, *интрадиалог* — выходящий за границы языкового пространства. *Полифония* — движение идеи из различных, самостоятельных точек языковой действительности.

²¹ Пушкин А.С. ПСС в 10-ти томах. М.-Л., АН СССР, т. 10, 1949, с. 153.

²² Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М., Советская Россия, 1979.

В-третьих, эта временная развертка событий, составляющих содержательную основу языковой действительности: *синхрония* — одновременное протекание событий, *диахрония* — последовательное протекание событий.

Приведенные концепты — фактически исчерпывающе сформулированные понятия существования форм коммуникации и индикации замысла *любого* сообщения. Нетрудно заметить, что концепты языковой действительности М.М. Бахтина приложимы и к изобразительной действительности: в частности, рисунок несет авторский замысел с позиции «субъектноTM-объектности», реализует тот или иной способ коммуникации замысла и, наконец, «помечает» события временным показателем (обычно синхроничностью). Говорить, что сказанное относимо к вербальному сообщению, вообще не приходится.

Стиль — это одежда мысли.
Ф. Честерфилд

Целесообразность введения этих концептов в операциональную структуру метода очевидна: благодаря им только и можно соотнести предметную (эксплицированную) форму дискурса и психологический статус автора.

К предметным формам **изобразительного дискурса** можно отнести некоторые приемы художественной композиции рисунка.

Ритм — повторяемость тех или иных композиционных элементов. Может проявляться в чередовании или сопоставлении любых фигур и элементов изображения, пространственном членении полотна, а также через контрасты, светотеневые пятна, блики, рефлексы. Пример — «Танец» А. Матисса.

Архитектоника — «топография» структурных элементов композиции. Можно говорить об акцентированной и неакцентированной архитектонике.

В первом случае предполагается наличие одного — двух элементов композиции, являющихся ее визуальными центрами. Тогда все остальные выразительные средства подчинены цели выделения этих элементов. Пример — «Черный квадрат» К. Малевича.

Во втором случае — многоэлементная композиция, не имеющая выраженного зрительного центра. Даже при наличии такого центра прием неакцентированной архитектоники заставляет зрителя настойчиво искать другие изобразительные акценты. Пример — «Весна» С. Боттичелли.

По ту сторону Слова

Линия горизонта — условная прямая, соответствующая видимому горизонту на ровной открытой местности, служащая основой для правильного перспективного построения изображения. Пример присутствия — левитановские пейзажи; пример отсутствия этого приема — в русских иконах (обратная перспектива).

Свет — характеристика освещенности изображаемых объектов. Применительно к монохроматическим рисункам следует говорить, что освещение присутствует, если изображается какой-либо источник света (дети любят рисовать солнце), и/или используются теневые штриховки, монохроматические контрасты, блики, рефлексы, вызывающие у зрителя ощущение направленного освещения.

Из определений приемов композиции следует, что их формализация и количественная оценка чрезвычайно просты: наличие или отсутствие того или иного приема композиции в конкретном изображении оценивается величинами «1» или «0» («да» или «нет»).

Однако поиск непосредственной связи между приемами композиции и психологическими характеристиками автора исключается, так как эти связи неинтерпретируемы, а их поиск (включая все возможные линейные и нелинейные сочетания) — бесконечен. Тогда и вводятся концепты языковой действительности М.М. Бахтина, формализованные как измеряемые формы коммуникации замысла сообщения; их связь с приемами композиции уже вполне интерпретируема. Например, многофигурная неакцентированная композиция часто выражает полифоническую форму коммуникации замысла. На основе эксперимента с экспертным анализом и последующего многомерного (факторного) шкалирования этих оценок строится математическая модель, связывающая дихотомические (формальные) оценки приемов композиции с субъективными (экспертными) оценками форм коммуникации замысла в данном изображении.²³

Стиль что нос: двух одинаковых не бывает.
Б. Шоу

Предметные формы *вербального* дискурса весьма разнообразны. В отечественном литературоведении первооткрывателем принципиально нового, объективного направления в решении вопросов авторства стал замечательный русский ученый Николай Александрович Морозов (1854—1946).²⁴ В основе предложенного Морозовым

²³ Батов В.И. Психологический анализ детского рисунка на тему чернобыльской трагедии. // «Вопросы психологии», 1997, № 1. с. 26—33.

²⁴ Морозов Н.А. Лингвистические спектры. — ИОРЯС. т. 20. кн. 4. 1915. Кстати, «поверить алгеброй гармонию» похожими средствами и в то же время настойчиво пытались и русские символисты, в частности А. Белый.

Метод

метода лежало убеждение в том, что языковые элементы распределяются в общей структуре текста в определенной пропорции, которая характеризует *индивидуальный* речевой стиль писателя. Причем не исключительность языкового элемента определяет стиль писателя, но своеобразие в употреблении общих языковых форм, а это может быть объективно установлено только математически. Далее, необходимо учитывать слова, имеющие не только большую частоту употребления, но и образующие различные части речи. Таким образом, результат анализа текста можно представить в виде графика распределения частоты встречаемости языковых элементов, сгруппированных в тот или иной грамматический класс (например, класс распределения частоты встречаемости предлогов, местоимений). Но... и здесь начинается участие автора настоящей книги²⁵ в решении литературоведческих проблем, которыми были озадачены символисты и формалисты начала XX века, в частности проблемы атрибуции (спорного авторства: анонимности и псевдонимности произведений) и проблемы фальсификаций. При обработке текстов Морозов отсчитывал (исключая эпитафии, вводные цитаты посторонних авторов, аббревиатуры и некоторые другие «артефакты» аутентичного текста) первую тысячу слов. Обеспечение валидности метода и повышение достоверности его результатов достигается, во-первых, за счет увеличения объема текста, то есть числа языковых единиц, входящих в один спектр, и, во-вторых, за счет увеличения числа самих спектров. Оба требования выполняются при увеличении объема исследуемого текста.

Стиль писателя должен отражать его дух, но выбор и использование языкового материала — результат упражнений.

Э. Гиббон

Метод Морозова оставался бы действующим рабочим инструментом и по сей день, если бы не одно обстоятельство: все показатели этого метода зависят от объема анализируемого текста, а сам автор не определил границу объема, за которой надежность метода не подлежит сомнению. Дело в том, что показатели частоты употребления отдельных языковых элементов, полученные на текстах, скажем, в сто слов, могут различаться даже у одного автора, а весь

²⁵ Батов В.И., Сорокин Ю.А. Н.Г.Чернышевский и П.А.Бибиков: опыт одной атрибуции. // «История СССР», 1989, № 4, с. 123-129.

Батов В. Не подделка и не фальсификация. А что же? // «Новое время», 1994, № 13.

По ту сторону Слова

метод строится на близости значений этих показателей. И только в достаточно больших текстах — порядка нескольких тысяч слов — показатели частоты стабилизируются и становятся пригодными для сравнения текстов разных авторов. Гораздо позже, в 70-е годы, вопрос минимума объема текста был решен.²⁶ Но этот минимум — 5000 слов — делает практически непригодным метод частотного анализа грамматических форм в текстах небольшого объема (до 1000 слов), а именно с такими текстами чаще всего работают литературоведы. Следовательно, необходимо как-то понизить случайный разброс частот в текстах небольшого объема.

Давно было замечено, что человек в своих субъективно-оценочных, интуитивных, казалось бы, приблизительных суждениях о каких-либо физических параметрах окружающего мира дает оценки, весьма *близкие* к действительным. Так, например, зрительно воспринимая какой-либо предмет на разной удаленности от глаз, человек всегда правильно определяет его размер, хотя проекция предмета на сетчатку глаза и будет меняться. За этим лежит (в числе других причин) знание и опыт взаимодействия человека с этим предметом. Воспринимая окружающий мир, человек всегда привлекает свой прошлый опыт и, основываясь на нем, строит свое поведение в настоящем. Те же явления наблюдаются и в сфере речевой деятельности.²⁷ Любому человеку с достаточно хорошо сформированным речевым навыком не составит труда уже по нескольким предложениям представить «языковой образ» автора воспринимаемого текста. Тогда для разработки метода экспликации инвариантных структур текста небольшого объема целесообразно использовать психологический механизм константности восприятия речи.

В эксперименте²⁸, используя метод экспертных оценок, грамматические характеристики текста²⁹ замешаются их *субъективными* образами. Например, вариативность длины предложений, что отражает их грамматическую конструкцию, оценивается шкалами

²⁶ Ворончак Е. Методы вычисления показателей лексического богатства текстов // В кн.: Семиотика и искусствознание.—М.: Мир, 1972.

²⁷ Фрумкина Р.М. Вероятность элементов текста и речевое поведение.—М.: Наука, 1971.

²⁸ Batov V. I., Sorokin Yu. A. The Semantic Integral Method and Its Uses // «Soviet Psychology». Winter 1976/1977, Vol. XV, № 2. P. 53-70.

²⁹ Под «грамматической характеристикой» понимается широкий спектр измеряемых показателей текста несемантического уровня: от грамматических единиц (существительные, глаголы и пр.) до грамматических конструкций (глубина по Ингве, индекс подчиненности и пр.). Используемый список характеристик может быть любым и зависит от конкретной цели исследования.

типа «лаконичный-многословный». Используя эту модель, удается достичь инвариантности речевых характеристик в текстах объемом 200-300 слов.

Однако поиск непосредственной связи между субъективными образами характеристик речи и психологическими характеристиками автора исключается, так как эти связи неинтерпретируемы, а их поиск — бесконечен. Тогда и здесь вводятся концепты языковой действительности М.М. Бахтина, связь которых с грамматическими характеристиками речи уже вполне интерпретируема. Например, диалог выражен лаконичными предикативными синтагмами. На основе эксперимента с экспертным анализом и последующего многомерного (факторного) шкалирования строится математическая модель, связывающая грамматические характеристики текста с субъективными (экспертными) образами форм коммуникации замысла вербального сообщения.

Итак, на предметном уровне организации дискурса (изобразительного или вербального) анализ и квантификация проводятся раздельно. Точкой соприкосновения становится блок преобразования формальных характеристик того и другого дискурсов (приемы композиции изображения и грамматические характеристики текста) в формы коммуникации замысла сообщения.

Далее анализ проводится по единому алгоритму, так как связь форм коммуникации замысла с психологическими характеристиками автора вполне интерпретируема. Например, психопатические личности предпочитают императивные сообщения в форме монолога, а шизотимики предпочитают интердиалог и полифонию. На основе эксперимента и последующего многомерного анализа строится математическая модель, связывающая значения форм коммуникации с реальными психологическими особенностями автора.¹⁰

Мнение о человеке, как и почти о каждом существе, зависит от того, с какого расстояния на него смотреть.

Б. Джонсон

Окончательная эмпирическая модель метода трехзвенна: 1) измеряемые признаки дискурса: грамматические характеристики текста и приемы композиции изображения; 2) формы коммуникации дискурса; 3) психологические характеристики автора.

¹⁰ Психологические особенности авторов изучались с помощью ряда личностных тестов.

По ту сторону Слова

Метод — экстраполяционный.

На всех экспериментальных этапах разработки метода обеспечивалась репрезентативность выборки³¹ и оценивалась достоверность результата.³²

Резюме

Исходный тезис

Индивидуальные речевые особенности человека, равно как и его индивидуальные приемы изобразительной деятельности, инвариантны, что базируется на психогенетической стабильности психологического статуса.

Основная проблема

Инвариантность речевых особенностей может быть обнаружена статистически лишь на текстовом массиве, составляющем не менее 5000 слов, что непригодно для большинства прикладных задач, и в частности для сравнительного анализа фрагментов компилятивных текстов, писем, заметок на полях и т.п.

Решение проблемы

Используется механизм константности восприятия человеком языковых единиц. В эксперименте с носителями русского языка, которым было предложено оценить ряд текстов, формальные характеристики этих текстов (например, длина предложений) замещались их субъективными образами (например, одна из субъективных шкал названной формальной характеристики: лаконичный-многословный). Используя эту модель, удается обнаружить инвариантность речевых характеристик в текстах объемом 200—300 слов, что более чем на порядок ниже минимального массива, требуемого контент-анализом, и при этом ошибка — не более 10%.

³¹ Выборка: более пятисот авторов базовых текстов, для которых русский язык — родной; возраст авторов — от 19 до 60 лет; профессионально-социальная стратификация — по семи категориям.

³² Правильность заключений констатировалась на основе сравнения с независимыми психологическими исследованиями авторов базовых текстов.

Разработка метода

На всех экспериментальных этапах разработки метода обеспечивалась репрезентативность выборки и оценивалась достоверность результата — не менее 80% правильных (т.е. совпадающих с заключениями, сделанными на основе прямого тестирования авторов) выводов о психологическом статусе автора по базовой выборке.

1) Поиск непосредственной связи между образами формальных характеристик речи и психологическими характеристиками автора исключается, так как эти связи неинтерпретируемы, а их поиск бесконечен (как бесконечна комбинаторика связей тех и других).

2) Вводятся концепты форм коммуникации текста, предложенные М.М. Бахтиным: монолог, диалог, полифония и пр., связь которых с характеристиками речи уже вполне интерпретируема (длинные предложения в основном присущи монологической форме коммуникации замысла). На основе эксперимента и последующего многомерного анализа строится математическая модель (система множественных линейных регрессий), которая связывает реальные характеристики речи с их субъективными образами как формами коммуникации текста.

3) Связь форм коммуникации текста с психологическими характеристиками автора также интерпретируема (например, циклотимик склонен к интердиалогу, шизотимик склонен к полифонии). На основе эксперимента и последующего многомерного анализа строится аналогичная первой математическая модель, связывающая формы коммуникации текста с психологическими особенностями его автора.

Итог

Окончательная эмпирическая модель трехзвенна: формальные характеристики речи — формы вербальной коммуникации — психологические характеристики автора. Метод — экстраполяционный, реализован как компьютерная программа.

Блок-структура программы ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС

- Анализатор-кодификатор грамматических, семантических и стилистических характеристик аутентичного текста.
- Анализатор частот кодированных характеристик.
- Оператор обращения к базе-тезаурусу форм коммуникации текста.

По ту сторону Слова

— Оператор обращения к базе-тезаурусу психологических характеристик человека.

— Оператор перевода частоты кодированных характеристик в значение выраженности форм коммуникации текста.

— Оператор связи форм коммуникации текста с психологическими характеристиками автора.

— Текстовый и графический синтезатор заключений.

Применение метода

1) Атрибуция спорного (анонимного или псевдонимного) текста в литературоведении.

2) Оценка достоверности свидетельских показаний в судебно-следственной практике.

3) Индивидуальная и групповая психодиагностика в профессиональных сообществах.³³

4) Оценка толерантности в межэтнических отношениях.³³

5) Оценка эффективности рекламных сообщений.³³

Разработаны и перспективные рекомендации.

ВЕЛИКИЕ
ПСИХОГЕРМЕНЕВТИКА
НОВОГО ЗАВЕТА

1. Иисус Христос — революционер?

- *Ходит, ходит один с козлиным пергаментом и непрерывно пишет... Решительно ничего из того, что там записано, я не говорил...*
— *Кто такой?* — *брезгливо спросил Пилат...*
— *Левий Матвей,* — *охотно объяснил арестант...*
М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

*В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...
В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков...*

Иван. 1:1, 4

За кажущейся ироничностью приведенного в эпиграфе короткого фрагмента гениального произведения М. Булгакова кроется потрясающая психологическая глубина: отсутствие *сказанного* есть отсутствие *действия*; отсутствие *действия* есть отсутствие *человека*. Вывод: Человек есть Слово; точнее, *сущность* Человека отражена в Слове. Примечательно, что Булгаков примирил бы К. Юнга с М. Бубером в их споре о природе Бога. «Вызывающий споры вопрос формулируется таким образом: является ли Бог только лишь психическим явлением, или он существует независимо от человеческой психики? Юнг отвечает: сам по себе Бог не существует.»³⁴ Понятно, что М. Бубер придерживается противоположной точки зрения. Если же принять, что божественное приходит через Слово, а Слово Бога людям дано в Священном Писании, то вопросы экзистенции переходят в вопросы герменевтики, то есть вместо того чтобы обсуждать проблему *существования* Бога, гораздо важнее поставить вопрос Его *понимания*.

Что же касается аутентичности Слова Иисуса, то здесь достаточно сказать, что современные научные представления об адекватности содержания одного текста в разных языках теряют свое значе-

³⁴ Бубер М. Два образа веры. — М.: Республика, 1995. с. 418.

По ту сторону Слова

ние уже потому, что *завет* Слова, как показала двухтысячелетняя история христианства, *действенен* в любой народности, принявшей христианство, независимо от языка. Сегодня мы должны признать истинность раннехристианского утверждения о всечеловеческом значении Слова: «Но первая христианская идея была еще шире: по этой идее слово Божие не имеет своего особого языка; оно свободно, не связано никакими путями того или другого наречия; оно доступно всем и не нуждается в переводчиках. Благодаря именно этой своего рода эмансипации языков, христианство и могло так легко отказать от семитического диалекта, на котором говорил Иисус, и так легко предоставить каждому народу (как это было вначале) создавать свою литургию и свои версии Библии на родном его языке. Всеми вообще признавалось, что Мессия объединит все народы и все языки. И уравнивание всех наречий в пользовании ими для проповеди, это, если можно так выразиться, смешение языков было первым шагом по пути к великой эре всеобщего мира».³⁵

*Не думайте, что я пришел нарушить закон или пророков;
не нарушить пришел Я, но исполнить.*

Матф. 5:17

Было бы самонадеянно обсуждать роль Иисуса Христа в эволюции духа человечества лишь в рамках психологии. Целесообразно рассмотреть некоторые точки зрения историков христианства на поставленный в заглавии вопрос.

Привлекает своей аргументированностью, более того — логической изощренностью, а потому и весомой убедительностью, взгляд Э. Ренана относительно аполитичности ранних христиан: «Хотя восстание могло бы льстить страстям некоторых из них против Римской империи, но инстинктивное недоверие ко всему, что шло от фанатического Израиля, остановило их на опасном уклоне... Христиане уже пришли к определенному решению. Их формой сопротивления империи было не восстание, а мученичество... Конечно, евреи старались увлечь этих почти-соотечественников; но ученики Иисусовы были уже слишком далеки от земной политики. Иисус навсегда похоронил надежды вещественного патриотизма и мессианизма.»³⁶ Кажалось бы, этот взгляд подвергает большому сомнению *революционность* вдохновителя «патриотизма и мессианства».

³⁵ Ренан Э. Апостолы,—М.: Терра, 1991, с. 71—72.

³⁶ Ренан Э. Христианская церковь,—М.: Терра, 1991, с. ПО.

Однако следует обратить внимание на то, что Ренан говорит о *последователях* (пусть и ближайших) Иисуса, которых напугал (или убедил) его вселенский поступок. Это позволяет допустить, что Иисус мог быть... «революционером-одиночкой». Тем более, что революция, правда, не социальная, но что гораздо более существенно — духовная, все же свершилась (и свершается по сей день). Демаркационной линией, отделяющей эпоху путчистов-ветхозаветников от эры христианства, является как раз время деятельности Иисуса Христа: «В иудаизме мученики были только до тех пор, пока он был революционером; с отказом от политики, он успокоился совершенно и удовлетворился тою терпимостью, граничившею с независимостью, которую ему предоставляли. Христианство, напротив, никогда не занимавшееся политикой, имело мучеников до той минуты, когда оно восторжествовало и в свою очередь сделалось гонителем».³⁷ Более того, Ренан находит в проповедях Иисуса все признаки призыва к... коммунистическому преобразованию общества: «Если бы даже Иисус не изрекал ни одной из тех коммунистических истин, какие находим в третьем Евангелии, несомненно, что духу его проповеди вполне соответствует отречение от земных благ и милостыня, доведенная до полной раздачи всего достояния своего. Вера в конец мира всегда порождала отвращение к земным благам и стремление жить сообща».³⁸ Но нам хорошо известно, что «коммунистические истины» — это лозунги социальной революции.

Последовательную и твердую позицию в вопросе о *революционности* Иисуса занимает А. Робертсон. Вначале им выдвигается только предположение: «Иоанн делает последний шаг, вкладывая в уста Иисуса фразу, имеющую совершенно определенный смысл: «Царство Мое не от мира сего». Такая эволюция свидетельствует о наличии первоначально более земного и более революционного движения, чем то, которое описывается в неоднократно редактировавшихся евангелиях.»³⁹

Далее, анализируя фрагменты из четырех канонических евангелиев, в которых рассказывается о Варавве-разбойнике, Робертсон уже опирается на очевидный смысл текста и делает заключение: «Здесь мы видим эволюцию от варианта, в котором рассказывалось о мятеже, до варианта, в котором о мятеже вообще не упоминается,

³⁷ Там же, с. 134.

³⁸ Ренан Э. Апостолы.—М.: Терра, 1991. с. 78.

³⁹ Робертсон А. Происхождение христианства.—М.: Издательство иностранной литературы, 1956, с. 114.

По ту сторону Слова

или во всяком случае о мятеже с участием Иисуса. Странное место в евангелии от Луки, где Иисус говорит ученикам накануне заключительной трагедии, чтобы они продали свою одежду и купили мечи, возможно, является отрывком, сохранившимся от первоначального варианта.⁴⁰ Если присутствует меч — жди войны.

Затем следует весьма твердое убеждение: «Наиболее ранние слои текста евангелий — а это определяется как на основании данных анализа отдельных текстов, так и путем сравнительного изучения синоптических евангелий — свидетельствует о существовании революционного движения, руководимого сначала Иоанном Крестителем, а затем Иисусом Назарянином. Целью этого движения было свержение римского владычества и власти Ирода в Палестине и установление «царства божия» на земле, в котором первые станут последними, а последние — первыми, богачам не достанется ничего, а бедняки наедятся до отвала вкусных вещей и получают дома и земли».⁴¹ Подобная категоричность обусловлена, думается, ортодоксальной материалистической установкой Робертсона на Историю. Здесь уместно отметить весьма существенный момент, касающийся того, что Ренан и Робертсон весьма похоже обсуждают один и тот же вопрос аполитичности ранних христиан, кстати, в тональности «революционера-одиночки»: «Нельзя было ожидать, что евреи, принадлежащие к среднему классу, будут приветствовать евангелие революции. Ведь как бы они и те не евреи, которые находились под их влиянием, ни сокрушались о жестокости и испорченности рабовладельческого строя, но и тем и другим, несмотря на любую степень эксплуатации со стороны орудия этого строя — римского государства, — все же было что терять от насильственного уничтожения этого строя, а приобрести они не могли ничего. Поэтому они искали другого выхода, не приводящего к катастрофе».⁴² Отличия в идеологических установках, как видим, не служат непреодолимым барьером для тождественности идей.

Наконец, Робертсоном подводится итог, совпадающий, отметим, с провозглашенным апостолами и общепризнанным сегодня положением об аполитичности христианской церкви: «Итак, Павел отправился к массам и стал говорить их языком. Он проповедовал мистическую религию, где Иисус Христос революционной пропаганды был превращен в божественного духа, благодаря которому

⁴⁰ Робертсон А. Указ. соч., с. 115.

⁴¹ Там же. с. 130.

⁴² Там же, с. 134.

смертные люди могли приобрести бессмертие. Он переместил царство божие из этого мира в загробный». ⁴³ Отказ учеников и последователей Иисуса от политики означал конец несвершенной социальной революции и начало эволюции духовного преобразования человека.

Обсуждаемая проблема социального бунтарства Иисуса не может миновать пророческих идей Ф.М. Достоевского. Речь идет о «Великом инквизиторе», впечатление от которого ошеломило самого Зигмунда Фрейда: «... а Легенда о Великом Инквизиторе» — одно из высочайших достижений мировой литературы, переоценить которое невозможно.» ⁴⁴ Как «здесь и сейчас» — в постсоветской России — уже стало ясным, сама идея коммунистического преобразования остается призрачной для подавляющего большинства людей: «И если за тобою во имя хлеба небесного пойдут тысячи и десятки тысяч, то что станет с миллионами и с десятками миллионов существ, которые не в силах будут пренебречь хлебом земным для небесного?» ⁴⁵ Для многих из них, как показала История, ослепленность призрачным счастьем обернулась крахом не только надежд, но и всей жизни. В этом отношении особенно показателен, конечно, XX век.

Современная христианская церковь (католическая), по мнению Достоевского, не только исказила основные идеи Иисуса, но он сам оказался помехой на пути творимого ею духовного перерождения человека: «Итак, беспокойство, смятение и несчастье — вот теперешний удел людей после того, как Ты столь претерпел за свободу их! ... К чему же теперь пришел нам мешать?» ⁴⁶ Эпигонство — это не только продолжение начатого, но и, нередко, пересмотр основополагающих идей Великого Первого. Более того, революции, как показывает История, «пожирают» своих вдохновителей, поэтому Достоевский имел право заявить: «Повторяю Тебе, завтра же Ты увидишь это послушное стадо, которое по первому мановению моему бросится подгрести горячие угли к костру Твоему: на котором сожгу Тебя за то, что пришел нам мешать. Ибо если был кто всех более заслужил наш костер, то это Ты. Завтра сожгу Тебя. Dixi». ⁴⁷

⁴³ Там же, с. 143.

⁴⁴ Фрейд З. Достоевский и отцеубийство. В кн. «Избранное». Т. I. London: Overseas Publications Interchange Ltd.. 1969. с. 237.

⁴⁵ Достоевский Ф.М. Великий инквизитор. // В кн.: Антихрист. Антология, — М.: Высшая школа. 1995. с. S3.

⁴⁶ Там же, с. 86.

⁴⁷ Там же, с. 89.

По ту сторону Слова

Итак, идея революции существовала. И были, что самое главное, *материальные* носители этой идеи — проповеди Иисуса Христа, которые, несомненно, должны служить основным материалом психогерменевтического исследования. Но остается вне поля зрения этого — ортодоксального — исследования принципиальный вопрос о... *бытийности* Иисуса Христа. Можно, конечно, паллиативно подойти к ответу на этот вопрос: справедливо приняв, что текст — продукт *человеческого* творчества, слепо уверовать, что таким человеком был Иисус. Но это — не решение, а желаемое допущение, и вопрос, следовательно, остается. И в настоящей работе он не может быть обойден, так как результатом психогерменевтического исследования *текста* является психологический абрис *автора*. Последнее заставляет несколько углубить планируемый анализ, поставив вопрос *атрибуции*⁴⁸ текстов, приписываемых Иисусу. Но прежде посмотрим, что об этом думают корифеи философии и психологии. При этом, разумеется, интерес представляют критические точки зрения, так как молчаливого согласия с тем, что вопрос экзистенции Иисуса решен воспоминаниями его учеников-апостолов, здесь не вполне достаточно.

В правильности обозначенного направления исследования нас убеждает непримиримый ниспровергатель христианства Ф. Ницше: «Ничего не может быть более чуждого христианству, чем все эти грубые церковные пошлости о Боге как личности, о грядущем «Царстве Божиим», о потустороннем «Небесном Царствии», о «Сыне Божиим» — втором Лице Троицы... Все это — всемирно-исторический цинизм, нагло издевающийся над символом...»⁴⁹ И уже «по Достоевскому»: «Чужеродного ему (христианству — В.Батов) решительно во всем Иисуса оно исказило при первом же соприкосновении, при первой же попытке присвоить его себе.»⁵⁰ Такую попытку сделал Матфей.

Обсуждаемое здесь исследование лежит в основном русле охарактеризованной выше науки, то есть *идеологически* опирается на главные из изложенных выше принципов современной философской герменевтики. Но в методическом плане эта работа идет значительно дальше, что, собственно, и позволило добавить в подзаголовок книги термин «прикладная».

⁴⁸ Атрибуция — процесс установления действительного авторства спорных (анонимных, псевдонимных, приписываемых) произведений как словесного, так и изобразительного творчества.

⁴⁹ Цит. по кн.: Ясперс К. Ницше и христианство. М.: Медиум, 1994, с. 26.

⁵⁰ Там же, с. 25.

Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими...

Матф. 7:13

Материалом исследования послужил текст Нагорной Проповеди прежде всего потому, что это единственный продолжительный и цельный текст во всех четырех евангелиях, приписываемый самому Иисусу Христу. Напомним, что в русле герменевтики здесь использован метод психолингвистического анализа вербальных дискурсов, реализованный в компьютерной программе ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС. Но до перехода к изложению результатов работы целесообразно предварительно обсудить два принципиальных положения, касающихся «внутренней» методологии обсуждаемого здесь исследования.

Во-первых, заветы Иисуса Христа нам даны в пересказе евангелистов. И даже самая полная Нагорная Проповедь представлена в изложении его ученика и последователя — Матфея. Естественно возникает вопрос аутентичности речи Иисуса в Евангелии от Матфея. Решение его — в сравнении текста Нагорной Проповеди, приписываемой Иисусу, с текстом, заведомо принадлежащим Матфею. Последним здесь послужил отрывок из Евангелия от Матфея (глава 9, стихи 9—35) с купюрами «прямой» речи Иисуса.

Во-вторых, если материалом исследования служит текст, а предметом изучения — психологическая составляющая, то необходимо как-то определить, что же означает *революционность* с психологической точки зрения. Здесь допускается, что необходимым и достаточным был бы такой результат, который одновременно с отличием Нагорной Проповеди от аутентичного текста Матфея показал бы *девиантность* психологического содержания первого текста, автором которого считается Иисус Христос.

И зажегли свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме.

Матф. 5:15

Основные эмпирические данные исследования текста Нагорной Проповеди приведены в табл. 1, где в композиции данных отражены две, но, как думается, основные функции вербального дискурса: коммуникативно-речевая (характеристики *над* линейкой) и индикативно-психологическая (характеристики *под* линейкой). Что это за функции?

Инициатор вербального сообщения, вольно или невольно, выбирает только те формы подачи текста, которые в наибольшей сте-

По ту сторону Слова

пени отвечают, во-первых, ситуации общения, во-вторых, собственным индивидуальным психологическим особенностям. Причем чаще доминирует второе условие уже потому, что обычно человек не *проектирует* форму передачи своего сообщения. Но даже искусственный оратор, тонко чувствующий нюансы взаимодействия с аудиторией, предпочитает «свои», проверенные и отработанные формы передачи сообщения. Тем самым эти формы становятся как бы индивидуальным стереотипом, персональным языковым клише: и при этом служат выразителями индивидуально-психологических особенностей, так как связаны с психологическим укладом автора.

Психологическое содержание текста вообще неподвластно сознанию инициатора сообщения, практически полностью совпадая с психологическим укладом автора. В то же время эта функция текста чрезвычайно весома во взаимодействиях между людьми.

Бестселлер — позолоченная гробница посредственного дарования
Л. Смит

Простой пример. Вряд ли можно бросить хотя бы тень сомнения на то, что Ф.М. Достоевский гораздо содержательнее и глубже в анализе криминальных ситуаций, чем, например, сегодняшняя «звезда русского бестселлера» — А. Маринина. Однако также бесспорно, что читательская аудитория последней несравнимо шире сегодняшней аудитории гения русской литературы. Пусть и не единственная, но одна из основных причин этого... в большей *психологической* близости теперешнего россиянина к менталитету Марининой, чем к духовному миру Федора Михайловича Достоевского.

Как видно из таблицы, ведущей формой коммуникации текста Нагорной проповеди является *монолог*. Результат вполне объясним своим соответствием жанру материала: проповедь — монологическая речь, следовательно используемый метод валиден. *Синхрония* значительно усиливает аргументацию сообщаемого, и это делает объяснимым, что в проповеди нового мировоззрения используется такой прием. Валидность метода подтверждается и близостью синхронии и (что здесь особенно значимо) *полифонии* («многозвучия»), так как параллельно-временной ряд обычно строится как одновременная событийность. О проповеднической опытности автора Нагорной Проповеди убедительно свидетельствует одновременное присутствие *интер-* и *интрадиалога*, что означает общение не только с внешним, но и с «внутренним» собеседником. Можно сказать, что автор весьма искушен в самоанализе.

Анализ речевых форм передачи замысла в приписываемом Иисусу тексте обозначил первый малоожидаемый вывод: на коммуникативном уровне текст Нагорной Проповеди очень *похож* на аутентичный текст Матфея. Кстати, добавим, что содержательный вывод из анализа языка этого текста Матфея идентичен выводам ранее проведенного исследования также аутентичных текстов этого автора.¹¹

Сравнительный анализ аутентичного текста Матфея и Нагорной Проповеди на основе только *психологических* характеристик достоверно показал, что эти тексты также *близки* между собой.¹² Иллюстрация этого результата приведена на рис. 1, где по оси X расположены номера однородных психологических характеристик, по оси Y — выраженность соответствующих характеристик.

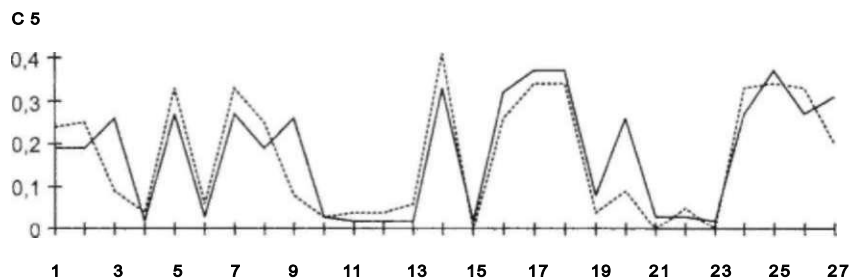

Рис. 1

Иного результата трудно было ожидать: если даже не сам евангелист Матфей «сгладил» индивидуальные особенности речи Иисуса, то это вполне могли сделать многочисленные переписчики и переводчики Нового Завета. Ведь Завет сказан *всем* людям, его адаптация к субкультурам, естественно, потребовала и приспособления к языковым традициям, что могли на себя взять только эпигоны идеи Иисуса.

Правда, *близость* отнюдь не означает *тождественность*. В данном случае об этом свидетельствуют (хотя их и незначительное число) несколько качественно принципиальных отличий Нагорной Проповеди от аутентичных текстов Матфея, причем как на уровне коммуникации, так и на уровне психологического содержания.

¹¹ См. главу «Великие». Психологический образ евангелиста Матфея.

¹² При сравнении качественно однородных характеристик двух психологических палитр оказалось, что средние близки (0,17 и 0,18), дисперсии близки (0,14 и 0,13), коэффициент корреляции +0,85 (что значительно превышает критическое значение при 1%-ном уровне значимости).

Таблица 1

Характеристика	Вес
Монолог-	0,11
Синхрония	0,06
Полифония	0,03
Интердиалог	0,01
Интрадиалог	0,01
Революционен	0,37
Рефлексивен	0,37
Самокритичен	0,37
Замкнут	0,33
Аутичен	0,32
Работоспособен	0,31
Блокирован	0,27
Застенчив	0,27
Раним	0,27
Толерантен	0,27
Циклотимичен	0,27
Оригинален	0,26
Шизотимичен	0,26
Экстравагантен	0,26
Эпатажен	0,26
Интровертирован	0,19
И стероиден	0,19
Целеустремлен	0,19
Осторожен	0,08
Асоциален	0,03
Решителен	0,03
Фанатичен	0,03
Этноцентричен	0,03
Артистичен	0,02
Девантен	0,02
Истеричен	0,02
Общителен	0,02
Патриотичен	0,02
Эпилептоиден	0,02

В первом случае — это присутствие характеристики *объектности* в коммуникативно-речевой деятельности Матфея. Здесь вполне уместно привести один из выводов упомянутого выше исследования текстов Матфея, где речь идет именно об этом: «Для стратегии речевого поведения Матфея характерно подчинение всех высказываемых в тексте идей авторскому «Я» (объектность). В сознании автора идеи Евангелия образуют целостность и единство воспринятого и понятого мира, а не множественность равноправных и независимых идей... Чужое «Я» (в данном случае — «Я» Христа) в действиях, поступках, поведении интериоризируется, становится своим «Я». Границы между своим и принимаемым чужим «Я» стираются, а истоки чужого сознания вытесняются».⁵³ Но объектность, являясь чертой *личности*, — лишь предпосылка к актуализации форм коммуникации текста. Свидетельством действительного присутствия чужого сознания в тексте может служить, среди других, *полифония*, так как наиболее вероятно, что среди множества сообщаемых идей должны присутствовать и чужие идеи. Отсутствие объектности и присутствие полифонии в коммуникации Нагорной Проповеди говорит о снижении

См. главу «Великие». Психологический образ евангелиста Матфея.

инициативы Я Матфея, о трансформации (подавлении одних и высвобождении других свойств) его личности *чужим*, но глубоко и прочно интериоризованным сознанием.

Во-втором случае — это более яркая выраженность таких психологических характеристик, как *гипомания* (в таблице — общителен), *психопатия* (в таблице — асоциален), *шизотимия*, инвертированная *ипохондрия* (в таблице — работоспособен) и *истерия* в тексте Нагорной Проповеди по сравнению с аутентичными текстами Матфея. Кроме того, в Нагорной Проповеди присутствует одна характеристика, вовсе отсутствующая в психологической ткани аутентичных текстов Матфея, — *эпилептоидность*. Даже беглый взгляд на приведенный список аномальных черт порождает навязчивое ощущение, что обладающий ими человек *девиантен*.

Пока предварительная интерпретация наблюдений следующая: текст Нагорной Проповеди не может считаться аутентичным текстом Иисуса Христа, этот текст принадлежит Матфею. Но евангелист нам передает *чужую* идею (возможно, идею Иисуса), излагая ее в свойственной себе манере (грамматической, лексической, стилистической), при этом сохраняя сущность *психологического* содержания исходного чужого замысла.

Прежде чем изложить «психосинтетическую» трактовку, вероятно, дискуссионного результата настоящей работы, следует обратиться к выводам аналогичных исследований. Речь идет, прежде всего, о ныне практически забытой науке — *европатологии*. Внимание вдохновителей этого направления психиатрии было привлечено к вопросам патологии гениально одаренной личности, а также вопросам патологии творчества.

Кто такой Иисус? Нищие отвечают: некий человеческий тип, которому нужно дать психологическую характеристику.

К. Ясперс

Интересующий нас вопрос был, пусть и недостаточно ярко, освещен немецким исследователем В. Ланге: «Если Иисус была личность психотическая (что весьма вероятно), то этот факт доказывает, насколько велика роль психопатологического фактора в истории».⁵⁴ Ланге ссылается на ряд исследований других ученых, в которых утверждается *девиантность* (более того — патологичность)

⁵⁴ Ланге В. Проблема «гениальности и помешательства». // Клинический архив Гениальности и Одаренности (европатологии). Вып. 4, т. 4, Л.: 1928, с. 22.

По ту сторону Слова

психологического уклада Иисуса Христа, что аргументируется присутствием в поведении Иисуса таких черт, как *параноидность*, *психопатия* и *эпилептичность*. Там же говорится о гебоидных признаках поведения юного Иисуса. Напомним, что обычно такие люди (при сохраненных интеллектуальных возможностях) пребывают в состоянии усиленной рефлексии, гиперсклонности к абстрактным рассуждениям, проявлению особых сверхценных интересов к философским системам, религии, искусству, то есть к тому, что называют «метафизической интоксикацией». В то же время они не склонны продолжать когда-то начатое обучение и неспособны удерживать трудовой навык. Их весьма активная, но малопродуктивная деятельность во внешних проявлениях весьма назойлива для окружающих и несет печать утрированности и карикатурности.

Проблема «гений и помешательство» лишь обрела черты эмпирического рассмотрения в Новое время, оставаясь в философском аспекте такой же, какой ее видели еще античные мыслители: «Древние думали, что всюду, где есть сумасшествие, есть и гений и мудрость — вообще есть нечто «божественное»; или как они выражались прямее и резче: «сумасшествие дало Греции величайшие блага» так говорил Платон со всем старым человечеством!»⁵⁵ Тема, занимавшая умы далеко не второстепенных ученых XIX столетия, конечно же, не могла не быть исследованной Ф. Ницше: «... если... постоянно возникали все новые и новые мысли, взгляды, цели, то происходило это при страшном сопутствии: почти всюду дорогу новым мыслям прокладывало сумасшествие; оно же ломало и уважаемые обычаи и суеверия.»⁵⁶

Бог создал людей по своему подобию, это означает, по-видимому, что человек создал бога по своему подобию.

Г. Лихтенберг

Применительно к обсуждаемой теме, намеки и заявления эвропатологов, если и не находят аргументированного исторического подтверждения, то, во всяком случае, не могут быть безапелляционно отвергнуты, хотя бы на основании того небольшого и спорного, что мы знаем о жизни Иисуса-человека (например, отказ от отцовской профессии, бродяжничество длительное время в юности, самоубийство в Иерусалимском Храме).

⁵⁵ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни...: Сборник / Мн.: «Попурри», 1997, с. 399.

⁵⁶ Там же, с. 398.

Возвращаясь к результатам обсуждаемого исследования, напомним о выявленных на уровне коммуникации не только возможности, но и действительном присутствии чужого сознания в психологическом укладе автора первого Евангелия. Более заметные свидетельства, убеждающие в присутствии чужого сознания в Я Матфея, содержатся в психологической палитре текста Нагорной Проповеди.

Итак, тематически близкие исследования других авторов обнаруживают в психологическом укладе Иисуса Христа черты *психопатии, эпилепсии* и *паранойи*. Настоящее исследование Нагорной Проповеди, авторство которой приписывается Иисусу, показало весомость (по отношению к аналогичным в аутентичных текстах Матфея) в психологической палитре следующих характеристик: *гипомании, психопатии, шизотимии, истерии* и *эпилепсии*. В то же время, в психологической ткани Нагорной Проповеди отсутствуют такие характеристики аутентичных текстов Матфея, как *ипохондрия* и *параноидность*. Бесспорное отличие результата данного исследования от аналогичных работ других авторов состоит в отсутствии *параноидности* в психологическом укладе автора Нагорной Проповеди. Этому факту может быть дано следующее объяснение: да, признаки маниакальной одержимости сверхценной идеей есть в психологическом содержании Нагорной Проповеди, но этого не вполне достаточно для того, чтобы говорить о параноидности автора. Параноидность — это еще и длительные аффективные переживания (застревание аффектов), чего в психологической палитре Нагорной Проповеди не наблюдается. Что касается остальных обнаруженных аномалий, то следует признать заметную сходимость результатов настоящего и аналогичных исследований других авторов. Здесь подтверждается наличие *эпилептоидности* (что предполагалось, в частности, Ланге) в сочетании с *истероидностью* (что обнаружено только в настоящем исследовании) в психологической палитре автора Нагорной Проповеди. Дело в том, что обе эти характеристики часто присутствуют одновременно в эпилептоидном статусе, и обнаруженное здесь, таким образом, значительно усиливает аргументацию того, что автор Нагорной Проповеди обладал чертами истероидно-эпилептоидной личности.

Не судите, да не судимы будете.

Матф. 7:1

И все же: был ли Иисус Христос революционером? Результаты настоящего исследования не позволяют дать категорически положительный ответ на этот вопрос. Казалось бы, что сложилась тупи-

По ту сторону Слова

ковая ситуация: с одной стороны, математический — количественный — анализ безусловно показывает близость Нагорной Проповеди аутентичным текстам Матфея; с другой стороны, также безусловно то, что в психологической ткани Нагорной Проповеди присутствуют качественные признаки девиантного характера, отсутствующие в аутентичных текстах автора первого Евангелия.

Проиллюстрируем сказанное только лишь на основании психологических отличий Нагорной Проповеди от аутентичных текстов Матфея, сравнив два заключения, одно из которых приводится дословно из ранее проведенного исследования.

Автор Нагорной Проповеди предстает сильным, решительным и волевым. Явное безразличие к состоянию собственного здоровья открывает путь к самоотреченной работоспособности. Новаторство идей носит печать асоциального бунтарства, революционности, обнаруживая черты их агрессивного внедрения. Целеустремленность, однако, не переходит в параноидность, оставляя место для рефлексии и осторожности поступков. Наблюдаемый фанатизм не достигает вершины, так как успешно блокируется, превращаясь в «выход», необходимый для успеха неординарной деятельности в форме проповедничества под флером артистизма.³⁷

«Евангелист Матфей предстает сильным, решительным, волевым, но... глубоко переживающим, замкнутым и смиренным. Он подает пример терпения несчастий и бед, а также терпимости в отношениях с людьми. Матфей представляет собой как бы двуединую личность: все новаторское, решительное и даже агрессивное остается во внутреннем плане (возможно, что эти качества требуются для продолжения и успешного завершения работы над Евангелием), то есть одержимость остается «в себе» и «для себя»; во внешнем же плане это корректный, тактичный, правопослушный, но настойчивый и последовательный проповедник-лидер.»³⁸

³⁷ Любопытно сравнить наше заключение с определением *революционности* бесспорного специалиста в этой области — известного психоаналитика Э. Фромма: «Революционер — это человек, который освободился от уз крови и почвы, от отца и от матери, от особой лояльности по отношению к определенному государству, классу, партии, расе и религии. Революционный характер — гуманист, в том смысле, что он ощущает в себе все человечество, и ничто человеческое ему не чуждо. Он любит и почитает жизнь. Он скептик и человек веры.» (Из кн. «Догма о Христе» в кн. «Психоанализ и этика», М., Республика, 1993, с. 209.)

³⁸ См. главу «Великие». Психологический образ евангелиста К4атфея.

Итак, психологические признаки «революционности» обнаруживают себя в тексте Нагорной Проповеди. Но как быть с ее автором? Ответ на поставленный вопрос отнюдь не лежит на поверхности, и чтобы избежать сослагательной неуверенности в окончательном выводе, нам следует обратиться к некоторым идеям гениального Х.Л. Борхеса.

*Бог — просто главный герой религиозного романа,
Д. Ллойд-Джордж*

В «метафизическом» эссе «Пьер Менар, автор «Дон Кихота» Хорхе Борхес обсуждает проблему авторства, причем в ракурсе гораздо более широком, чем это делают ученые-герменевтики.

Некто Пьер Менар решил повторить великий роман, но: «Не второго «Дон Кихота» хотел он сочинить — это было бы нетрудно, — но именно «Дон Кихота». Излишне говорить, что он отнюдь не имел в виду механическое копирование, не намеревался переписывать роман. Его дерзновенный замысел состоял в том, чтобы создать несколько страниц, которые бы совпали — слово в слово и строка в строку — с написанными Мигелем де Сервантесом».⁵⁹ Но как воплотить этот замысел? «Быть в той или иной мере Сервантесом и прийти к «Дон Кихоту» он счел менее трудным путем — и, следовательно, менее увлекательным, — чем продолжать быть Пьером Менаром и прийти к «Дон Кихоту» через жизненный опыт Пьера Менара».⁶⁰ Что же, в случае успешного воплощения замысла, происходит с личностью творца? Устами некоей мадам Башелье Борхес усматривает здесь «разительное и очень типичное подчинение автора психологии героя».⁶¹ Это — ответ на вопрос об авторстве Нагорной Проповеди.

Рассуждения гениального Борхеса — бесспорны и самодостаточноны, но автор настоящей работы не может отказать себе в честолюбивом удовольствии привести аналогичный, но *собственный* вывод одного из ранее проведенных исследований: «М. Шолохов бесспорно написал «Тихий Дон», но опирался при этом на какую-то базу (этой базой не обязательно должен быть черновой текст будущего «Тихого Дона»), которая в культурно-историческом отношении одинаково близка всему донскому казачеству (и, конечно,

Борхес Х.Л. Проза разных лет. Сборник, —М.: Радуга, 1984, с. 64.

⁵⁹ Там же, с. 65.

⁶¹ Там же, с. 66.

По ту сторону Слова

Шолохову), но для М. Шолохова в определенном смысле стала и формирующей его личность основой, творцом Шолохова-человека, определив основные личностные качества будущего автора «Тихого Дона».⁶²

Наконец, приведем последнее мнение о сущности экзистенции Иисуса, согласующееся с выводами настоящего, и подчеркнем, *эмпирического* исследования: «Прежде всего на место действительного Иисуса подставили выдуманный **образ Иисуса** (выделено автором): борца и фанатика, нападающего на священников и богословов; затем, в интерпретации Павла, появился образ Спасителя, в котором важны были, собственно, лишь смерть и воскресение.»⁶³

Оставаясь в строгих рамках изученного материала, вывод, жестко обусловленный результатами настоящего исследования, формулируется следующим образом:

Действительным автором Нагорной Проповеди и, следовательно, действительным революционером является евангелист Матфей. Иисус Христос — герой Нагорной Проповеди, созданный автором. Но величие этого героя таково, что он значительно повлиял на исход девятых личностных особенностей автора, до того находившихся в пластике бессознательного психического уклада Матфея.

О прототипе героя Нагорной Проповеди, или реальности Иисуса Христа, в контексте данного исследования можно сказать словами Борхеса:

«Историческая истина... не то, что произошло, она то, что, как мы полагаем, произошло».

Батов В.И. Другому как понять тебя? М.: Знание, 1991, с. 37—38.
Ясперс К., цит. соч., с. 27.

2. Психологический образ евангелиста Матфея⁶⁴

Можно быть святым и без бога.

А. Камю

Казалось бы, весьма не просто отыскать «белое пятно» в библейской проблематике. И все же, за каждым этапом развития естественнонаучных методов открываются новые перспективы постановки проблем. Одна из них — психологический облик авторов канонических текстов Нового Завета: евангелистов Матфея, Марка, Луки и Иоанна. Понятен историко-психологический интерес к личности первоотцов и подвижников христианства, приобретающий научный (в основном психиатрический) акцент уже в первой половине XIX века. Сводка этих результатов, касающихся личности Христа, приведена в рамках несостоявшейся, к сожалению, науки — эвропатологии.

Но проблема эта гораздо глубже. Практически все человечество в течение почти двух тысячелетий знакомится с жизнью и учением Иисуса Христа по Новому Завету. В то же время, та психическая энергия, которая сконцентрирована в Евангелии, с одной стороны, отражает личностно-психологический уклад евангелиста, с другой — так или иначе воздействует на читателя. Для очень многих людей сила этого воздействия оказывается весьма ощутимой, хотя и далеко не всегда осознаваемой. Отсюда понятен интерес современного психолога к этой проблеме. Но из этого же следует, что прежде чем что-либо говорить о психологическом эффекте воздействия Евангелия, необходимо дать содержательное описание той психической энергии, которая в нем заключена, то есть, в конечном счете, выявить психологическую составляющую автора в языковой ткани Священного Писания. При этом следует учесть по крайней мере два обстоятельства.

Во-первых, библейские тексты переведены на многие языки мира и функционируют в разных живых языках, поэтому было бы более корректным говорить о психологическом имидже (образе) того или иного библейского автора и не настаивать на выявлении собственно психологического уклада его личности.

Исследование проведено совместно с В.И. Жбановым.

По ту сторону Слова

Во-вторых, важный и сложный вопрос о неаутентичности функционирующих текстов Евангелия снимается, если поставленную проблему рассматривать в контексте «здесь и сейчас», то есть исследовать библейского автора именно таким, каким он «задан» национальными иерархами современной христианской Церкви, канонизировавшими текст современного Евангелия.

Источник

Новый Завет включает 27 книг: четыре евангелия, книгу «Деяния святых апостолов», 21 послание, авторство которых приписывается св. Павлу, св. Петру, св. Иакову, св. Иоанну, св. Иуде, а также «Откровение Иоанна Богослова». Подлинных рукописей Нового Завета не сохранилось, и в настоящее время известно около 4000 его полных списков и более 25000 фрагментов. Поэтому письменные источники раннего христианства продолжают привлекать внимание исследователей различных направлений науки. Достаточно сказать, что из 27 книг Нового Завета 19 не признаны сочинениями тех авторов, которым они приписываются. Проблема авторства новозаветных текстов до сих пор окончательно не решена.

Первым каноническим источником, отражающим земной путь Иисуса Христа, по церковной традиции считается Евангелие от Матфея. Реальная и будничная жизнь Палестины дышит в этом далеком отражении. В потоке реальных событий просто и бесстрастно выступают евангельские лица. Но это не произведение литературного жанра и не летописный документ, а скорее историческая икона, основанная на сведениях, хорошо известных автору, событиях, рассказанных по живому впечатлению. Вот Иисус тихо беседует с учениками, идя среди колосьев золотой пшеницы, изгоняет торгующих из храма, рыдает на холмах Иерусалима, стоит перед толпой со связанными руками, «Се, человек»...

Текст Евангелия от Матфея хорошо известен христианским писателям первых веков. Об этом свидетельствуют, например, Папий — епископ Иерапольский, ученик апостола Иоанна⁶⁵: «Матфей записал беседы Господа на еврейском языке, а толковали их кто как мог»; Ириней — епископ Лионский⁶⁶: «Об устройении нашего спасения мы узнали не через кого другого, а через тех, через которых

⁶⁵ Цит. по: Марцинковский В.Ф. Достоверно ли Евангелие? На основании первоисточников.—М.: Либрис, 1991, с. 14.

⁶⁶ Там же, с. 14.

дошло к нам Евангелие, которое они тогда проповедовали (устно), потом же по воле Божьей передали нам в писаниях... Так, Матфей издал у евреев на их собственном языке писание Евангелия в то время, как Петр и Павел в Риме благовествовали и основали Церковь». В послании от Варнавы имеется фрагмент из Евангелия от Матфея («Много званых — мало избранных») с прибавлением слов: «как написано» (*sicut scriptum est*), что считается формулой канонического признания. Последние возражения против подлинности этой прибавки были сняты в середине XIX века после находки Тишендорфом знаменитой Синайской рукописи на греческом языке, где в послании Варнавы имеется аналогичная запись.

Предполагается, что Евангелие от Матфея было написано прежде других, во всяком случае еще до разрушения Иерусалима и опустошения Иудеи при Веспасиане и Тите (т.е. до начала 70-х годов н.э.). По преданию, Евангелие было написано по-арамейски, но этот ранний текст не сохранился и, как все книги Нового Завета, дошел до нас на александрийском наречии греческого языка, так называемом койни. О том, что Матфей написал Евангелие для иудеев на еврейском языке, говорит Ориген. Подобные свидетельства есть у Евсевия, Иеронима, Епифания, Златоуста, Августина и других древнехристианских писателей. Куда же делся еврейский подлинник Евангелия? Архимандрит Михаил в своих объяснительных примечаниях к Евангелию от Матфея, изданных в 1870 году, говорит следующее: «Из рассмотрения свидетельств древних церковных писателей, в особенности Иринея, Оригена, Иеронима, Епифания, надобно вывести следующие заключения о судьбе этого еврейского подлинника: первоначально он оставался в употреблении у христиан из иудеев, говоривших по-еврейски, в особенности палестинских. С течением времени, когда из них начали выделяться секты так называемых Назореев и Евионеев, это Евангелие, пришедши к ним, начало постепенно терять свою чистоту и повреждаться; явились в нем вставки, опущения и повреждения, частью невинные, частью под влиянием еретических воззрений этих сект. Первоначальное еврейское Евангелие от Матфея в его первобытной чистоте таким образом утратилось, что впрочем для веры не очень важно, так как сохранился древнейший верный перевод его, признанный Церковью подлинным Евангелием от Матфея».⁶⁷

⁶⁷ Толковое Евангелие.—М.: Изд. отд. Московского Патриархата, Донской монастырь, 1993, с. XVIIII-XIX.

По ту сторону Слова

О месте создания Евангелия от Матфея нет единой точки зрения. Одни называют Иерусалим, Антиохию, другие — сирийские города Эдиссу и Апамею, и даже египетскую Александрию, хотя достоверных исторических сведений на этот счет не сохранилось.

О личности автора первого Евангелия не известно почти ничего, кроме того, что сообщают о нем священные книги Нового завета. Известно, что первоначально он был мытарем, или сборщиком податей, и назывался Левий или Матфей, сын некоего Алфея. Без колебаний он отказался от спокойной жизни сборщика податей и пошел «за голосом Господним». В Евангелии от Матфея (9:9) сказано: «Проходя оттуда, Иисус видел человека, сидящего у сбора пошлин, по имени Матфей, и говорит ему: следуй за Мною. И он встал и последовал за Ним». Сходные тексты имеются и в двух других евангелиях — от Марка (2:14) и от Луки (5:27). Судя по всему, Левий был незаурядной личностью в кругу учеников Иисуса. Считается, что до разрушения Иерусалима римлянами он занимался распространением христианства в Палестине среди иудеев и для них написал он свое Евангелие.

Главная задача апостола Матфея заключалась в доказательстве того, что Иисус Христос именно тот Мессия, пришествие которого предсказывали и ожидали ветхозаветные пророки. Немало внимания автор уделил литературной стороне своего труда. Текст представляет собой симметричную конструкцию, включающую рассказы о совершенных Иисусом чудесах, поучительные сказания (притчи) и так называемые логики — изречения на темы морали и религии. Матфей довольно часто использует монологи и диалоги, а также различные стилистические приемы: контрасты, повторы и др. Евангелие от Матфея, изложенное в незабываемых для христиан стихах, дает самый полный и прекрасный образ Иисуса Христа. Благодаря принятой манере повествования, образ Спасителя непроницаем, но вместе с тем полон кротости и тишины. Земной план евангельской истории таинственно прозрачен, но сквозь историческую реальность постоянно просвечивает Божественная действительность.

Евсевий Кесарийский в своих «канонах» разделил Евангелие от Матфея на 355 частей и заметил, что 111 из них имеются у всех трех синоптиков: Матфея, Марка и Луки. Поздние экзегеты разработали более точную формулу для определения сходства синоптических евангелий, изложенных в одном, общем ключе, и вычислили, что у Матфея имеется 350 стихов, свойственных только ему.⁶⁶ Сходства

⁶⁶ Толковая Библия или комментарий на все книги Святого Писания Ветхого и Нового Завета.—Спб.: 1904—1913, 2-е изд., Стокгольм, Институт перевода Библии, 1987.

главным образом отмечаются в передаче изречений Христа, а разности — в повествовательной части. По мнению многих современных ученых, евангелия Нового Завета представляют собой конечную фазу устной традиции, складывавшейся анонимно в ранних христианских общинах, и являются компиляцией, где в одно целое объединены распространенные в то время пророчества, притчи, изречения и сказания о жизни Иисуса Христа.

В настоящей работе анализировались пять фрагментов Евангелия от Матфея.⁶⁹

Основной результат представлен на рис. 2.⁷⁰

Рис. 2

Для стратегии речевого поведения Матфея характерно подчинение всех высказываемых в тексте идей авторскому Я (объектность). В сознании автора идеи Евангелия образуют целостность и единство воспринятого и понятого мира, а не множественность равноправных и независимых идей. Можно сказать, что авторское сознание присваивает, усваивает и, наконец, осваивает чужие идеи, делает их своим достоянием, тем самым как бы полностью берет ответственность за них перед аудиторией чужих сознаний. Чужое Я (в данном случае — Я Христа) в действиях, поступках, поведении интериоризируется, становясь своим Я. Границы между своим и принимаемым чужим Я стираются, а истоки чужого сознания вытесняются.⁷¹

В тактике речевого поведения автора преобладают монолог и диалог. Монологичность вообще свойственна объектному сознанию

⁶⁹ 1-й: гл. 3 (245 слов); 2-й: гл. 11, с 1-го по 19-й стихи (237 слов); 3-й: гл. 21 (798 слов); 4-й: гл. 27 (923 слова); 5-й: гл. 28 (311 слов).

⁷⁰ Где: по оси X — наименования форм речевой коммуникации; по оси Y — число фрагментов, в которых использована данная форма.

⁷¹ Здесь, возможно, лежат причины вариативности сюжетной линии Евангелия.

По ту сторону Слова

(вспомним Л.Н. Толстого с его длинными предложениями), а вытекающее из этой формы менторство и дидактизм являются непременной чертой проповеди. Но в данном случае назидательный монолог сопрягается с диалогом — формой беседы или спора, где различные точки зрения отражают разнообразие или противоположность позиций контрагентов общения. Более того, в основном здесь присутствует интрадиалог, когда различные точки зрения принадлежат только персонажам мира, созданного речевым сообщением Матфея, персонажам языковой действительности Евангелия. Это свидетельствует о продуманности позиции автора (о склонности к рефлексии), о его заботе поиска аргументов и, в конечном счете, о желании быть понятым.

Говоря о временной развертке порождаемых автором Евангелия идей, следует отметить их синхроничность, когда события, в которых отражен замысел, существуют и сопрягаются автором как одновременные, то есть в едином временном потоке. Именно этот прием стилистической организации дискурса служит укреплению аргументации и, следовательно, убедительности рассуждений.

В целом, рассматривая особенности языковой организации Евангелия от Матфея: объектность, монологичность, интрадиалог, синхрония и др. — следует сделать вывод о том, что автор весьма искусен в искусстве пропаганды излагаемых идей, а собственно работа над текстом протекала в уединении и неспешно.

Психологический имидж

Палитра психологических характеристик автора представлена в табл. 2, где в правом столбце указано число текстов, содержащих соответствующие признаки.

Следует сделать одно замечание, относящееся к процедуре анализа текстов. Как видно из предшествующего и последующего материала, пять фрагментов Евангелия от Матфея анализировались «в пакете», а не как один целый текст. Дело в том, что обычно (опыт многих лет подобных наблюдений) палитра психологических характеристик автора, полученная на основе анализа одного аутентичного текста, содержит от 10 до 15 единиц. Понятно, что, желая рассмотреть автора в нескольких ракурсах, необходимо проанализировать отдельно тексты, разделенные временем их составления. Тогда возможно уловить «ситуативные» признаки: характеристики текущего состояния, смену мотивов и установок. Глубинные же характеристики должны повторяться в большей части текстов. Именно это и демонстрирует результат, приведенный в таблице.

Таблица 2

Характеристика	Частота
Интроверт	5
Асоциален	1
Адаптирован	1
Подавление Пола	5
Инверсия Пола	4
Маскировка Пола	2
Блокирован	1
Новатор	2
Шизотимик	1
Решителен	4
Параноид	4
Психопатичен	1
Сдержан	2
Амотивен	1
Артистичен	1
Инфантилен	1
Работоспособен	1
Замкнут	4
Мрачен	4
Астеничен	5
Дистимичен	5
Аутичен	1
Растерян	1
Тревожен	1
Беспокоен	1
Компромиссен	1
Осторожен	1
Маниакален	3
Шизоид	1
Импульсивен	1
Застенчив	4
Циклотимик	3
Синтонен	1
Фрустрирован	4
Ипохондрик	4

Итак, автор принадлежит к тому типу личности, который принято называть интровертированным циклотимиком. Человек с качествами «чистого» интроверта живет не столько своими внешними восприятиями и ощущениями, сколько внутренними представлениями. Внешние события влияют на жизнь такого человека сравнительно мало, гораздо важнее для него то, что он о них думает. Он не связан текущими впечатлениями момента и учитывает только то, что ему подсказывают его прежние представления и опыт. Он погружен в мир собственных представлений и переживаний, отдален от реальной действительности и мало принимает в расчет внешнее окружение.

Но в данном случае наблюдаемый имидж представляет весьма не простую психологическую картину. Интроверсия здесь «отягощена» параноидностью, дистимией и ипохондрией. Постоянное присутствие всех этих характеристик в текстах, продуцированных в разное время, говорит о длительном пребывании автора в глубоком депрессивном состоянии, окрашенном утрюмо-раздражительным настроением с выраженными ипохондрическими симптомами и опасениями

сверхценного характера. Но развитая способность к рефлексии позволяет адекватно осознать переживаемое состояние. Обычно дистимиченного характера. Но развитая способность к рефлексии позволяет адекватно осознать переживаемое состояние. Обычно дистимиченного характера.

По ту сторону Слова

мии⁷² (которая появляется после 40 лет у лиц болезненного склада и астенического конституционального типа) предшествует соматическое истощение, затянувшееся выздоровление после инфекционного заболевания, острая психическая травма или длительная психотравмирующая ситуация. Здесь постоянным и сильным психическим пресингом является сознательное подавление мужских черт характера. Однако наблюдаемое нужно рассматривать именно как переменное состояние, протекающее в депрессивной фазе циклотимии.

Следует обратить внимание еще на одну весьма своеобразную особенность психологического имиджа автора: одновременность присутствия решительности в действиях и сдержанности в крайних ее проявлениях. История свидетельствует, что новаторство всегда дорого обходится пионерам прогресса. Часто процесс преодоления инерции масс проходит под знаком агрессивности по отношению к инакомыслящим. Здесь же, то есть в психологическом имидже автора, присутствует мощный блокирующий агрессивность фактор — ингибция⁷³, складывающийся из таких разных характеристик, как подавление пола (здесь: аскетизм, подавление традиционно мужского в характере, намерениях и действиях), смена или блокировка чувственных мотивов, тревожность, застенчивость, компромиссность. Во внешнем плане ингибция — это терпеливые, учитывающие обстоятельства и время, а также психологию аудитории действия и поступки автора. Характерно, что это поведение — реакция на преодоление состояния фрустрации, по-видимому, достаточно часто испытываемое автором.

Также обращает на себя внимание, что автор последователен, настойчив и терпелив в своих действиях: он не может отложить решение проблемы, но он должен еще раз все взвесить и все обдумать. Правда, за подобной отсрочкой действия скрывается не робость или нерешительность при выборе решения, а наоборот — упорство и решительность. Данное противоречие связано с такой чертой его характера, как неспособность к быстрой ликвидации последствий аффективных состояний. У таких людей действие аффекта прекращается медленно, и стоит им лишь мысленно вернуться к ситуации, вызвавшей аффект, как немедленно оживают и соответствующие этому состоянию эмоции.

⁷² Патологическое изменение настроения в сторону его ухудшения; проявляется подавленностью, унынием, грустью, печалью, переживанием происшедшего или предчувствием несчастья, тоской. Состояние сопровождается дискомфортными соматическими ощущениями.

⁷³ Процесс подавления, торможения, сдерживания чувств, эмоций, поступков.

Великие

Подробный анализ столь обширной палитры психологических свойств достаточно сложен в границах отдельной работы. Поэтому здесь предлагается процедура «упаковки» отдельных связанных между собой характеристик в более крупные признаки. Понятно, что число таких признаков (кластеров, факторов) достаточно велико и их окончательный отбор связан с задачей исследования и зависит, в конечном счете, от воли исследователя. Один из таких «пакетов» приведен на рис. 3.

Рис. 3

Информация, представленная в форме объемной диаграммы, наглядна, но более рельефно подтверждает анализ, сделанный на основании табл. 2.

Интровертированность автора «запрещает» ему безудержное общение, разрешая ровно столько контактов, сколько это необходимо для распространения христианских идей.

Первая и обычно наиболее часто встречающаяся реакция на психологический прессинг, вызывающий состояние фрустрации, — агрессивность — полностью блокируется или подавляется способностью к ингибции. Но сдерживание в поведении стоит автору весьма дорого, так как возникает состояние тревожности, окрашенное в тона угрюмости и мрачности.

Наконец, необходимо отметить весьма редкий факт: автор остается психологическим лидером, несмотря на явно выраженный конформизм.⁷⁴

⁷⁴ Правда, вопрос о реалиях общественных сфер того времени, где мог бы быть проявлен конформизм автора, лежит вне плоскости психологического рассмотрения и остается открытым.

По ту сторону Слова

Потусторонний мир — всего лишь эхо постстороннего мира.

Л. Фейербах

Евангелист Матфей в том психологическом имидже, который воспроизведен в настоящей работе (что, наверное, не является достаточно полным и единственным психологическим образом), предстает сильным, решительным, волевым, но... глубоко переживающим, замкнутым и смиренным. Он подает пример терпения несчастий и бед, а также терпимости в отношениях с людьми. Матфей представляет собой как бы двуединую личность: все новаторское, решительное и даже агрессивное остается во внутреннем плане (возможно, что эти качества требуются для продолжения и успешного завершения работы над Евангелием), то есть одержимость остается «в себе» и «для себя»; во внешнем же плане это корректный, тактичный, правопослушный, но настойчивый и последовательный проповедник-лидер.

Можно ли сделать предположение о психологическом качестве и интенсивности эффекта воздействия Евангелия от Матфея на читателя? К сожалению, пока нет общепризнанной шкалы интенсивности воздействия вербальной информации на аудиторию. И все же, думается, что это влияние должно быть достаточно заметным в любой аудитории (разумеется, с поправкой на индивидуально-психологические особенности читателя). В качественном отношении это воздействие должно стимулировать возникновение и/или укрепление чувств терпимости, самоограничения и смирения, то есть полностью достигает целей христианского вероучения и совпадает с обыденным представлением о роли и влиянии Священного Писания.

А.С. ПУШКИН: ЦИКЛОИДНОСТЬ ХАРАКТЕРА И ХОЛИЗМ ТВОРЧЕСТВА

1. От экзальтации до меланхолии

*Странное смещение в этом
великолепном создании!*

И.И. Пущин

А.С. Пушкин — неисчерпаем и загадочен. Много ли мы знаем о *психологии* личности поэта? И чем дальше во времени уходит от нас гений, тем меньше остается достоверных источников, отражающих его истинный психологический уклад. Что остается потомкам? Сказанное (написанное) о себе самом? Мало достоверно, так как субъективно уже по мотиву самооценки. Воспоминания современников? Более надежный источник, ностораживает, во-первых, невысказанный искренний мотив инициативы «воспоминаний о великом» и, отсюда, спекулятивность самих воспоминаний; во-вторых, частые ссылки типа: «со слов ближайшего друга... родственника... знакомого». Причем второе опасение тем более усиливается, чем большее расстояние нас отделяет от времени бытия гения, так как прямые и не прямые его потомки уже ссылаются на «воспоминания» вторых и третьих лиц из окружения поэта. Но остается (в масштабах жизни человечества — навечно), зафиксированный тем или иным способом, сам Язык творчества поэта, его Слово — исчерпывающий и достоверный источник информации о нем самом. Сегодня уже есть возможность исследовать ряд психологических особенностей человека на основании его языка.⁷⁵

Всякая поэзия есть выражение душевного состояния.

А. Бергсон

Величие личности — многоаспектно. Здесь рассматриваются только два вопроса, но наиболее различимые в калейдоскопе сегодняшнего гуманитарного видения мира.

⁷⁵ Настоящее исследование — это анализ психосемантики стихотворных лирических произведений А.С. Пушкина с помощью компьютерной программы, известной в литературе как ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС и являющейся одной из модификаций современных методов психолингвистического анализа аутентичных текстов.

По ту сторону Слова

Первый. Можно ли найти естественнонаучные психологические основания, подтверждающие широко распространенное мнение о крайней изменчивости настроения и поведения А.С.Пушкина? «Пушкин, с самого начала, был раздражительнее многих и потому не возбуждал общей симпатии: это удел эксцентрического существа среди людей... В нем была смесь излишней смелости с застенчивостью, и то и другое невпопад, что тем самым ему вредило.»⁷⁶ Подобные наблюдения со временем неизбежно порождают *мифы* о жизни великих людей, подменяя действительное содержание вымыслами и догадками.

Второй. Есть ли основания предполагать, что конец человеческого существования окрашен в какие-то иные психологические тона, *отличные* от психологической палитры остального периода его жизни? Может быть, далеко не случайно, что именно в 1836 году А.С. Пушкин написал «Пора, мой друг, пора...», и бессмертное — «Я памятник себе воздвиг...».

Жизнь и смерть Пушкина позволяют более внимательно рассмотреть этот вопрос, чем жизнь и смерть обыкновенного человека. Во-первых, нам достаточно хорошо известна *фактуальная* сторона жизни и смерти Пушкина, чего нельзя сказать о простом смертном. Во-вторых, налицо *видимость* рядовой случайности, ставшей причиной трагедии России: А.С.Пушкин не единожды стоял под дуэльным пистолетом, счастливо избегая рокового исхода до 27 января 1837 г. В-третьих, возраст и состояние физического здоровья Пушкина к началу 1837 года совершенно исключали даже намек на возможную *естественную* смерть. Может быть суицид? *Осознанный*, во всяком случае, исключается полностью.

Эти обстоятельства «рафинируют» научное исследование, исключая факторы, которые определяли бы ту или иную доминанту в конце жизни человека.

Лирическое стихотворение — это музыкальное выражение душевных переживаний с помощью языка.

А. Шлегель

Материалом исследования служили лирические стихотворения А.С.Пушкина за период с 1815 по 1836 гг., первые строки которых приведены в табл. 3. Выбор именно этих произведений продиктован только личной предрасположенностью автора, то есть сделан осознанно произвольно. Это, кстати, еще один довод в пользу непреднамеренности авторской установки возможного результата.

⁷⁶ Пушкин И.И. Записки о Пушкине. Письма.—М.: Советская Россия, 1979, с. 44.

Год	Первая строка стихотворения ⁷⁷	Частота
1815	Где наша роза, друзья мои?	5
1816	Слыхали ль вы за рощей глас ночной	9
1817	Не спрашивай, зачем унылой думой	15
1818	Любви, надежды, тихой славы	22
1819	Художник-варвар кистью сонной	37
1820	Зачем безвременную скуку	51
1821	Я пережил свои желанья,	54
1822	Сижу за решеткой в темнице сырой,	77
1823	Свободы сеятель пустынный,	91
1824	Фонтан любви, фонтан живой!	110
1825	Храни меня, мой талисман,	126
1826	Под небом голубым страны своей родной	156
1827	Во глубине сибирских руд	170
1828	Снова тучи надо мною	194
1829	Я вас любил: любовь еще, быть может,	216
1830	Что в имени тебе моем?	229
1831	Ревет ли зверь в лесу глухом,	267
1832	В тревоге пестрой и бесплодной	269
1833	Не дай мне бог сойти с ума.	281
1834	Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит —	283
1835	Последняя туча рассеянной бури!	287
1836	Я памятник себе воздвиг нерукотворный,	307

Психологический тип, к которому, несомненно, должен быть отнесен А.С. Пушкин - *шизотимический циклотимик*. Палитра психологических характеристик, формирующая психологический статус личности Пушкина, — динамична во времени и весьма пестра по содержанию.

А.С.Пушкин — ярко выраженный *циклотимик*⁷⁷ то есть его психическая деятельность подвержена периодическому колебанию эмоционального тонуса, и как следствие этого — значительные перепады интеллектуальной продуктивности, что отражается и в настроении, и в двигательной активности, и в работоспособности. Но

⁷⁷ Пушкин А.С. Лирика.-М., 1978.

⁷⁸ От слова «цикл», то есть регулярный процесс «торможения-возбуждения».

По ту сторону Слова

давно известно, а в обсуждаемой работе это блестяще подтвердилось, что эти периодические изменения, свойственные большинству людей, у сверхталантливой личности имеют весьма глубокое «погружение»: от экзальтации (с трудом сдерживаемая и малоосознаваемая психологическая норма чувства «радости от жизни»), переходящей в эйфорию (психологическая аномалия того же чувства), до меланхолии (психологическая норма — «здравствуй, грусть»), переходящей в депрессию (психологическая аномалия — «черная хандра»). В первом случае (возбуждение, радость) это происходит на фоне высокой интеллектуальной отдачи и высокопродуктивной работоспособности, во втором (торможение, подавленность) — снижение познавательной и моторной активности. И все же даже здесь Пушкин — не исключение.

Но далее начинается необычное.

А.С. Пушкин не может быть отнесен к «чистым» циклотимикам, так как его циклотимия пронизана *«шизотимическими»* чертами. И, кстати, приведенное наблюдение находит свое подтверждение и в телосложении поэта: в конституции Пушкина присутствуют признаки как пикника (небольшой рост) — это циклотимический конституциональный тип, так и астеника (сухопарость) — это шизотимический конституциональный тип.⁹⁹

И все же глубинной, доминирующей чертой психологического уклада **А.С.** Пушкина является циклотимия, а шизотимия — «умственная» черта фазы маниакально-депрессивного цикла (фазы полного цикла «возбуждения-торможения») и в значительной степени обусловлена ситуацией, то есть временем, местом и событийностью происходящего. Шизотимические черты в психологическом укладе личности проявляются, в частности, в заметной изоляции Я от внешнего мира (что усиливается в депрессивном состоянии), в гибкости и необычности мышления, в странных и необычных поступках (вспомним его кочевую жизнь с цыганами).

Бесспорный положительный ответ на первый из обсуждаемых вопросов — о циклоидности характера **А.С.** Пушкина — убедительно демонстрирует рис. 4, где приведены некоторые важные компоненты психологического уклада Пушкина, развернутые практически за весь творческий период его художественно-литературной деятельности.

⁹⁹ Основная черта шизотимика — способность и склонность взглянуть на себя со стороны. Правда, эффект такого «взгляда» зависит уже от других психологических свойств личности.

¹⁰⁰ По кречмеровской типологии «пикник» — человек небольшого роста, склонный к полноте и ... добрый (пример: Наполеон I периода императорства); «астеник» — тощий, изможденный, дистрофичный и ... злой (пример: А. Гитлер периода краха Третьего Рейха).

Рис. 4

Отчетливо видно, что колебания психических компонент синхронизированы во времени, а это свидетельствует о «монолитной» прочности, целостной *устойчивости* психологического уклада А.С. Пушкина на протяжении всей его жизни. И эта устойчивость — в ... периодичности смены настроения и творческой продуктивности.

Нетрудно видеть, что динамика состояния *депрессии* прямо свидетельствует о циклотимическом характере психического склада А.С. Пушкина. Напомним, что циклотимическим депрессиям как таковым присущи колебания настроения в широком диапазоне времени (даже в течение суток), за период протекания которых возможно улучшение общего состояния, уменьшение интенсивности пониженного настроения. Рисунок акцентирует внимание на том, что максимальная интенсивность циклотимической депрессии приходится на 1822 год. Но в данном случае картина усложняется присутствием также максимума шизотимии и сравнительно высокого уровня интровертированной (обращенности Я вовнутрь сознания) направленности общения. Это означает, что циклотимическая депрессия становится *ажитацией*, то есть состоянием, которое характеризуется психическим... возбуждением, творческой продуктивностью, двигательной активностью, и при этом сопровождается чувством *вины* и *тревоги*. Есть ли этому наблюдению какие-либо добросовестно-правдивые свидетельства? Да, есть.

А.С. Пушкин в этом году, заявляя: «Непобедимое волнение меня к лукавому влекло», написал знаменитую «Гавриилиаду», от которой потом всячески отрекался.¹¹ Поэт сам признает юношескую «ажитированность» этого периода своей жизни в письме из Кишинева в октябре-ноябре 1822 года П.А. Плетневу: «Ты, конечно, извинил бы мои легкомысленные строки, если бы знал, как часто бываю подвержен так называемой хандре. В эти минуты я зол на целый свет.»¹²

¹¹ Тыркова-Вильямс А. Жизнь Пушкина.—М.: Молодая Гвардия, 1998, т. 2, с. 425.

¹² Вересаев В. Пушкин в жизни.—М.: Новая Москва, 1926, с. 119.

По ту сторону Слова

Об этом же свидетельствуют и очевидцы. Так, найдя повод обвинить А.С.Пушкина в ереси, ректор Кишиневской семинарии, архимандрит Ириной, пригрозил на него «бумагу подать». После чего, со слов племянницы архимандрита, происходит следующее: «На другой день Пушкин приезжает в семинарию и ко мне: «так и так, — говорит, боюсь чтоб ваш дядя не донес на меня... Попросите вашего дядю». Тогда я начала его успокаивать... И Пушкин успокоился. А то он очень, было, испугался; он, действительно, боялся, чтобы дядя не донес. Он все хотел, чтобы ему скорее срок вышел, и все рвался выехать из Кишинева. Тут ему было скучно. «Не нравится мне тут, говорил он.»⁸³ Вообще, 1822 год стал кульминацией «веротступничества» Пушкина, о чем, по-видимому, искренне и глубоко сожалел поэт, демонстративно каюсь в сочинении «Гавриилиады», что подчеркивают и современники: «К 1822 году следует отнести ту рукописную поэму, в сочинении которой Пушкин потом так горько раскаивался (Гавриилиаду). Пушкин всячески истреблял ее списки, выпрашивая, отнимал их, и сердился, когда ему напоминали о ней. Уверяют, что он позволил себе сочинить ее просто из молодого литературного шегольства.»⁸⁴

Динамика *шизотимии* также указывает на цикличность протекания психических процессов. Но в отличие от депрессии здесь имеется «сдвиг» на постоянную составляющую, что указывает на факт более или менее постоянного присутствия этой черты в психологическом статусе А.С. Пушкина. Шизотимию целесообразно рассматривать как психическую норму со слабо выраженной тенденцией к «расщеплению личности», склонностью к поиску или созданию своего «альтер-эго» («второго Я»). Наблюдаемая у Пушкина шизотимия синхронно присутствует на фоне неустойчивого настроения: то повышенного — с гиперактивностью, завышенной самооценкой, экзальтацией; то пониженного — с вялостью, рассеянностью, обидчивостью, капризностью. Мышление эгоцентрично и многосюжетно, весьма гибкое, продуктивное, но «странное». Эгоцентризм возводит барьеры между Я и ОНИ, отсюда — поступки часто непредсказуемы, а потому и непонятны для окружающих.⁸⁵ Именно среди шизоидов История выбирает Гениев.

Вот лишь некоторые наблюдения современников А.С. Пушкина. А.Ф. Вельтман писал: «Тогда в Пушкине было еще несколько стран-

⁸³ Вересаев В. Указ. соч., с. 115—116.

⁸⁴ Там же, с. 118.

⁸⁵ Следует обратить внимание на «сходимость» этих психологических наблюдений с приведенными чуть выше — при анализе депрессивной компоненты.

ностей, быть может, неизбежных спутников гениальной молодости. Он носил ногти длиннее ногтей китайских ученых. Пробуждаясь от сна, он сидел голый в постеле и стрелял из пистолетов в стену».⁸⁶ Характерное для шизотимиков поведение наблюдал и брат поэта: «Однажды Пушкин исчез и пропадал несколько дней. Дни эти он прокочевал с цыганским табором.»⁸⁷

Наконец, о переменчивом характере великого поэта России красноречиво говорит динамика весьма существенной черты его личности — интроверсии.⁸⁸ *Интроверсия* и, обратная ей, *экстраверсия* — это «вектора» взаимодействия с окружающим миром. Первое — это опора на Я, второе — это опора на ОНИ. Из рис. 4 видно, что поэт был весьма гибок в своих «опорах».

Пожалуй, впервые обнаруживаются эмпирические доказательства положительного ответа на второй поставленный вопрос — об «инаковости» психологической палитры личности перед порогом ухода в небытие, что и демонстрирует рис. 5.

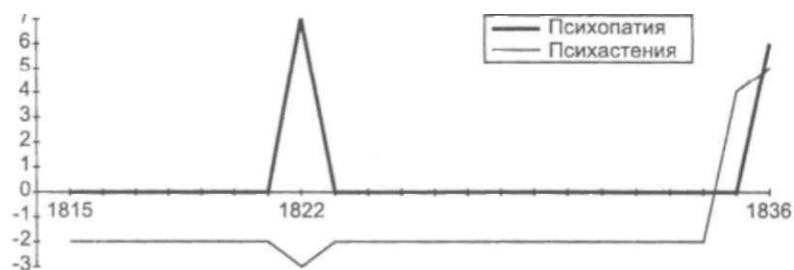

Рис. 5

Патологический склад личности — *психопатия* — обычно извне наблюдается как отклоняющееся от общепринятых норм поведение. Психопатическая компонента в психологическом укладе А.С. Пушкина провоцируется *ситуацией*, которая складывается «здесь и сейчас», о чем убедительно говорит факт отсутствия психопатии за весь

⁸⁶ Вересаев В. Пушкин в жизни.—М.: Новая Москва, 1926, с. 114.

⁸⁷ Там же, с. 117. Склонность к бродяжничеству — одна из черт шизотимического уклада личности. Любопытно было бы в этой связи исследовать личность знаменитых путешественников.

⁸⁸ Термин предложен основателем аналитической психологии, учеником и последователем-бунтарем З. Фрейда. К. Юнгом в его психологической типологии характера.

По ту сторону Слова

наблюдаемый период, исключая 1822 и 1836 годы. Разумеется, ситуация должна быть достаточно мощным стимулом для того, чтобы спровоцировать психопатическое поведение. Биография Пушкина предоставляет в этом отношении наглядные материалы, подтверждающие аномальность его поведения в эти годы.

Сочинение стихов — это не работа, а состояние.

Р. Музиль

Так, сам А.С. Пушкин «озвучил» свои чувства и настроения в 1822 году: «Экая тоска! Хоть бы кто нанял подраться за себя!»⁸⁹ Вообще, поступки Пушкина в этом году вполне вписываются в рамки и сегодняшней квалификации делинквентного, то есть противоправного, законопослушного поведения. Например, А.И. Тургенев писал князю П.А. Вяземскому в письме от 30 мая 1822 г.: «Кишиневский Пушкин ударил в рожу одного боярина и дрался на пистолетах с одним полковником, но без кровопролития. В последнем случае вел он себя, сказывают, хорошо... Денег у него ни гроша... Он, сказывают, пропадает от тоски, скуки и нищеты.»⁹⁰ А вот, что пишет П.И. Бартенев со слов В.П. Горчакова о том же периоде жизни поэта: «...Пушкин говорил, что не решается ходить без оружия, на улицах вынимал пистолет и с хохотом показывал его встречным знакомым».⁹¹ Еще более «круто» о том же свидетельствует и сам Бартенев: «Во второй половине 1822 года с Пушкиным случилась опять история. Подробности нам неизвестны; но есть положительное свидетельство, что в это время Пушкин, опять за картами, повздоровивши с кем-то из кишиневской молодежи, снял сапог и подошвой ударил его в лицо.»⁹²

И все же молодой Пушкин не столь основательно переходит границы принятых моральных, а главное — правовых устоев своего общества; он остается вполне конформистом, что обуславливается *блокирующим* влиянием депрессии (см. рис. 4) и самым низким уровнем психастении (см. рис. 5). Об этом свидетельствует письмо И.И. Горбачевского М.А. Бестужеву (1822): «Нам от Верховной Думы было запрещено знакомиться с поэтом А.С. Пушкиным, когда он жил на юге. Прямо было сказано, что он, по своему характеру и малодушию, по своей развратной жизни, сделает донос тотчас

⁸⁹ Вересаев В. Пушкин в жизни. — М.: Новая Москва, 1926. с. 112.

⁹⁰ Там же, с. 114.

⁹¹ Там же, с. 112.

⁹² Там же, с. 118.

Великие

правительству о существовании Тайного Общества... Мне рассказывал Муравьев-Апостол и Бестужев-Рюмин про Пушкина такие на юге проделки, что уши и теперь краснеют.»³³ Сняв акцент явной субъективной пристрастности, нетрудно увидеть, что молодой Пушкин, этот «анфан террибль», для действительных диссидентов — будущих декабристов — остается вполне законопослушным, вполне конформистом. Благожелательно же относящиеся к Пушкину современники прямо усматривают его взросление и остепенение. Так, князь Вяземский в письме Тургеневу за 1822 год констатирует: «А что еще лучше, сказывают, что он остепенился и становится рассудителен.»³⁴

Но в 1836 году психологическая картина резко меняется: всплеск психопатии происходит на фоне глубокого погружения в психастеническое состояние.

«Ядром» психастении являются два переживания: мнительность и тревожность. На психастеника прочитанное (вспомним: подметное письмо!) и услышанное (вспомним: от самого царя!) оказывает более сильное впечатление, чем воспринятое непосредственно из жизненной ситуации. Легкоранимые и уязвимые, психастеники в обществе крайне деликатны и тактичны. Однако они же нередко педантичны и назойливы, пристают к окружающим с бесконечными сомнениями или требуют точного выполнения всех формальностей (вспомним: повторный вызов!). Абрис типичного психастеника дает Л.Н. Павлищев: «При последнем свидании с братом в 1836 году (в конце июня) Ольга Сергеевна была поражена его худобой, желтизной лица и расстройством его нервов. Александр Сергеевич с трудом уже выносил последовательную беседу, не мог сидеть долго на одном месте, вздрагивал от громких звонков, падения предметов на пол; письма-же распечатывал с волнением; не выносил ни крика детей, ни музыки».³⁵

Юпитер мертв, но гимн поэта остается.

Д. Кардуччи

И на этом фоне — «взрыв» психопатии! Трагические последствия поступков в таком состоянии предрешены, так как мнительный педантизм обязательно воплощает в действие любую психопатическую идею. И становится понятным, почему это уникальное

³³ Там же, с. 120.

³⁴ Там же, с. 120.

³⁵ Вересаев В. Пушкин в жизни.—М.: Недра, Вып. 4. 1927, с. 45.

По ту сторону Слова

сочетание психических проявлений возникает только *один* раз и только в *конце* жизни. Конечно, Дантес мог и промахнуться, и тогда история гения имела бы продолжение (надолго ли?). Но *психологический* контекст истории на обнаруженном сочетании личностных свойств был *завершен*: А.С.Пушкин совершил поступок, продиктованный его *самостью*, подавляющее место в котором занимало *бессознательное*. А провоцирующие роковой шаг события — ничтожны в случившемся; основное — в психологической предрешенности судьбы гения. *События* (как угодно: стечение обстоятельств, «игра» реальности, происки «слепой» Истории) становятся для нас *значимыми* только в случае осязаемого отклика, сильного резонанса нашего Я на эти события; сами по себе события *нейтральны* по отношению к человеку, который принимает в них участие. Отсюда вывод: первичным, исходным фактором человеческой судьбы является *духовность*, которая может проявить себя только в событии. Следовательно, «случайное» роковое событие вовсе не случайно: это результат *нежелательной* для «Я-бессознательного» вспышки резонанса *самости* личности, попавшей в «ловушку» матрицы⁶⁶ ситуаций. Можно ли избежать такой ловушки? Да, но только путем глубокого самоанализа. Беда же гения в том, что практически весь мощный потенциал рефлексии (самоанализа) он обращает в творчество, создавая продукт, несущий (следовательно, отчужденный от автора) духовность творца. Гению, иначе, просто некогда заниматься самокопанием.

И все же, мог ли Пушкин избежать рока? Мог, но остался бы ли он Пушкиным? Любая попытка преодолеть себя (будь-то стимулировано извне, или же изнутри) — это путь *несвободы*, путь отказа от Я, чего гений позволить себе не может.

Итак, вопрос переменчивости настроения и поведения Пушкина можно считать эмпирически решенным. Вопрос же «иноного» психического состояния на границе жизни и смерти человека, безусловно, только намечен к разрешению. Но про Пушкина можно сказать с уверенностью, что незадолго до своей трагической гибели поэт находился в таком состоянии, которое неумолимо диктовало роковой исход «случайного» поступка.⁶⁷

⁶⁶ Говоря о *матрице* ситуаций, я имею в виду наличие шанса выбора, какую-то, пусть и небольшую, степень свободы для человека, оказавшегося в тисках событийности.

⁶⁷ А обратившись к трагической судьбе М.Ю. Лермонтова, приходится сделать категорическое заключение о том, что «случайности» в судьбе Великих — это закономерности развития их Я.

2. Зачем поэту рисунок?

Онегин мне надоел и спит...

*Из письма А.С. Пушкина П.А. Катенину,
4 декабря 1825 г.*

Рассуждения искусствоведов относительно художественно-изобразительной деятельности А.С. Пушкина, похоже, во многом есть результат переноса на эту сферу творчества его неоспоримой гениальности как поэта. И это понятно: только перо Пушкина превращает обычные с точки зрения профессионального живописца рисунки в предмет общечеловеческой ценности. Но все же в художественной графике Пушкина есть какая-то тайна: в том, что рисунки существуют и, бесспорно, выполняют весьма важную функцию в творчестве.

Источник всякой поэзии — глубокое ощущение невыразимого.

Ж. Арреа

Основное, что обращает на себя внимание — это кажущаяся независимость изобразительного творчества Пушкина: он или сопровождает рисунками свои тексты, или шаржирует как бы «от скуки» себя и других, но нередко тематика рисунка и содержание автографа вообще не совпадают. Психологический интерес представляют две точки зрения на природу пушкинской художественной графики.

Первая представлена А.М. Эфросом⁵⁵ и состоит в том, что в основе художественно-графических работ А.С.Пушкина лежит *единый* творческий потенциал, неразрывно связывающий литературное и изобразительное творчество. Механизмом же актуализации этого потенциала Эфрос считал *ассоциацию*.

Более поздние искусствоведческие исследования уже справедливо находили недостаточным ограничивать объяснение феномена пушкинской художественной графики только лишь ассоциацией: «Ассоциации, разумеется, не исключаются, они, несомненно, присутствуют здесь, несомненно, активны, но дело тут и в другом: в непосредственном конкретно-изобразительном воплощении неотъемлемого свойства поэта, художника вообще — к самому себе «прикидывать», «примерять» на себя своих героев, реализованных и нереа-

⁵⁵ Эфрос А.М. Мастера разных эпох. Избранные историко-художественные и критические статьи. — М.: Искусство, 1979.

По ту сторону Слова

лизованных персонажей своего литературного творчества.»⁹⁹ Таким образом, вторая точка зрения предполагает *идентификацию* Пушкина со своими персонажами.

Идентификация — несомненно продуктивная гипотеза, но психологически недостаточно адекватна¹⁰⁰, так как отождествление субъектом себя с другим субъектом, группой, образцом, идеалом — *бессознательный* процесс, предполагающий уже до его начала наличие объекта идентификации. Пушкинские же рисунки *осознанно создаются* самим автором; тем самым исключаются оба условия идентификации.

Отметим существенный момент: до сих пор рисунки А.С. Пушкина рассматривались только в ракурсе *механизма* художественно-изобразительного творчества. Но *зачем* Пушкин-поэт вообще изображен рисунком? Вопрос, кажется, даже не ставился. И если изучение механизма изобразительного творчества находится в компетенции психолога и, отчасти, искусствоведа (творец часто не понимает механизмов своей деятельности), то причины возникновения художественного продукта должны быть, казалось бы, раскрыты самим автором. Но можно ли быть уверенным, что автор объяснит действительные причины своего творчества? Ответ дает сам Пушкин: «Писать свои Мемоіres заманчиво и приятно. Никого так не любишь, никого так не знаешь, как самого себя. Предмет неистощимый. Но трудно. Не лгать — можно; быть искренним — невозможность физическая. Перо иногда остановится, как с разбега перед пропастью — на том, что посторонний прочел бы равнодушно. Презирать — *braver* — суд людей не трудно; презирать суд собственный невозможно.»¹⁰¹

История не терпит «белых пятен», а потому имеет право привлекать другие науки к их «закрашиванию». Пока единственной наукой, способной принести ощутимую помощь Истории, является *психология*.

Точка зрения, предлагаемая автором настоящего исследования, включает обсуждение двух вопросов: *как* и *зачем* возникает рисунок в творчестве А.С. Пушкина?

Во-первых, возможно, что в художественно-графических конструкциях *проецируется* психологический уклад самого Пушкина. Точнее, в рисунке осуществляется проективная идентификация,

⁹⁹ Карцелли Л.Ф. Мир Пушкина в его рисунках. 1820 годы. М.: Московский рабочий, 1983, с. 14.

¹⁰⁰ Идентификация в аналитической психологии К. Юнга понимается как бессознательная проекция какой-либо личностью себя на нечто иное, будь то другая личность, какое-либо дело, местоположение или что-то другое, способное обеспечить либо причину, либо способ существования.

¹⁰¹ Пушкин А.С. ПСС в 10-ти томах.-М.-Л.: АН СССР, 1949, т. 10. с. 191.

функция которой состоит в вынесении во *вне* личностных качеств субъекта. Цель такого отчуждения — контроль отрицательных и/или сохранение положительных качеств личности. Достижение этой цели требует значительного участия сознания, так как необходимы некоторая реинтеграция или сосредоточенность, некое раздумье о проектируемом объекте. Именно это и происходит в процессе создания рисунка. Относительно предмета нашего обсуждения следует уточнить: какой знак имеют качества, проектируемые в данный момент?

Во-вторых, вероятно, что возникновение рисунка Пушкина — это *защита* личности от психического перенапряжения, вызванного неудовлетворенностью и, как следствие этого, ослаблением мотива словесного творчества. Но защитная функция (в частности, сохранение положительных качеств личности) проектируемого объекта исключает какое-либо разделение субъекта и объекта деятельности. Это предположение возвращает нас к мысли о единстве, неразрывности, холизме творческого потенциала Пушкина.

Понятно, что эмпирическая проверка изложенной гипотезы должна опираться на сравнительный психологический анализ художественного продукта *изобразительного* и *словесного* творчества Пуш-

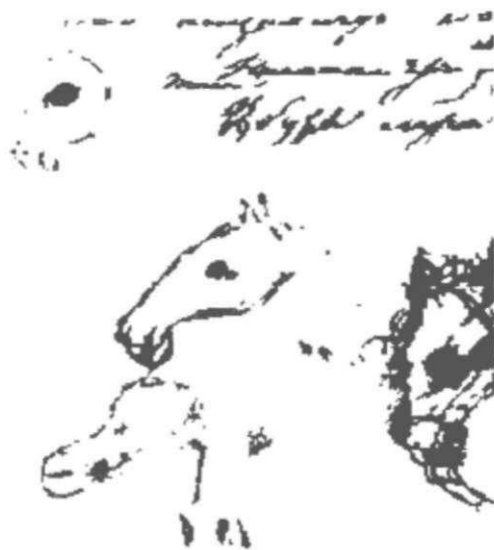

Рис. 6

Художественно -графическим материалом исследования послужил один из самых необычных набросков А.С. Пушкина, сделанный в 1825 году на черновике «Андре Шенье»¹⁰² (рис. 6). Необычность хотя бы в том, что Пушкин изобразил себя в одной из пяти лошадиных голов (первая голова внизу, слева). Эта находка повергла в изумление искусствоведов и разрешила им высказать самые неортодоксальные интерпретации графической продукции Пушкина. Осно-

Рукописный отдел Пушкинского дома (ПД, тетрадь 835, лист 60 об.).

По ту сторону Слова

вания для этого, бесспорно, находятся, и любые безудержные от себя-понимания имеют, разумеется, право на существование. Однако желателен естественнонаучный, проверяемый в независимых условиях, подход. Эмпирия, пусть и не служит критерием истинности, но, бесспорно, является текущей «подпоркой» озвученных теоретических предположений.

Мы, конечно, привыкли к тому, что величайший русский поэт был весьма остер на язык, да и к себе относился достаточно иронично. Но при чем здесь лошадь? Ассоциация с трудягой-конем? Примеривание характера лошади на себя? Искусствоведы пребывают в недоумении, усматривая здесь непостижимо глубокий, а потому не совсем понятный смысл художественно-изобразительной деятельности А.С. Пушкина: «И еще — как ни парадоксально это кажется поначалу — именно этот Пушкин-конь, этот наиболее фантастический и художнически прихотливый автопортрет поэта позволяет нам до конца осмыслить тот факт, почему из всей дошедшей до нас обширной, любительской и профессиональной, иконографии Пушкина мы сегодня решительно предпочитаем автопортреты.»¹⁹³ Конь... лошадь... трудяга — уникальный образ авторской персонификации (с «обезьяной» и «французом» приходилось сталкиваться гораздо чаще), о символике и происхождении которой мы практически ничего не знаем.

Основным вербальным материалом исследования, что вполне естественно, послужил текст стихотворения «Андрэ Шенье», черновик которого сопровождают пушкинские лошадиные головы. Уже здесь видна явная «отстраненность» темы рисунка от темы стихотворения: ни как иллюстрация, ни как подспорье к лучшему пониманию текста эти головы не подходят. Неоспоримым же, но требующим объяснения остается факт присутствия «здесь и сейчас» этого рисунка в этом тексте (точнее — в физическом пространстве этого текста).

В настоящем исследовании использован и другой вербальный материал — прозаическая заметка А.С. Пушкина об Андрэ Шенье. Включение этого материала преследовало цель дополнительной проверки валидности метода на основании сходимости/несходимости аутентичных текстов различного жанра. Дело в том, что при сравнении в настоящем исследовании двух форм сообщения — изобразительной и вербальной — последняя должна быть психологически инвариантной, то есть независимой от жанра вербального текста,

Карцелли Л.Ф. Указ. соч., с. 17.

Великие

Меж тем, как изумленный мир
На урну Байрона взирает,
И хору европейских лир
Близ Данте тень его внимает,
Зовет меня другая тень,
Давно без песен, без рыданий
С кровавой плахи в дни страданий
Сошедшая в могилу сень.
Певцу любви, дубрав и мира
Несу надгробные цветы.
Звучит незнаемая лира.
Пою. Мне внемлет он и ты.
Поднялась вновь усталая секира
И жертву новую зовет.
Певец готов; задумчивая лира
В последний раз ему поет.
Завтра казнь, привычный пир народу;
Но лира юного певца
О чем поет? Поет она свободу:
Не изменилась до конца!

1825 г. Фрагмент из «Андрэ Шенье»¹⁰⁴.

Andre Chenier погиб жертвою французской революции на 31 году от рождения. Долго славу его составляло несколько слов, сказанных о нем Шатобрианом, два или три отрывка, и общее сожаление об утрате всего прочего. Наконец творения его были отысканы и вышли в свет 1819 года. Нельзя воздержаться от горестного чувства...

1825 г. Заметка «Об Андрэ Шенье»¹⁰⁵.

с шаржированным автопортретом; 2) стихотворное произведение; 3) публицистическую заметку.

так как только в этом случае можно уверенно говорить о возможности действительного изучения психологического своеобразия личности творца на основе предметной формы его деятельности.

В более широком психологическом контексте следует обратить внимание на явную пристрастность Пушкина к своему герою, яркую эмоциональную окрашенность его переживаний в связи с личностью и судьбой Шенье. Не усматривал ли он здесь аналогий со своей судьбой? Полный ответ — за границей настоящего исследования, но «психологическую ткань» (выражение К. Юнга) литературного обращения к герою попытаемся проанализировать.

Таким образом, излагаемое сравнительно-психологическое исследование опиралось на следующие материалы Пушкина: 1) рисунок

¹⁰⁴ Пушкин А.С. ПСС в 10-ти т. М.-Л., АН СССР, 1949, т. 2, с. 256.

¹⁰⁵ Там же. т. 7, с. 37.

По ту сторону Слова

*Действительно выдающимся человеком
может быть лишь тот, кто в повседневных делах
способен оставаться человеком обыкновенным.*

М. Бонтемпелли

Общая палитра психологических характеристик для всех материалов содержит 15 наименований. Из них: 11 составляют палитру рисунка, 13 — палитру стихотворения, 13 — палитру заметки.¹⁰⁶ В табл. 4 число отражает значение (выраженность) соответствующей характеристики в психологической палитре соответствующего материала.

Нетрудно заметить, что палитра содержит неравноценные в психологическом отношении характеристики. Среди них присутствуют как более, так и менее «глубинные». К первым отнесены ситуативные, «здесь и сейчас» присутствующие признаки, ко вторым — инварианты психического уклада личности.

Таблица 4

Характеристика	Рисунок	Стихотворение	Заметка
Интровертирован	0,26	0,71	0,62
Аутичен	0,47	0,81	0,71
Решителен	0,36	0,20	0,23
Маниакален	0,85	0,35	0,45
Инвертирован	0,53	0,83	0,77
Застенчив	0,39	0,39	0,35
Циклотимичен	0,94	0,52	0,57
Ипохондричен	0,32	0,63	0,66
Беспокоен	0,50	0,74	0,75
Активен	9,09	0	0
Агрессивен	0,85	0	0
Астеничен	0	0,18	0,14
Истеричен	0	0,57	0,47
Артистичен	0	0,93	0,83
Паранойялен	0	0,67	0,65

¹⁰⁶ Как показывают многолетние исследования с компьютерной программой психосемиотического анализа дискурсов, среднестатистический современный россиянин описывается палитрой в 9—15 психологических характеристик. Правда, есть исключения: см. палитру В. Ленина в главе «Лидеры». «Окно» в психический уклад российского политика.

Например, такие характеристики, как: направленность личности (на континууме интроверсия-экстраверсия), динамика чувственно-эмоциональной сферы (циклотимия на континууме маниакальность-депрессивность), озабоченность здоровьем (ипохондрия) — связаны, во многом, с генотипом личности или, по крайней мере, с психофизиологической и/или соматической организацией человека. Такие же характеристики, как активность, агрессивность, астеничность, артистичность — во многом ситуативны, то есть зависят от конкретных обстоятельств, времени и места пребывания автора. С учетом сказанного нетрудно обнаружить, что во всех трех материалах присутствуют практически одни и те же «глубинные» характеристики. Уже это может означать, что эмпирический материал свидетельствует в пользу большей вероятности гипотезы: предположения о механизме проекции психического уклада автора на любые формы творческого продукта. Действительно, всякое «примеривание» другого реального (а тем более — другого выдуманного) персонажа на себя, попытка идентифицировать себя с любым другим характером может иметь только один результат, а именно — глубокое несоответствие действительного и создаваемого психического статуса. Здесь же в столь разных по жанру продуктах отражен *один* психический статус, и этот статус принадлежит, несомненно, их общему автору, то есть А.С. Пушкину. В свете результата настоящего исследования вообще возникает убежденность в принципиальной невозможности для человека облечь свой психический статус в чужие психологические «одежды». Обсуждать здесь актерское «перевоплощение» — значит удаляться от поставленной цели этой работы, и все же: актер играет, носит маску, то есть в меру своего таланта моделирует чисто внешние признаки другого характера, хотя зритель, искренне восхищенный внешней похожестью, сопереживая игре актера, принимает «маску» за истинное психологическое содержание, за перевоплощение, принимает желаемое и ожидаемое за действительное. В этом — психотерапевтический смысл актерской игры, но в этом же — и обман зрителя лицедеем относительно истинных механизмов актуализации выразительных средств игры.¹⁰⁷

Каким же выглядит наш Пушкин? Опираясь только на общие характеристики, то есть показанные во всех трех материалах, можно говорить о том, что основой психологического типа автора является

¹⁰⁷ Возможны исключения, когда артистичность есть внешнее проявление истерии, и тогда роль не играет, а переживается (вот здесь — идентификация!) акцентуированной личностью. Эта негативная психическая аномалия есть в рассматриваемом статусе А.С. Пушкина.

По ту сторону Слова

циклотимия. На повседневном языке это означает, что его поведение обусловлено цикличностью (периодичностью) настроения, полюсами которого являются приподнятое, хорошее, радужное настроение (маниакальная экзальтация, нередко переходящая в эйфорию) и меланхолия, грусть, подавленность (переживаемые как равнодушные, безразличие, депрессия; у Пушкина — «хандра»). Текущий же момент Пушкиным переживается именно как неглубокая депрессия с установкой на *интроверсию* и тенденцией к ограничению доступа к своему Я (*аутизм*). Это означает, что в своем поведении он опирается на внутренние критерии и принципы, следует собственным установкам, игнорируя диктат внешнего окружения, нередко относясь к среде обитания с подозрением и беспокойством. Периодичность настроения Пушкина, отмеченная здесь лишь на одном примере, хорошо согласуется с его более общим психологическим портретом, изложенным в предшествующей работе¹⁰⁸, где, в частности, 1825 год отмечен знаком пушкинской «хандры».

Следует сказать несколько слов о своеобразии двух характеристик в психологическом укладе А.С. Пушкина: *инверсии* — смягчении мужских черт характера (часто ее обозначают как феминизация) и *ипохондри* — озабоченности состоянием собственного здоровья.

Психоаналитики считают, что: «Нет мужчины, который был бы настолько мужественным, чтобы не иметь в себе ничего женского. На деле скорее как раз очень мужественным мужчинам (хотя втайне и замаскировано) свойственна весьма нежная (часто не по праву называемая «женственной») жизнь чувств».¹⁰⁹ Разумеется, речь идет о нормальном развитии психики, когда женское в мужском психическом укладе — это не женственность как таковая, а генетическая память о «праматери»; это редко осознаваемый след коллективного бессознательного об истоках человеческого рода. И когда, вследствие различных причин и весьма не часто, это бессознательное прорывается во внешнее действие, обычно рациональные и жесткие мужские поступки опираются на мягкость чувств, милосердие, положительные эмоции, интуицию. Именно последнее проявление мы наблюдаем в обсуждаемом психологическом укладе А.С. Пушкина, имея в виду одновременное присутствие таких черт, как *решительность* и *застенчивость*.

Ипохондрия — частая причина серьезных неврозов — у Пушкина весьма своеобразна: присутствуя постоянно в психологическом

¹⁰⁸ См. в этой главе («Великие»): А.С. Пушкин... 1. От экзальтации до меланхолии.

¹⁰⁹ Юнг КГ. Психология бессознательного. М., Канон, 1994, с. 254.

Великие

укладе поэта, она «окрашивается» в разные тона, зависящие от многих факторов, основные из которых — циклотимия (неконтролируемый фактор) и проекция (контролируемый фактор). Обратим внимание на то, что в психологической ткани текстов присутствует *паранойдность* — «застопоренность» на одной идее. И эта идея именно в 1825 году, вероятно, несет беспокойство в связи с состоянием здоровья. Об этом говорит и факт *частого* упоминания в пушкинских письмах того года о заботах, связанных с его «аневризмом». Однако Пушкин «легкомыслен» в отношении своих недугов. Так, в начале июля он пишет: «Дело в том, что, 10 лет не думая о своем аневризме, не вижу причин вдруг об нем расхлопотаться.»¹¹⁰ И далее, в октябре, все то же отношение: «Теперь, имея обстоятельные сведения о своем аневризме, поговорю об этом толком. ...операция не шутка... больной должен лежать несколько недель неподвижно etc. Воля твоя, мой милый, — ни в Пскове, ни в Михайловском я на то не соглашусь; все равно умереть со скуки или с аневризма; но первая смерть вернее другой. — Я постели не вытерплю, во что бы то ни стало.»¹¹¹ Следует вывод: Пушкин наблюдает за своими недугами, уделяет им внимание, но... игнорирует их влияние на свою творческую **жизнь**.

Итак, психологически-содержательная близость всех трех пушкинских творений говорит о правомерности гипотезы *проекции* (это — ответ на вопрос, *как* создается творческий продукт, и в частности рисунок), а в более широком контексте этот результат свидетельствует о *хелизме* творчества поэта. Но остаются два вопроса: *какие* черты личности проектируются вовне и *зачем* Пушкину рисунок?

Более внимательное сравнение психологической палитры рисунка с палитрами текстов показывает, что данный рисунок несет *защитную* функцию, так как автором в нем проектируется *агрессивная активность* отторжения отрицательных состояний: *астении, истерии* и *паранойдности*.¹¹² Пушкин сохраняет себя в рисунке в более здоровом психологическом статусе, оставляя в вербальном продукте ту психологическую «накипь», которая, видимо, нередко возникает в процессе его литературного творчества. Это подчеркивают и количественные показатели выраженности черт: тогда как интенсивность

¹¹⁰ Пушкин А.С. ПСС в 10-ти томах.—М,—Л.: АН СССР, 1949, т. 10, с. 152.

¹¹¹ Там же, с. 186.

¹¹² Эта триада образует весьма тягостное для личности состояние: на фоне повышенной утомляемости и низкой мотивации происходит вытеснение полезных впечатлений, при сохранности одной болезненно-навязчивой идеи.

По ту сторону Слова

негативных состояний (аутизм, ипохондрия, беспокойство) понижается, энергия положительных (решительность и маниакальность¹¹³) возрастает.

Весьма характерна роль *маниакальности* в фазе понижения и обеднения эмоционального тонуса, ухудшения настроения А.С. Пушкина. «Здесь и сейчас» речь может идти только о *непродуктивной* маниакальности, когда настроение еще содержит «светлые тона», но уже отсутствует стремление к созидательной творческой деятельности (ослабление мотива) при резко выраженном ускорении ассоциативного процесса. Пушкин в письме 1825 года П.А. Катенину, касаясь своих текущих переживаний, прекрасно иллюстрирует это состояние: «Что сказать тебе о себе, о своих занятиях? Стихи покамест я бросил (ослабление мотива — В. Батов) и пишу свои memoires, то есть, переписываю набело скучную, сбивчивую черновую тетрадь; четыре песни Онегина у меня готовы, и еще множество отрывков; но мне не до них. Радуюсь, что 1-я песнь тебе по нраву — я сам ее люблю («светлые тона» — В. Батов); впрочем, на все мои стихи я гляжу довольно равнодушно (ослабление мотива — В. Батов), как на старые проказы с К..., с театральным майором и проч. (ассоциативный ряд — В. Батов): больше не буду! (ослабление мотива — В. Батов)».¹¹⁴ Понятно, что это не лучшие переживания Пушкина, поэтому он их проектирует (но не проецирует) во вне, сохранив и усилив акцент позитивности.

Если верно предположение о функции рисунка как защиты личности, то становится понятной эпизодичность и тематическая независимость рисунка. Проектирование начинается только тогда, когда автор уже ощутимо испытывает труднопереносимый психический дискомфорт, а он для А.С.Пушкина, психически вполне здорового человека, естественно, эпизодичен. Тема же рисунка в этом случае совершенно не обязательно должна быть связана с содержанием текста, так как цель создания рисунка — разобраться с собой, облегчить психологический прессинг выполняемой работы, а не иллюстрировать вербальный продукт.

Приведенная в сравнительной табл. 4 весьма пестрая палитра психологических характеристик может быть «упакована» в меньшее число, но в более крупные психологические признаки (кластеры), комментарий которых, кстати, и более понятен, и более иллюстративен. Следует только — упреждая естественный вопрос — отметить два момента.

¹¹³ Присутствие здесь *маниакальности*, во-первых, подчеркивает цикличность Пушкина, во-вторых, в сочетании с негативными чертами формирует начальную стадию фазы депрессии.

¹¹⁴ Пушкин А.С. ПСС в 10-ти томах.-М.-Л.: АН СССР, 1949, т. 10. с. 180.

Во-первых, список и качество таких обобщающих признаков *определяется* исследователем и зависит от поставленной задачи. Задача здесь — еще рельефнее отразить обнаруженные феномены психологического содержания личности А.С. Пушкина.

Во-вторых, совпадение наименований укрупненных признаков с наименованиями отдельных характеристик обусловлено тем, что первые включают вторые по критерию содержательного сходства. Например, признак *ипохондрия* включает не только характеристику ипохондрии, но и такие характеристики, как снижение продуктивности деятельности, соматические и вегетативные расстройства, повышенная тревожность и пр.

Обобщающую информацию нагляднее представлять в форме графиков (рис. 7).

Анализ приведенного графика убедительно показывает, что психологическое содержание всех материалов очень близко, а вербальные тексты (стихи и проза) оказались тождественными. Различия, рельефно отражающие защитную роль рисунка, касаются только трех характеристик — *истерии*, *паранойи* и *гипомании*, значения которых весьма разнятся в рисунке — с одной стороны, и в вербальных текстах — с другой. Обратив внимание на знак отмеченных различий, всю триаду можно прочесть следующим образом: автором предпринимаются активные действия (значение гипомании повышается) по *нейтрализации* (отчуждение путем проектирования во внешнем предмете) негативных состояний неконтролируемого вытеснения (истероидность понижается) и застревания аффектов (параноидность понижается). Из этого факта следует сделать примечательный вывод: теперь имеются весомые эмпирические основания вполне уверенно заявить, что, действительно, художественно-графические «отвлечения» не являлись для А.С. Пушкина ни игрой, ни забавой, ни предметом созидания истинного художественного продукта, как все это было в его литературно-художественном твор-

По ту сторону Слова

честве. Графические наброски Пушкина — самовыражение путем проектирования себя-в-комфорте; временное, но необходимое прекращение художественного словесного творчества, требующего опрделенного чувственного и интеллектуального настроения, в чем-то схожего с истероидным переживанием и назойливым преследованием какой-то творческой идеей, что ведет к физическому, психическому, эстетическому и нравственному истощению личности.

Великие люди ничего не делают наполовину.

Х. Виланд

Итак, из вышесказанного следует:

1) Художественное наследие А.С. Пушкина психологически однородно, едино. И в изобразительной деятельности, и в словесном творчестве (литературно-поэтическом и публицистическом) Пушкин выражал только себя, свой гений, свою личность.

2) Психологическая установка создания творческого продукта — наоборот — неоднородна. Основной, «каторжный» труд вкладывался в создание художественно-словесных (стихотворных и прозаических) произведений. В процессе словесной творческой деятельности нередко возникали психологические препятствия, обусловленные как внешними¹¹⁵, так и внутренними психологическими причинами. Но талант Пушкина помогал ему весьма успешно справляться с задачей преодоления этих препятствий (п о крайней мере, в рассматриваемый период творчества), в неодолимости которых пришлось убедиться многим великим русским поэтам (достаточно напомнить о трагической судьбе С. Есенина, В. Маяковского, М. Цветаевой). Психологической защитой личности служил... рисунок.¹¹⁶ Рисунок оказывается проекцией пушкинского Я в линию и штрих сознательно творимого (проектируемого) изображения. За символикой графических элементов стоит осознанное отчуждение «плохого Я» и сохранение Я приемлемого. Рисунок — одна из форм сублимации мощного, труднодерживаемого словесно-творческого потенциала, возможно, бессознательно найденная Пушкиным и превращенная в сознательный психический акт, который облегчает перенесение психических нагрузок, связанных с процессом собственно титанического литературного творчества.

¹¹⁵ Отрицательный прессинг внешних, в частности семейных и финансовых факторов, достаточно хорошо известен, но определить их роль в жизни А.С. Пушкина — задача, думается, историка.

¹¹⁶ Переоценивать значение и утверждать единственность этой защиты в жизни А.С. Пушкина было бы неправомерно. Речь идет о единственном изученном *психологическом* способе защиты личности в процессе художественного творчества.

ВЕЛИКИЕ ПОСЛЕДНИЕ
ВЕЛИКОЙ РОССИИ:
НИКОЛАЙ II и МИХАИЛ ГОРБАЧЕВ

...великий человек является сыном своего времени,
своего народа, он теряет свое
сверхъестественное значение, его деятельность
теряет характер случайности, произвола...

С. Соловьев

Развить мысль С.М. Соловьева можно в трех направлениях.

Во-первых, из любопытного утверждения Льва Троцкого о том, что великие люди всегда больше того, что они совершили, следует: человек может остаться *потенциально* Великим, если ему не удалось прорваться в мифологический пантеон Истории, присутствие в котором — награда только за реальные общечеловеческие деяния. И такой человек переходит в разряд обыкновенного, «простого», пусть хорошо известного и даже знаменитого в свое время.

Во-вторых, *состоявшийся* Великий наделяется знаком, который характеризует его творческий вклад на временной параболе созидательной деятельности человечества: знак Первого получает реформатор, знак Продолжателя — эпигон, знак Последнего — завершитель.

В-третьих, внимание обывателя — и ученые в этом отношении немногим отличаются от них — обращено прежде всего на первооткрывателей, пионеров, первых в ряду нового и для современников необычного — Великих Первых. И это понятно: новое требует объяснения, а за событием всегда стоит человек, соучастие которого в этом событии значительно облегчает объяснение. История знает и великих эпигонов — Великих Продолжателей, правда, нередко приписывая им роль новаторов. И почему-то мало привлекают внимание те, кто стоял у черты завершения старого, знакомого и привычного; те, которые исполнили роль «могильщиков» уходящего этапа общественной эволюции — Великие Последние. Кажущаяся неблагоприятность их исторического предназначения несколько не обесценивает грандиозности их личности, что, по крайней мере в психологическом отношении, порождает **проблему**: имеются ли основания говорить о *типичности* психологического уклада Великих Последних?

По ту сторону Слова

О первых двух людях сочинено уже достаточно; кто-то должен теперь попробовать сочинить что-нибудь и о двух последних.

Г. Лихтенберг

XX век представил нам двух Великих Последних, сделавших успешную попытку покончить с Российской Империей.¹¹⁷

Николай II (Николай Романов)

Последний российский император (1894—1917), завершивший трехсотлетнее правление царской династии Романовых. Родился 6 (18) мая 1868 г. в Царском Селе. Старший сын Александра III.

Николай II получил домашнее образование в объеме расширенного гимназического курса, а в 1885—1890 гг. — по особой программе, соединявшей курс государственного и экономического отделений юридического факультета университета с курсом Академии Генерального штаба.

Еще будучи наследником престола, он был назначен председателем Комитета по постройке транссибирской железнодорожной магистрали, принимал участие в заседаниях Совета министров и Государственного совета, стажировался в кавалерийских и артиллерийских частях Российской императорской армии. Получил воинское звание полковника, в котором и вступил на престол.

Был женат на дочери великого герцога Гессен-Дармштадтского, крестившейся в православие под именем Александры Федоровны. Имел четырех дочерей и сына Алексея (р. 1904) — наследника престола.

2 марта 1917 г. Николай II был вынужден отречься от престола и до 1 августа находился под арестом в Царском Селе. Затем Временное правительство сослало царскую семью под арест в г. Тобольск. После Октябрьской революции, в апреле 1918 г., Николая II с семьей перевезли в г. Екатеринбург.

Расстрелян тайно и без суда со всей семьей в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге.

Знак «Великого Последнего» оправдан тем, что с отречением Николая II от российского престола завершилось монархическое правление на шестой части территории современного мира.

¹¹⁷ Это не парадокс: Россия сохранялась как империя и при монархии, и при социализме.

Михаил Горбачев

Последний Генеральный секретарь ЦК КПСС, Первый и последний Президент СССР.

Родился 2 марта 1931 г. в селе Привольном Красногвардейского района Ставропольского края в семье крестьян.

В 1955 году окончил юридический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, а также экономический факультет Ставропольского сельскохозяйственного института (заочно). Трудиться начал с 13 лет, периодически работал в колхозе, с 15 лет — помощник комбайнера. С 1955 года — на комсомольской и партийной работе — заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Ставропольского крайкома ВЛКСМ, первый секретарь Ставропольского горкома ВЛКСМ, второй, затем первый секретарь крайкома ВЛКСМ. С 1962 года — парторг крайкома КПСС Ставропольского территориально-производственного колхозно-совхозного управления, заведующий отделом партийных органов крайкома КПСС; с сентября 1966 г. — первый секретарь Ставропольского горкома партии; с августа 1968 г. — второй, а с апреля 1970 г. — первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС. С ноября 1978 г. — секретарь ЦК КПСС, а в марте 1985 г. избирается Генеральным секретарем ЦК КПСС. В марте 1990 г. на Съезде народных депутатов СССР избран Президентом СССР.

Лауреат Нобелевской премии Мира за 1990 год (получена в июне 1991 г.).

В 1991 году в связи с августовскими событиями сложил свои полномочия Генерального секретаря ЦК КПСС. В декабре 1991 г. в результате Беловежского соглашения отстранен от должности Президента СССР.

В настоящее время председатель Фонда социально-политических исследований (Фонд Горбачева).

Знак «Великого Последнего» оправдан тем, что «перестройка» Горбачева завершила семидесятилетний глобальный социально-экономический эксперимент в России, потрясший своей бессмысленной жестокостью и несвоевременностью весь обитаемый мир.

Психологическое изучение *таких* людей непосредственно — невозможно, поэтому метод становится основным вопросом разработки проблемы.

По ту сторону Слова

*Утверждать, что вы дали достоверное описание человека,
с которым не жили в одно время, — вопиющее шарлатанство.*

Вольтер

Великий француз бесспорно *был* прав, но... его правота распространялась только до середины XIX века, то есть до становления психологии как одной из областей культуры, действительно претендующей на науку.

Речь человека — одна из форм психической деятельности. Причем одна из таких форм, которые отражают практически всю сферу психики человека: от возникновения потребности (идея, замысел) до интеллектуального (смысл, значение) и двигательного (артикуляция, письмо) акта. Отсюда следует, что в *продукте* речевой деятельности (озвученном или записанном) должны присутствовать следы *индивидуальной* психической активности. Эмпирические свидетельства этого — бесчисленны и давно отмечаются. Вопрос состоял лишь в том, чтобы эти наблюдения сделать объектом научного (теоретического и экспериментального) изучения.

Пройдя большой путь — от графологии до психолингвистики, психология речи обрела свой арсенал методов, позволяющих исследовать индивидуально-психологические особенности человека на основе продукта его речевой деятельности. Один из таких методов сегодня — компьютерная программа ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС.

Вербальное наследие Великих Последних XX века, аутентичность которого не подлежит сомнению, достаточно велико: в первом случае — дневник Николая II, который он вел практически без перерывов с 1896 по 1918 гг., в втором случае — многочисленные интервью М. Горбачева. Но в настоящем исследовании были использованы **материалы**, максимально приближенные к событиям и времени той исторической границы, которая разделяет деятельность эпигонов и деяния Великого Последнего. И эти тексты, в которых дается *собственная* оценка переломным событиям, ставящим автора перед гамлетовской дилеммой, приводятся ниже.

Что же показали **результаты** исследования?

Подумать только, какая могучая сила судить о людях издали!

А Дюма-сын

Восторженный француз, очарованный, правда, графологией, предвосхитил сегодняшнее отношение к результатам *психолингвистического* анализа текстов.

Великие

Основной результат излагаемого исследования показан в табл. 5, где приведены палитры психологических характеристик личностного статуса российских Великих Последних XX века — Николая II (Романова) и Михаила Горбачева.

Но сначала — «судьбоносные» для персонажей исследования тексты, завершившие в обоих случаях великую эпоху движения (куда?) России. Подчеркиваем, что трагизм содержания приводимых текстов лежит вне сферы внимания психолога: содержание — это предмет изучения историков, политологов, социологов. Психолог лишь «маркирует» соответствующим текстом *время* и *событийность* предмета своего изучения, предполагая, возможно, не без оснований, что созданный «здесь и сейчас» текст — выражение личностного Я автора..

АКТ об отречении
Государя Императора
Николая II от престола
Государства Российского
в пользу Великого Князя
Михаила Александровича

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу родину. Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжкое испытание. Начавшиеся внутренние народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской Нашей армии, благо народа, все будущее дорогого Нашего отечества требует доведение войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг напрягает последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия Наша, совместно со славными нашими союзниками, сможет оконча-

*Довожу до сведения Съезда
народных депутатов СССР,
Верховного совета СССР**

Заявление:

1. Принятое на себя Г.И. Янаевым исполнение обязанностей Президента под предлогом моей болезни и невозможности исполнять свои обязанности есть обман народа и, таким образом, не может быть квалифицировано иначе, как государственный переворот.
2. Это значит, что и все последующие действия являются незаконными и неправомерными. Ни Президент, ни Съезд народных депутатов таких полномочий Янаеву не давали.
3. Прошу передать т. Лукьянову мое требование о срочном созыве Верховного Совета СССР и Съезда народных депутатов для рассмотрения сложившейся ситуации.

По ту сторону Слова

тельно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли Мы долгом совести облегчить народу Нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думой, признали Мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя Верховную власть.

Не желая расстаться с любимым сыном Нашим, Мы передаем наследие Наше Брату Нашему Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и нерушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины призываем всех наших верных сынов отечества к исполнению своего святого долга перед ним, повинованием Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы.

Да поможет Господь Бог России.

Ибо они и только они, рассмотрев возникшую обстановку, вправе решить вопрос о необходимых государственных мерах и механизме их реализации.

4. Требую немедленно приостановить действие Государственного комитета по чрезвычайному положению впредь до принятия упомянутых решений Советом или Съездом народных депутатов СССР.

Продолжение этих действий, дальнейшая эскалация принимаемых ГКЧП мер может обернуться трагедией для всех народов, еще больше обострить обстановку, а то и полностью сорвать начатую согласованную работу Центра и республик по выходу из кризиса.

Президент СССР

М. Горбачев

Крым, 20.VIII.1991 года

* Выделенное курсивом — вписано от руки М. Горбачевым.

02.03.1917

Великие

Сравнить палитры психологических качеств наших персонажей помогает табл. 5.

Таблица 5

Характеристика	Николай II	М. Горбачев
Экстравертирован	0,19	0,31
Эмоционален	0,52	0,83
Активен	0,56	0,66
Руководитель	0	0,79
Исполнителен	0	0,76
Общителен	0,59	0,73
Избирателен	0,59	0
Оригинален	1,31	1,58
Необычен	1,39	1,76
Настойчив	1,42	1,71
Решителен	0,30	0,39
Расчетлив	1,34	0
Осторожен	1,01	1,33
Энотипичен	0,03	0,25
Критичен	0,08	0
Забывчив	0,48	0,77
Обидчив	0,49	0
Артистичен	0,48	0,81
Фанатичен	0,74	1,02
Застенчив	0,08	0
Рефлексивен	1,31	0
Амбивалентен	0,56	0
Инфантилен	0	0,20

Основное, что отражает таблица, это явная близость психологических палитр Николая II и М. Горбачева, что дает весомые основания для серьезного и более тщательного рассмотрения в будущем вопроса о психологической *типологии* Великих Последних, хотя бы в рамках российского менталитета.

В данном случае — на основании общих характеристик — психологический тип может быть описан как экстравертированный *циклотимик*. Это означает, что обычно таким людям свойственен оптимизм с оттенком гедонизма, для них характерен широкий круг интересов, что удовлетворяется незатруднительным и разносторон-

По ту сторону Слова

ним общением. Правда, часто это общение поверхностно и непрочно, чему способствует завышенная самооценка, которая невольно для них проявляется в общении. В то же время, в жизненном цикле таких людей нередки периоды пониженного настроения, изредка - вплоть до подавленности, меланхолии и снижения продуктивности.

В поведенческом плане это выражается тем, что такие люди трудноуправляемы, хотя общительны и как будто склонны прислушиваться к чужому мнению. Такие люди проявляют твердое и последовательное движение к цели. Правда, эта цель может быть «идефикс». И все же на пути к цели они решительны и бескомпромиссны. Мотивы поступков и их необходимость объясняются внешним провоцирующим воздействием. Созидательная деятельность протекает при высокой активности на фоне маскируемой глубокой эмоциональности. И это сравнительно длительное пребывание в аффективном состоянии может способствовать интеллектуальной ригидности, непоколебимости позиций, что внешне выглядит как упрямство. Отнесение неуспеха за счет внешних факторов способствует эффективному вытеснению неблагоприятных переживаний, как бы забывчивости последствий от негативных воздействий и, соответственно, игнорированию необходимых ответных адекватных действий. Деятельность протекает в рамках законопослушания, правосознание весьма развито и служит опорой внешнего поведения. Новаторство, революционность носит «мягкий» характер, без агрессивности, хотя подается эмоционально насыщенно и даже театрально.

В комфортных условиях проявляется гибкость мышления, вплоть до экстравагантности с оттенком необычности, нетипичности и даже эпатажности.¹¹⁸

Состояние здоровья, как правило, не вызывает особых забот и не приводит к «утечке» жизненной энергии. Физическое недомогание и плохое самочувствие преодолевается мотивом продуктивной работы.

Приведенный абрис психологического портрета показывает нам, казалось бы, вполне благополучно-обычного человека. Но это не так. Результат обнаруживает по крайней мере две аномалии психического уклада Великих Последних.

Достаточно вспомнить их антиалкогольные кампании.

Великие

Будем снисходительны к великим слепцам.

С. Милль

Во-первых, такие общие для них характеристики, как: *артистизм* (маскировка Я), *осторожность* (охрана Я), *оригинальность* и *необычность* (дифференциация Я), а также характеристики, в основном присущие Николаю II: *амбивалентность* (ирреальность Я)¹¹⁹, *рефлексия* (самоанализ Я), *застенчивость* (мораль Я) и *критичность* (несогласие Я) — указывают на преимущественно субъектную ориентацию психической установки личности, то есть определяют исследуемый психологический тип как *интровертный*. Эти характеристики отражают функцию защиты Я от объекта, за которым, конечно, стоит другой субъект. К. Юнг говорит, что *интроверсия* «характеризует человека нерешительного, рефлексивного, замкнутого, который нелегко отвлекается от себя, избегает объектов, всегда находится как бы в обороне и охотно прячется, уходя в недоверчивое наблюдение», тогда как *экстраверсия* «характеризует человека любозного, по видимости открытого и предупредительного, который легко приспосабливается к любой данной ситуации, быстро вступает в контакты и часто беззаботно и доверчиво, пренебрегая осторожностью, ввязывается в незнакомые ситуации».¹²⁰

Как же разрешить явное противоречие между обнаруженной *экстраверсией* и действительной *интроверсией* исследуемых? Ответ К. Юнга: происходит обращение типа. В этом случае «у интроверта посредством влияния объекта проявилась *неполноценная экстраверсия*».¹²¹ Понятно, что такое трансформирующее личность влияние может произвести только «судьбоносный» объект. А что же может быть «судьбоноснее» насильственного отторжения от власти? «Как позитивные, — продолжает К.Юнг, — так и негативные события могут вызвать наверх неполноценную противofункцию. Но в таком случае появляется ранимость. *Ранимость есть симптом наличествующей неполноценности*. Тем самым создаются психологические основы для разлада и недоразумений, и не только для разлада между двумя людьми, но и для разлада с самим собой. Дело в том, что сущность *неполноценной функции* характеризуется *автономией*; она

¹¹⁹ Наименование этой характеристики указывает на как бы парадоксальное состояние высокой активности при глубокой депрессии (например, это состояние характерно для дипломанов).

¹²⁰ Юнг К.Г. Психология бессознательного.—М.: Канон, 1994, с. 77—78.

¹²¹ Там же, с. 96.

По ту сторону Слова

самостоятельна, она охватывает, околдовывает и опутывает нас так, что мы уже перестаем быть хозяевами самих себя и не можем точно проводить различие между собой и другими.»¹²²

Итак, анализ первой аномалии заставляет сделать вывод: в наблюдаемый период (момент написания исследуемых текстов) и Николай II, и М. Горбачев испытывали психологическую трансформацию личности. Но к этому испытанию они оказались неподготовленными, как, впрочем, оказываются неподготовленными к обращению своего типа и большинство людей. Но грандиозность проблем, которые требовали от них решения «здесь и сейчас», обусловило катастрофичность последствий как для них, так и для государства.

Во-вторых, в психологической палитре российских Великих Последних обнаруживается несколько характеристик, включающих *женское* начало. Сам по себе — это вполне рядовой факт. Но учитывая социальный статус исследуемых и, главное, их роль в Истории, следует внимательнее рассмотреть функцию *анимы* в психологическом содержании личности этих людей.

*Мужчина велик на земле и в веках,
но каждая йота его величия выросла из женщины.*

У. Уитмен

«Итак, в бессознательном мужчины существует унаследованный коллективный образ женщины, с помощью которого он постигает природу женщины»,¹²³ — заявляет К. Юнг, характеризуя то, что он назвал *анима*. Этот архетипический образ необходимо соучаствует в субъективной готовности человека к формированию индивидуального жизненного опыта. Анима и многие другие архетипы «в известном смысле являются *осадками всего опыта ряда поколений предков, но не самим этим опытом*».¹²⁴ Именно последнее утверждение Юнга позволило дать имя ЭТНОТИПИЧЕН ведущей характеристике *анимы* в обсуждаемых психологических портретах (признаки *анимы* присутствуют также в характеристиках *критичен* и *артистичен*).

Анима экзистенциально (в своем существовании) связана с личностью (по К. Юнгу — персоной), находясь с последней в компенсаторных отношениях. Если согласиться с тем, что «персона есть сложная система отношений между индивидуальным сознанием и

¹²² Юнг К.Г. Указ. соч., с. 96.

¹²³ Там же, с. 256.

¹²⁴ Там же, с. 256.

Великие

социальностью, удобный вид маски, рассчитанной на то, чтобы, с одной стороны, производить на других определенное впечатление, а с другой — скрывать истинную природу индивидуума»¹²⁵, тогда «персона, идеальный образ мужчины, каким он должен быть, компенсируется внутри женской слабостью, и как внешне индивидуум играет роль сильного мужчины, так внутри он становится бабой, анимой, ибо именно анима противостоит персоне»¹²⁶. Перенося приведенные рассуждения Юнга на личности Великих Последних (с их мощным зарядом анимы), а также учитывая, что они находились на самой вершине социальной иерархии (персоны Императора, Президента), делаем вывод о значительности влияния их жен не только в семейных отношениях, но и в делах государственных.

Суммируя сказанное о трансформации установки и роли *анимы* в личности, следует сделать вывод: психологический статус Николая II и М. Горбачева исключал какую бы то ни было возможность адекватного поведения в *наблюдаемый* период времени.

Анализ таблиц всегда фрагментарен, а потому требует определенных усилий от читателя для размышления над результатами. Облегчить эти усилия, думается, поможет визуальный материал, приведенный на рис. 8. Эта иллюстрация к тому же призвана показать имеющиеся *отличия* в психологическом содержании личности, о которых пока не говорилось.

Рис. 8

Характеристики, расположенные по горизонтали, — некие «пачки», или кластеры первичных характеристик Базы программы ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС (часть которых приведена в табл. 5), сгруппированные по принципу близости их психологического содержания:

— АГРЕССИЯ: агрессивен, девиантен, делинквентен, психопатичен, параноялен;

¹²⁵ Там же, с. 258.

¹²⁶ Там же, с. 261.

По ту сторону Слова

- ИНГИБИЦИЯ: рефлексивен, расчетлив, застенчив;
- КОНФОРМИЗМ: этнотипичен, закомплексован, исполнительен, равнодушен;
- ЭКСТРАВЕРСИЯ: экстраверсия:
- ТРЕВОЖНОСТЬ: амбивалентен, обидчив, застенчив, рефлексивен;
- ЛИДЕРСТВО: руководитель, активен, решителен, исполнительен;
- АНИМА: этнотипичен, критичен, артистичен;
- ОБЩЕНИЕ: экстраверт, общителен, активен, инфантилен.

Графики рельефно, как и ожидалось, отражают близость психологических статусов исследуемых. Введенный здесь кластер «агрессия» призван лишь акцентировать наше внимание на **отсутствии** даже намека на какую бы то ни было тенденцию к агрессивному, насильственному, противоправному, нонконформистскому поведению российских Великих Последних XX века.

Заметные различия касаются только двух кластеров — *тревожности* и *лидерства*. Видно, что в период работы над текстом отречения Николай II испытывал сильное состояние тревоги, тогда как М. Горбачев был уверен в себе, собран, решителен. Последний факт должен комментироваться участниками и очевидцами события «антиотречения», так как за обнаруженным спокойствием Горбачева должны стоять весомые обстоятельства, обусловившие «необычность» его поведения. Более высокий показатель *лидерства* М. Горбачева в значительной степени определен именно отсутствием *тревожности*.

Завершая описание этой части исследования, целесообразно подвести некоторые итоги.

Бесспорно, что Последний (как «просто», так и Великий) начинает свою деятельность как Продолжатель. В свою очередь, Продолжатель, как это следует из *данного* исследования, становится Великим Последним при неперенном совпадении следующих трех факторов: 1) неготовность психического статуса к трансформации личностной установки; 2) грандиозность творческого замысла; 3) педантичное упрямство в достижении цели. Вряд ли есть основания сомневаться в том, что фактор «грандиозности творческого замысла» роднит Великого Последнего с Великим Первым. Но «роднит» — отнюдь не означает тождество персон. Между персонами Великого Последнего и Великого Первого принципиальная разница в существе замысла объектной деятельности: в первом случае — сохранить, но усовершенствовать объект; во втором — уничтожить объект и создать новый, но в другом качестве.

Теперь можно дать лаконичное определение:

Великие

Великий Последний — это Продолжатель-эпигон после обреченной на провал попытки стать Великим Первым.

Кажущаяся очевидность приведенной формулы скрывает жуткую драму личной жизни Великого Последнего и чудовищный трагизм порожденных им социальных катаклизмов. Следствием этого является насильственная и коренная ломка судеб многих и многих людей.¹²⁷

Приведенная формула позволяет ответить и на такой вопрос: может ли в одной личности существовать две персоны? Ответ — отрицательный для любой комбинации персон. И дело не только в их различной исторической знаковой отнесенности, но и в своеобразии психологического уклада тех людей, которым предназначено быть в качестве той или иной персоны.

Мой жизненный опыт убедил меня, что люди не имеющие недостатков, имеют очень мало достоинств.

А. Линкольн

Но История вершится не только Великими. Воплощение в жизнь намерений Великих осуществляют их эпигоны, среди которых, думается, должны быть и *несостоявшиеся* Великие. Любопытно рассмотреть вопрос: можно ли найти на постмонархическом политическом Олимпе России «психологических близнецов» Великих Последних? Ответ на него позволит хотя бы коснуться до настоящего времени «неизвестной» психологической проблемы *потенциально* Великих. Материалы для обсуждения этого вопроса представлены в табл. 6.

Происхождение этой таблицы требует комментария:

1) Небольшая (нерепрезентативная) группа российских политиков выбрана *случайно* из более обширного списка, исследованного и опубликованного ранее¹²⁸, что продиктовано только ориентировочным характером этой части работы.

2) Структура табл. 6 — результат факторного анализа (метод главных компонент) матрицы эмпирических данных, содержащей 51 психологическую характеристику (общая палитра) 26 приведенных лидеров (которая аналогична матрице, показанной в табл. 5).

3) Для экспликации латентной структуры исходной матрицы размерностью 51 на 26 требуется выделить по крайней мере три

¹²⁷ Возможно, что последнее обстоятельство и служит общественным мотивом помещения в мифологический пантеон Истории.

¹²⁸ См. главу «Пассионарии». Психологический образ российского политика XX века.

По ту сторону Слова

фактора. Это совпадает с методологической необходимостью настоящего исследования: один из факторов должен отразить *сходство*, два других — соответствующие *различия* в психологическом укладе Николая II и М.Горбачева. Показанные в табл. 6 факторы описывают (эксплицируют) 89,9% исходной информации.

4) Статистически значимым наблюдением является то, которое имеет вес не менее 0,354 (при 1%-ном уровне значимости). В табл. 6 приведены только значимые наблюдения.

5) Для ответа на поставленный вопрос необходимо учитывать *пропорцию* веса сходства и различий в психологическом укладе Великих Последних. Из табл. 6 следует, что это соотношение одинаково для них: больший вес имеет *сходство*, меньший вес — *различия*. Типологическая оценка выбранных политиков дается с ориентацией на это соотношение.

6) Окончательный результат изучения вопроса о «втором Я» Николая II и М. Горбачева среди выбранных политических лидеров России XX века приведен в третьем столбце табл. 6 (выделено жирным курсивом).

Политик России XX века	Подобен в отличиях		Подобен в сходстве
	Николаю II	М. Горбачеву	Николаю II или М. Горбачеву
Николай II	0,397		0,875
М. Горбачев		0,614	0,786
Андропов		0,607	0,787
Брежнев	0,452		0,859
Бухарин	0,826		
Гайдар	0,486		0,837
Громыко	0,790		0,494
Жириновский	0,962		
Зиновьев	0,968		
Зюганов	0,889		0,403
Калинин	0,680		0,662
Каменев	0,785		0,462
Киров	0,887		0,412
Коржаков			0,574
Косыгин		0,638	0,757
Куйбышев		0,605	0,787

Продолжение табл. 6

Политик России XX века	Подобен в отличиях		Подобен в сходстве	
	Николаю II	М. Горбачеву	Николаю II или М. Горбачеву	
Лебедь	0,611			
Микоян		0,600		0,790
Орджоникидзе	0,433		0,857	
Руцкой	0,912		0,370	
Сулов		0,633		0,767
Свердлов	0,590		0,674	
Хрущев	0,970			
Чичерин		0,637		0,754
Янаев	0,727		0,617	
Явлинский	0,972			
Вес фактора, %	42,485	10,331	37,11	

Итак, действительно, среди 24 выбранных российских политиков XX века существуют психологические подоби́я исследуемых здесь Великих Последних.¹²⁹ Таких «психологических двойников» оказалось десять, и среди них: психологическое своеобразие Брежнева, Гайдара, Орджоникидзе и Свердлова достаточно близко психологическому укладу Николая II; Андропов, Косыгин, Куйбышев, Микоян, Сулов и Чичерин обладали психологическим укладом, подобным психологическому укладу Михаила Горбачева.

*Кто слишком усерден в малом,
тот обычно становится неспособным к великому.*

Ф. де Ларошфуко

Но что же отличает «просто» Последних от Великих Последних? Ответ — в гениальном афоризме Ларошфуко. Действительно, из трех факторов, обуславливающих становление Великого Последнего, здесь присутствуют два психологических (неготовность к трансформации установки и педантичная исполнительность). Следовательно, то, что оставляет их в разряде обыкновенных — *немасштабность* выдвигаемых целей. А цели и задачи порождаются *временем*, то есть определяются объективными общественно-историческими условиями текущего периода.

¹²⁹ Психологическое *подобие* ни в какой мере не означает одинаковость мышления, поведения и других форм сознательной деятельности; это лишь бессознательная, архетипическая *готовность* к формированию похожих форм сознательной деятельности.

По ту сторону Слова

Вспомним некоторые существенные фрагменты их общественной деятельности.

Андропов: повел педантично-маниакальную борьбу за трудовую дисциплину и попытался бороться с коррупцией.

Брежнев: мирные инициативы СССР и ... причастность к войне в Афганистане.

Гайдар: проведенная «шоковая терапия» подавила последние возможности социалистического развития России.

Косыгин: сделал слабую попытку проведения экономических реформ в промышленности.

Куйбышев: руководил практическим осуществлением плана ГОЭЛРО.

Орджоникидзе: внес ощутимый вклад в социалистическую индустриализацию СССР.

Микоян: главный «интендант» СССР.

Суслов: «серый кардинал», идеолог внешней и внутренней политики СССР.

Свердлов: причастен к убийству царской семьи.

Чичерин: следовал ленинской доктрине внешней политики советского государства.

Привлекает внимание любопытный факт: из всего списка «двойников» только Е. Гайдар ныне здравствующий, а «иных уж нет», хотя в первичной выборке присутствует восемь активно функционирующих и сегодня политиков. Но, думается, Гайдар свою миссию Последнего уже выполнил: в конце 1991 — начале 1992 года, будучи и.о. премьер-министра правительства России, своей «шоковой терапией» он «похоронил» Перестройку Горбачева, тем самым ненасильственным образом лишил Россию какой бы то ни было возможности двигаться дальше по социалистическому пути развития. Да, масштаб разрушительных последствий этого был значителен, но только для России, а точнее — для большинства населения страны, но «не дотягивал» до общемировых общественно-экономических катаклизмов. Поэтому Гайдар, как и остальные политики исследованного списка «двойников», должен быть отнесен к несостоявшимся или «просто» Последним. Отсюда следует индуктивное заключение: если в настоящее время Великий Последний отсутствует, то существующее социально-экономическое положение сохраняется и ожидать коренных перемен в стране не приходится.¹³⁰

¹³⁰ Правда, расширив список нынешних политиков, можно тщательнее поискать Великого Последнего, но это уже исследование по «социальному заказу».

Великие

«Просто» Последний в отличие от Великого Последнего менее катастрофичен. Тихо уходя в тень общественной жизни, он более благополучен и в личной жизни. Личная жизнь и общественная деятельность таких квазилидеров, пусть гротескно, может быть охарактеризована афоризмом Г.К. Лихтенберга:

«Варварский педантизм, скулящее смирение».

ПАССИОНАРИИ

ПАССИОНАРИИ РОССИИ XX ВЕКА

Умом Россию не понять...

Ф.И. Тютчев

Ушедший век войдет в историю России как один из самых трагических и самых... удивительных.

Трагичность — в пяти войнах (первая мировая, гражданская, финская, вторая мировая, чеченская), принесших неисчислимые человеческие жертвы и экономический развал, и в трех революциях (февральская 1917 года, октябрьская 1917 года, августовская 1991 года), размежевавших единый российский народ на «своих» и «чужих» и разметавших россиян по всему миру.

Необычность — в полном цикле смены общественно-экономического уклада российского государства (практически совпадающем с хронологическими рамками века), включая осуществление грандиознейшего политического эксперимента, который напугал весь мир и, думается, навсегда отбил охоту его повторения в других странах.

Только потому, что ты впереди, другие идут за тобой.

Ж. Валлес

И кто же отстоял отчизну, вновь и вновь возрождая духовную и территориальную целостность России? Россияне, задумавшие и проводившие в жизнь глобальный политико-экономический эксперимент насильственного внедрения всеобщего благоденствия («Добродетель без террора бессмысленна», — говаривал еще М. Робеспьер). И кто же, в конце концов, запутался в политике и экономике до такой степени, что Российская Империя (монархического и советского периодов) без насильственного внешнего воздействия и без внутренней военной междоусобицы тихо развалилась? Ответ очевиден: власть предержавшие россияне-эпигоны великой коммунистической идеи, а также подхватившие утерянное знамя «Великой и Неделимой» их потомки-отступники (демократы?), погребенные под рухнувшей на Россию культурой Запада.

Россияне, учинившие политический беспредел, а позднее — их неумелые и малограмотные продолжатели (эпигоны-перестроечни-

Пассионарии

ки, оппортунисты и ренегаты), остановившие от страха перед уже просвечивающим «светлым будущим» слепого монстра — нищего «гегемона» и покончившие с коммунистической мечтой, но так и не нашедшие выхода из тупика, — это какие-то «другие» россияне, не похожие ни на опору «царя и отечества», ни на созидателей истинной (западной? евразийской? азиатской?) демократии.

Так какие же мы — «другие» — россияне? Так и останемся в сознании мировой общественности носителями «загадочной русской души»?

Задача психолога в поиске решения этой глобальной проблемы достаточно скромна — попытаться выявить некоторые психологические (но социально значимые) черты тех россиян, которые, подчеркнем, по мнению их *современников*, сделали и делают Историю России XX века. Людей, обеспечивающих духовный, технический и экономический прогресс общества (политические лидеры, видные общественные деятели, выдающиеся организаторы производства, именитые писатели), известный ученый Лев Гумилев называл *пассионариями*: «Пассионарность — признак (в биологическом смысле), составляющий наполнение исторических процессов, направление которых определяется общественной формой движения материи...»¹³¹ Л.Н. Гумилев, в свойственной ученым манере «зауми», кристаллизировал в понятии «пассионарность» различные (и часто противоречивые) представления о духовном потенциале естественного *природного* процесса, который он же назвал *этногенезом*. Суть идеи проста: историческое развитие общества выносит на поверхность тех людей, творческий потенциал которых *соответствует* объективной (независимой от человека) логике текущих событий, то есть удовлетворяет требованию «здесь и сейчас». Пассионарность — это проектирование чего-то другого, отличного от уже существующего, и воплощение проекта в жизнь.¹³² Пассионарии составляют *незначительную* часть этноса, но обладают очень мощной позитивной энергией созидания нового или разрушения старого. Пассионарии — «ударная» группа, часто приносящая себя в жертву реальным или мифическим целям благополучия всего этнического сообщества. Пассионарии — цель, воля и сила прогресса.

¹³¹ Гумилев Л.Н. Этносфера: История людей и история природы.—М.: Экспресс, 1993, с. 250.

¹³² Следует обратить внимание на принципиальное отсутствие нравственной оценки этого процесса; и это потому, что «пассионарность» — процесс объективно-исторический.

По ту сторону Слова

Казалось бы, что поставленная задача неразрешима, когда кажется «тех, кого уж нет». И действительно, до начала 70-х годов нашего тревожного века психологу нужен был *субъект* исследования. Теперь же существуют и широко используются психологические методы исследования личности, не требующие непосредственного контакта с исследуемым лицом. Эти методы основаны на анализе *речевого* материала человека, интерес к которому проявляет психолог. В их основе лежит представление настолько же древнее, как и сам человек, о том, что не только глаза, но и *язык* — зеркало души. Правда, есть несколько требований к речевому (шире — языковому) материалу, основные из которых формулируются следующим образом: текст должен быть аутентичным, то есть принадлежать именно тому лицу, исследование которого предполагается; текст должен быть свободным, то есть незаученным и недиктованным; объем текста должен быть необходимым и достаточным для достоверного заключения. При выполнении этих и более частных требований из авторского текста получают информацию такого же объема и качества, которую можно было получить раньше только при *контактном* психологическом исследовании, например в лаборатории психолога-экспериментатора, в приемной психоаналитика или, наконец, с помощью гипноза.

Необходимо отметить, что теоретико-методологические предпосылки сегодняшней психолингвистической практики были созданы такими крупнейшими российскими психологами, как Л.С. Выготский (ставил проблемы *мышления и речи*), А.Н. Леонтьев (решал проблемы *смысла и значения*), А.Р. Лурия (исследовал проблемы *нейролингвистики*). Уникальные теоретические разработки отечественных психологов¹³³ достаточно быстро находили экспериментальное подтверждение, опираясь на оригинальные отечественные же методы и инструменты¹³⁴.

Последнее полностью относится и к использованному в настоящем исследовании методу психолингвистического (шире — психогерменевтического) анализа текстов — компьютерной программе ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС. Напомним, что концептуальным основанием здесь служат идеи М.М. Бахтина об инвариантных формах коммуникации речевого сообщения (монолог, диалог, полифония и пр.)¹³⁵,

¹³³ Уникальность была «вынужденной» вследствие изоляции советской психологии от мировой.

¹³⁴ Достаточно вспомнить, что прототипом нынешнего «детектора лжи» послужили идеи и эксперименты А.Р. Лурия, осуществленные еще в 20-х годах.

¹³⁵ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советская Россия, 1979.

Пассионарии

а эмпирическим базисом — результаты экспериментальных исследований инвариантности психосемантических образов речевых единиц (букв, слов, предложений и пр.).¹³⁶

Понятно, что материалом исследования служили аутентичные тексты лиц, составивших выборку пассионариев России XX века.¹³⁷ В основном такими текстами являлись *интервью*, данные этими лицами различным печатным изданиям. Реже использовались авторские статьи и стенограммы публичных выступлений. Вопрос аутентичности любого языкового материала — достаточно дискуссионен. Но интервью, авторская статья и стенограмма выступления — если, разумеется, это не фальсификация, что, как правило, становится причиной публичного скандала — остаются единственными доступными источниками, которые можно характеризовать как аутентичные, то есть принадлежащие тому, кто обозначен их автором.

Малое число людей всегда в силах поднять большую шумиху.

Б. Франклин

Теперь о субъектах исследования — о пассионариях, то есть о тех людях, которые служат «двигателем» прогресса данного общества. Как отмечалось, в процентном отношении к численности всего конкретного этнического сообщества — их немного. Но такая страна, как Россия, даже в этом соотношении исчисляет своих пассионариев многими тысячами, что, бесспорно, создает вряд ли преодолимые трудности для эмпирического исследования. Поэтому было решено, во-первых, представить российское общество несколькими общественными и профессиональными *стратами* (слоями), отражающими определенные субкультуры; во-вторых, из каждой страты выбрать тех, кто уже современниками был зачислен в когорту позитивных *лидеров*. Причисление к лидерам оценивалось по относительно высокому рейтингу общественной известности, что прекрасно отражает, в частности, массовая печать. Понятно, что подобная дифференциация значительно снижает общее число истинных пассионариев (а сколько же их еще осталось за летописным кадром истории России?), но, в то же время, предоставляет возможность опереться на *репрезентативную* выборку достаточно известных российских пассионариев. В данном случае число пассионариев каждой субкультуры составило от 14 до 30 человек.

¹³⁶ Фрумкина Р.М., Василевич А.П. Процессы субъективного прогноза в речевой деятельности.//В кн. «Прогноз в речевой деятельности», М., Наука, 1974.

¹³⁷ Полный список VIP, отнесенных автором к пассионариям, приведен в табл. 9.

По ту сторону Слова

В той части исследования, которая излагается здесь, пассионарии представляли следующие субкультуры российского общества.¹³⁸

Большевики. Это — представители «ленинской гвардии», авторы идеи мирового пролетарского господства, основатели советского государства. Они — первые действительные реформаторы России в XX веке (столыпинские реформы царской России и тщетные попытки демократических реформ постсоветской России не могут быть даже соотнесены с общественно-экономическим обвалом, который учинили отцы-основатели «светлого будущего»), оставившие след не только в российской истории, но и в истории человечества, сделав практическую попытку создать совершенное общество, которое просуществовало на одной шестой части Земли более 70 лет.

Среди них: Ленин, Сталин, Троцкий, Дзержинский, Зиновьев, Киров, Чичерин.

Коммунисты. «Команда Горбачева» — последние из эпигонов большевиков. Именно они, лелея идеологию пролетарского государства и искренне веря в возможность построения социалистического общества с «человеческим лицом», оказались беспомощны в сохранении того и другого и несут ответственность за невоплощение ленинско-сталинской идеи торжества социализма хотя бы в одной стране.

Среди них: Горбачев, Ельцин, А. Яковлев, Лигачев, Лукьянов, Н. Рыжков, Янаев.

Демократы. Общественные и политические лидеры-отступники постсоветской России, возвращенные на коммунистической идеологии, но ставшие сторонниками демократических (и необратимых) преобразований российского государства с капиталистическим укладом экономики. Они привели Б. Ельцина к президентству, а чуть позднее образовали сумбурный и многоголосый, но назойливый и ядовитый фронт оппозиции власти.

Среди них: Гайдар, Явлинский, Жириновский, Руцкой, Лебедь, Собчак, Бурбулис.

Предприниматели. Элита «новых русских» деловых людей, взявших под свой контроль значительную часть финансово-промышленного потенциала России и в значительной своей части не принадлежащих в советский период к верхам номенклатурного сов-парт-аппарата

Среди них: Березовский, Лисовский, Гусинский, Потанин, Брынцалов, С. Федоров.

Артисты. Пожалуй, наиболее популярные люди нашей страны, которые несут не только «слово», но и образ эпохи, воплощаемый на экране или на сцене. Правда, если лицедеи во все времена были

¹³⁸ Наименования субкультур здесь, конечно же, весьма условны.

критиками существующего порядка (они могут себе позволить говорить правду), Россия и здесь стоит особняком: артист у нас — «пиарщик» превосходства того, где и в каких условиях он живет.¹³⁹

Среди них: Утесов, Черкасов, Смоктуновский, Ефремов, Леонов, Лебедев, Никулин.

Литераторы. «Инженеры человеческих душ» (как определял их «языковед» и «отец всех народов» И.В. Сталин) всегда (когда их печатают!) выражали и выражают идеологию настоящего времени. Справедливость, однако, требует признать, что художники слова почти всегда искренны в своем... заблуждении, и именно из-за своей эгоцентричности, себялюбия или того, что З. Фрейд называл «нарциссизмом». Поэтому все их попытки «обустроить» Россию, то есть нарисовать перспективу того, что ее ждет в будущем, оказывались тщетной суетой. Эффект критики настоящего — бесспорен, эффект прогноза — никчем.

Среди них: Есенин, Маяковский, Шолохов, Солженицын, Пастернак, Булгаков.

Разумеется, приведенные субкультуры далеко не отражают полной картины культуры российского общества: отсутствуют ученые, военные, студенты и др. **Но, повторим**, здесь акцентировалось внимание только на *фактических* лидерах, то есть на тех, кого более или менее знал и знает до сих пор народ.¹⁴⁰

Целесообразно предварить — пусть и в сноске — изложение результатов исследования небольшим комментарием, касающимся процедуры анализа материала.¹⁴¹

Итак, основная (но отнюдь не единственная) цель работы — попытаться выявить самую общую психологическую структуру *сущ-*

¹³⁹ Исключения — Г. Вишневская, А. Тарковский, Р. Нурiev, М. Барышников, А. Годунов, О. Видов и др. — лишь подтверждают правило: «кто не с нами, тот против нас».

¹⁴⁰ Материалы, использованные в настоящем исследовании, — лишь незначительная часть Банка данных программы ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС, который формируется с начала 70-х годов и включает более 2000 аутентичных текстов, как весьма, так и достаточно известных людей России.

¹⁴¹ Известно, что процедуре выделения факторов предшествует процедура корреляционной обработки. Но для этого необходимо выравнивать исследуемые выборки. Сделать это по числу текстов, во-первых, весьма затруднительно из-за неравенства выборок пассионариев (от 14 до 30 единиц в каждой выборке), и, во-вторых, не вполне целесообразно из-за невысокой математической достоверности обработки (сравнительно небольшая численность отдельной выборки). Поэтому пассионарные страты обрабатывались сразу «пачками» представленных текстов, а выравнивание происходило по числу психологических характеристик, составляющих базу программы — 70 единиц.

По ту сторону Слова

ности российских пассионариев. Эта внутренняя, скрытая (латентная) структура обычно выделяется каким-либо из методов многомерного анализа. В данном случае использован один из методов факторного анализа — метод главных компонент.

Окончательный результат факторного анализа приведен в табл. 7.¹⁴²

Таблица 7

Пассионарии	Лидерство	Созидание	Идеология
Большевики	0,558*	0,711*	0,392*
Коммунисты	0,849*	-0,060	0,512*
Демократы	0,981*	0,040	0,010
Предприниматели	0,783*	0,598*	-0,003
Артисты	0,968*	0,156	-0,104
Литераторы	0,590*	0,772*	-0,002
Информация в факторе	65 %	25 %	7 %

Из таблицы следует, что российская пассионарная структура представляет собой *трехмерное* пространство. Наименования осей факторам этого пространства обычно даются на основании содержательного анализа составляющих эти факторы компонент, в данном случае — это исследуемые страты пассионариев.

Первый — самый информативный (65 % всей исходной информации) — фактор включает *все* шесть исследованных в этой работе страт. В содержательном отношении это означает, что российские пассионарии очень похожи *психологически*, все они объединяются психологической устремленностью в своей столь разной деятельности. Но каков характер этого устремления? Учитывая, что выбранные для этого исследования пассионарии были «на виду», достаточно хорошо известны широким массам, а главное — получали всенародное одобрение и поддержку своей деятельности, можно говорить о том, что единство устремления этой деятельности (по крайней мере, на момент продуцирования использованных здесь текстов) состоит в борьбе за *лидерство*. Из этого результата следует чрезвычайно важный и ответственный вывод: все лидеры российского общества, *независимо* от сферы своей продуктивной деятельности, актуализируют (большей частью — бессознательно) *единый* психологический

¹⁴² Примечание к таблице: звездочкой отмечены значимые нагрузки для 1%-ного уровня значимости (критическое значение 0,302), при выборке в 70 единиц (число психологических характеристик Базы программы ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС).

потенциал. Этот вывод можно и расширить: лидерство в России (будь то в сфере политики, экономики, культуры) требует какого-то единого «конгломерата» психологических качеств в личностном статусе соискателя. Если таким набором качеств человек обладает, то успех на поприще общественной деятельности, завоевание общественного признания зависит уже от «воли к власти».

Второй по информативности фактор (25 % всей исходной информации) содержит три пассионарные страты: *большевики*, *предприниматели* и *литераторы*. Здесь следует вспомнить, что большевики не только создали идеологию нового советско-социалистического общества, но и стояли у истоков развития мощной советской промышленности и экономики. Говоря сегодняшним языком, они были деловыми людьми, руководителями производств, предпринимателями. И тогда их психологическая связь с нынешними новорусскими предпринимателями становится понятной и объяснимой. В том же *созидательном* ключе нужно объяснять и присутствие в этом факторе литераторов: они также созидатели, но созидатели менталитета (духовности) нового человека («новый» в СССР — это «советский» человек; «новый» в посткоммунистической России — это «новый русский»). Писатели и поэты всегда посвящают свой талант или, по крайней мере, способствуют формированию личности какой-то новой, только им ведомой, формации (причем, даже если они творят в жанре юмора и сатиры): в России XX века — это: или твердая, нерушимая, бескомпромиссная личность коммунистическо-евангелического «завтра», или мятежная, «беспочвенная», растерянная личность демократическо-нигилистического «сегодня».

Третий фактор — менее остальных информативен (1 % всей исходной информации) — объединяет *большевиков* и *коммунистов*. Что может объединять первых со вторыми? Если не предпринимательство (коммунисты-эпигоны стояли у источников *краха* промышленности и экономики России, структуры и объекты которых с неимоверными жертвами были созданы большевиками-основателями) и не созидание нового человека (коммунисты не очень-то преуспели в формировании советского менталитета российского гражданина, так как постперестроечный россиянин довольно быстро стал восстанавливать дореволюционную духовность), то только *идеология* — менторски-зашоренная устремленность в мифическое «светлое» будущее всего человечества. Здесь, кстати, лежит ответ на вопрос о «странной» быстроте восстановления частнособственнического менталитета нынешнего россиянина. На самом деле *идеология* большевизма-коммунизма есть *вера*, психологическая природа которой

По ту сторону Слова

ничем не отличается от *религиозной* (для России — православной) веры. А *вера* в Бога несовместима с коммунистическим «раем», где всякая собственность становится общественным достоянием, то есть принадлежит «всем и никому». Следовательно, сохранив психологические предпосылки *веры*, большевики и коммунисты психологически похоронили себя, так как в действительности *духовность* русского осталась прежней, а вождельный отказ от «всем и никому» лишь ускорил процесс восстановления дореволюционного менталитета.

О чем же говорят результаты исследования?¹⁴³

Во-первых, необходимо констатировать факт, что большевики-основатели (истинные соратники и ортодоксальные последователи Ленина) явно *превосходят* все другие исследованные здесь субкультурные страты по *психологическому* имиджу общественного лидера (о чем говорят весомые нагрузки, присутствующие во всех трех составляющих обнаруженного факторного пространства). Это означает, что «ленинцы» не только имели фанатичную поддержку масс (лидеры), не только были действительными создателями¹⁴⁴, но и были мастеровитыми идеологами. Правда, это их поприще, как обнаружено, было не до конца продумано.

Во-вторых, хотя коммунисты-эпигоны должны быть отнесены к когорте лидеров, но это лидерство опиралось только на *идеологию* (причем, не ими самими «сработанную»), несовершенство которой они не углядели. В итоге оказалось, что «ура-патриотизм» коммунистов держится на словах, лозунгах, призывах, или по-ленински — «на фразе». И становится понятным, почему занавес сцены, где разыгрывалось социалистическо-коммунистическое действо, не удержат М.С. Горбачев.

В-третьих, подтверждается обыденное мнение (и тем самым демонстрируется надежность метода) о том, что сегодняшние предприниматели — лидеры *созидания*, но... идеологически они не отягощены. Новизна же и необычность статуса нового российского бизнесмена состоит в том, что этот тип гражданина России оказывается психологически тесно связанным с большевиками-основателями и литераторами. Первое обещает внедрение (с характерной для «нового русского» железной хваткой) в политическую сферу общественного

¹⁴³ Но напомним и подчеркнем, что результаты исследования необходимо рассматривать во времени активной и продуктивной деятельности представителей обсуждаемой субкультуры и положительной оценки этой деятельности со стороны большей части остального населения страны.

¹⁴⁴ Что и как они «созидали» — вопрос не психологии.

бытия России, то есть прямое и конструктивное участие в формировании *политической* идеологии. Второе обещает продуктивное внедрение в *нравственную* политику российского государства. Учитывая то и другое, следует сделать вывод: Россия быстро станет цивилизованной.

В-четвертых, вполне очевидно обнаружено, что литераторы, как и предприниматели. — лидеры *созидания*. При этом, хотя продукт их труда неосязаем, «инженеры человеческих душ» гораздо более «созидательны», чем идеологи-коммунисты.

Наконец, в-пятых, казалось бы, весьма неожиданный, но весьма любопытный результат показали демократы: они присутствуют только в общей массе пассионариев; то есть, бесспорно, они что-то делают и, наверное, полезное для общества, но природу этого «чего-то», к сожалению, обнаружить не удалось. Поэтому демократы психологически *тождественны* артистам, чья общественная *безликость*, правда, вполне объяснима¹⁴⁵: артисты, прежде всего, — стимуляторы эмоционального тонуса, «повелители» настроения. Артисты по сути своей профессиональной деятельности пребывают в... прошлом, так как игра во что-то или в кого-то уже обуславливает знание того, что «было» и кто «был» (даже если это новый миф). И тогда приходится сделать вывод о том, что демократы *пока* (с надеждой, что это временно) только «играют» и в идеологию, и в созидание, а в действительности психологически не готовы ни к тому, ни к другому. Оказывается, что нынешние демократы во всей своей совокупности — лишь отдельный голос в «хоре» всех пассионариев России.

Изложенное выше — *общий* взгляд на структуру пассионариности России. Но задача психолога может быть и более конкретной. Один из таких конкретных результатов приведен на рис. 9.

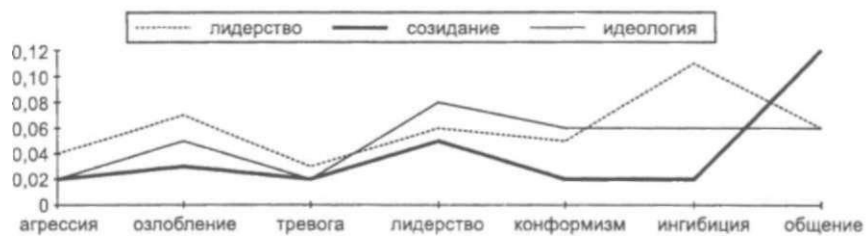

Рис. 9

¹⁴⁵ И здесь нет противоречия: общественная *значимость* не равноценна общественному *признанию*. Вспомним, какими российскими министрами были русские артисты (Губенко, Ю. Соломин).

По ту сторону Слова

Вначале — комментарий к приведенным графикам.

Как говорилось выше, пассионарные страты сравнивались по числу всех возможных психологических характеристик (10 наименований). Но понятно, что отдельные характеристики могут быть «упакованы» в более крупные объединения — так называемые кластеры (пачки). Одна из таких возможных «упаковок» и иллюстрируется графиками: все обнаруженные психологические характеристики объединяются в соответствии с *содержательной* близостью. Например, к черте «тревога» могут быть отнесены такие первичные характеристики, как *мнительность, подозрительность, суетливость, озлобленность, опасения, страх, меланхолия*. Тогда становится возможным разместить графически на двух осях (ось объединенных характеристик и ось значений выраженности) информацию и о *структуре* российской пассионарности, представленной в табл. 8, и собственно *психологическую* информацию о пассионариях России.

Почему именно эти кластеры? В настоящей работе пассионарии — общественные лидеры (хотя в принципе пассионарием может быть и «незаметная» личность). Лидер обладает как социально-положительными, так и социально-отрицательными качествами. Здесь первые три кластера — относительно негативные черты, последние три — относительно позитивные черты личности. Кластер «лидер» несет как те, так и другие признаки, являясь точкой перехода на континууме социально значимых характеристик пассионария. Подчеркнем, что сгруппированные кластеры не отражают палитру психологического типа личности российского пассионария, а лишь показывают выраженность некоторых черт в заданном, интересующем нас направлении.

Первое впечатление от графиков подтверждает факт консолидации российских пассионариев, о котором говорилось выше: явно прослеживается общая динамика выраженности психологических характеристик. И все же здесь достаточно четко просматривается ряд существенных моментов.

Во-первых, составляющие *лидерства*¹⁴⁶ и *идеологии* более близки между собой, чем каждая из них в сравнении с составляющей *созидание*. Отсюда бесспорно следует, что значительная часть российских пассионариев *не освободилась* от идеологического прессинга советского периода. Любопытно и то, что идеология, персонифицированная в лидерах, в российском обществе связана с *агрессивностью* и *озлобленностью*.

¹⁴⁶ Лидерство как фактор (ось пространства) и лидерство как психологическая характеристика — близки по значению, но различны по структуре.

Таблица 8

Большевики	Коммунисты	Демократы	Бизнесмены	Литераторы	Артисты	
Бухарин	Алиев	Беляев	Абрамович	Бродский	Басиладвили	Ульянов
Ворошилов	Андропов	Бурбулис	Айзеншпис	Булгаков	Бондарчук С.	Утесов
Дзержинский	Берия	Гайдар	Алибасов	Васильев	Быков Р.	Черкасов
Жданов	Брежнев	Гончар	Березовский	Вознесенский	Высоцкий	Шукшин
Зиновьев	Горбачев	Жириновский	Боровой	Гроссман	Гарин	Этуш
Калинин	Громыко	Козырев	Бородин	Домбровский	Гафт	Яковлев Ю.
Каменев	Ельцин	Лебедь	Брыңцалов	Евтушенко	Глузский	Янковский О.
Киров	Косыгин	Лукин	Быков А.	Есенин	Грибов	
Куйбышев	Крючков	Попов Г.	Вяхирев	Зощенко	Даль	
Ленин	Лигачев	Примаков	Гусинский	Искандер	Ефремов О.	
Микоян	Лукьянов	Руцкой	Лисовский	Маяковский	Ильинский	
Молотов	Маленков	Сахаров	Мавроди	Михалков С.	Казаков М.	
Орджоникидзе	Павлов	Собчак	Потанин	Окуджава	Кайдановский	
Радек	Рыжков Н.	Станкевич	Смоленский	Пастернак	Кузнецов А.	
Свердлов	Сулов	Степашин	Стерлигов	Пильняк	Лановой	
Сталин	Устинов	Федоров Б.	Тарасов А.	Солженицын	Лебедев	
Троцкий	Хрущев	Хасбулатов	Федоров С.	Твардовский	Леонов Е.	
Фрунзе	Черненко	Чубайс	Ходорковский	Трифонов	Марцевич	
Чичерин	Шеварнадзе	Шахрай		Фадеев	Мионов А.	
	Яковлев А.	Шумейко		Чаковский	Никулин Ю.	
	Янаев	Явлинский		Шолохов	Плят	
		Яковлев В.			Ромашин	
					Смоктуновский	
					Соломин В.	
					Соломин Ю.	
					Солоницын	
					Табаков О.	
					Тихонов В.	

По ту сторону Слова

Во-вторых, примечательно, что *лидерство* как психологическая черта в наибольшей степени выражена в составляющей *идеологии*, носители которой — большевики и коммунисты. Возможно, это след их семидесятилетнего правления, сформировавшего определенный, устойчивый и... пока единственный психологический тип лидера в российском обществе.

В-третьих, обращает на себя внимание большой разброс значений *ингибиции*.¹⁴⁷ Это говорит о том, что пассионарии России *в целом* весьма сдержанны. Ответ на вопрос, в отношении к чему проявляется столь явная сдержанность, — требует специального исследования. И все же обнаруженный факт в контексте настоящей работы позволяет сделать вполне допустимое предположение: истоки сдержанности российских пассионариев лежат в склонности к рефлексии, самокопанию, поиску глобальных средств совершенствования себя и общества и, следовательно, в «беззубости» реальной деятельности. Косвенно об этом свидетельствуют гораздо *меньшие* значения сдержанности в отдельных составляющих пассионарности: идеологии и созидании. «Вычитая» носителей двух последних пластов пассионарности, приходится сделать вывод о том, что высокая сдержанность всех лидеров обеспечивается демократами и артистами.

В-четвертых, наиболее колоритный психологический облик обнаруживают представители «созидательной» составляющей пассионарности России: большевики, предприниматели и литераторы. Здесь явно прослеживается *снижение уровня* конформизма и ингибиции, что означает только одно: представители этих субкультур «несут» дисидентские наклонности, склонность к критике, при активном поиске самовыражения. В то же время, пассионарии этих страт наименее озлоблены и наиболее общительны. У предпринимателей и литераторов это объяснимо — они *должны* быть общительны, что исключает озлобление, переживаемое, как правило, на фоне состояний мрачной подавленности и эгоцентризма. Но для большевиков это наблюдение уже требует рационального объяснения, так как противоречит обыденному представлению о них, сложившемуся в постперестроечное время. Объяснение может быть следующим: большевистский «беспредел» проистекает не из человеческой злобы, вообще не из психологических качеств лидеров этой страты, а опирается на непоколебимую *веру* в задуманное, маниакальную устремленность к поставленной цели, что, естественно, порождает идеологию этого созидания. А идеология созидания *требует* общения.

¹⁴⁷ Ингибиция — сдержанность, блокировка импульсивности, контроль негативного отношения.

Пассионарии

Итак, каков же он — пассионарий России XX века?

Он психологически «монолитен»,¹⁴⁸ то есть независимо от сферы деятельности обнаруживает *единый* психологический тип лидера. Это не очень укладывается в рамки традиционного психологического взгляда на соотношение внутренней и внешней деятельности. Но примеры подобной «невозможности» нетрудно найти в общественной жизни России: военные и артисты идут в политику, а политики ... летают к космос.

Не повторяя уже сделанных выше заключений, обратим внимание на часто проявляющийся феномен близости страты *лидерства*, объединяющей всех пассионариев, со стратой *идеологии* (что особенно четко видно на графиках). Идеология, точнее, *вера* служит стержнем, пронизывающим менталитет российского пассионария. Вера и терпимость (здесь — ингибция), как показало исследование, — главные составляющие личности пассионария России XX века. Стремление к продуктивно-предметной деятельности, хотя и имеет место, но пока пребывает в зачаточном состоянии и благодаря, в основном, «новому русскому» предпринимателю.

Пожалуй, никто лучше Федора Тютчева не смог бы подвести немногословный итог всему изложенному:

«В Россию можно только верить».

¹⁴⁸ Вскрытие этого психологического «монолита», то есть выявление действительного психологического типа российского пассионария — дело не одного исследования и не одного дня.

По ту сторону Слова

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИКА XX ВЕКА

*Политика — такое же ремесло,
как и всякое другое.*

К. Тухольский

Еще сравнительно недавно проблема, вынесенная в заголовок, просто не могла возникнуть. Любые другие аспекты проблемы политической культуры России — исторические, экономические, правовые, социологические, биографические и пр. — давно, интенсивно и успешно освещаются. Но традиционное психологическое исследование требует прежде всего (или по крайней мере), во-первых, фактического существования политического лидера и, во-вторых, чтобы исследуемое лицо согласилось бы на проведение, бесспорно, всеми маложелаемого исследования. Так как же быть с «почившими в бозе» или теми, кто в силу элитарности и, следовательно, замкнутости для непосвященных просто недоступен для психологического исследования?¹⁴⁹ К счастью (вероятно, только для науки) уже сегодня проведение психологического исследования и в таких условиях становится возможным. Речь идет о все более совершенствующихся методах анализа речевой информации — многих разновидностях контент-анализа.

Человек живет и творит в предметной среде, обогащая ее и продуктом своей речевой деятельности. А так как это «свой» предмет, то становится ясным, что аутентичный текст (в данном случае — это текст, бесспорно принадлежащий данному автору) отражает и психологические особенности самого автора. Кстати, это подметил еще Аристотель, заявив, что в политическом выступлении не столько важно *что* говорится, сколько *кем* говорится.

Многочисленные модификации контент-анализа освещают различные стороны речевого продукта — текста. В настоящем исследовании была использована компьютерная версия метода психолингвистического анализа текстов ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС.

Предметом анализа служили тексты, бесспорными авторами которых были политические лидеры России XX века (список приведен ниже, в табл. 9). Временной диапазон текстов: 1916—1996 гг.

¹⁴⁹ Первый опыт психологического изучения VIP-политиков см. в: Батов В. Большевики и коммунисты: черты психологической несовместимости. // «Альтер-Эго», 1994, № 1.

Пассионарии

Учитывая этот фактор, а также политический статус авторов, вполне корректно говорить о репрезентативности выборки для решения той проблемы, которая вынесена в заголовок, но с одним уточнением: исследуются политические лидеры постмонархической России.

В целом массив текстов отразил палитру в несколько десятков психологических характеристик, в различной степени присущих тому или иному автору. Обычно в психологических исследованиях больших массивов информации используют методы многомерного анализа, для того чтобы, во-первых, сократить размер исходного «непрочитаемого» массива и, во-вторых, выделить латентные (скрытые) связи, организующие эту хаотичную мозаику, без значительной потери исходной информации.

В обсуждаемой работе был использован факторный анализ (метод главных компонент). Результатом факторного анализа являются проекции выделенных психологических характеристик-векторов (именуемых «весом», или «нагрузкой») на оси многомерного пространства (именуемые «факторами»). Интерпретация отдельного фактора (то есть его психологическое содержание и, следовательно, его наименование) опирается на качественный анализ составляющих этот фактор характеристик. Но часто первичная факторная структура еще не позволяет вразумительно описать факторы. И тогда выполняют ротацию (вращение) факторов, используя какие-то «зацепки» (например, проверяются какие-то гипотезы исследования).

В данном случае ротация выполнялась исходя из следующих соображений: если предметом исследования является психологический имидж российского политика в XX веке, то естественным было бы рассматривать возникновение, развитие и динамику психических проявлений во времени, то есть совместить одну из осей пространства со «стрелой времени». Возможность для этого есть: анализируемые тексты были созданы в строго ограниченные отрезки времени. Тогда те психологические характеристики, которые *совпадают* по направлению со «стрелой времени», укажут и направление, в котором формировался психологический имидж политического лидера постмонархической России XX века. Те же характеристики-векторы, которые направлены в *противоположном* «стреле времени» направлении, укажут на «несвоевременность» появления политиков с подобными чертами личности.

Результат факторного анализа в графической форме (и после композиционной сортировки) представлен на рис. 10, из которого отчетливо видно, что характеристики образуют довольно противоречивый облик российского политика.

По ту сторону Слова

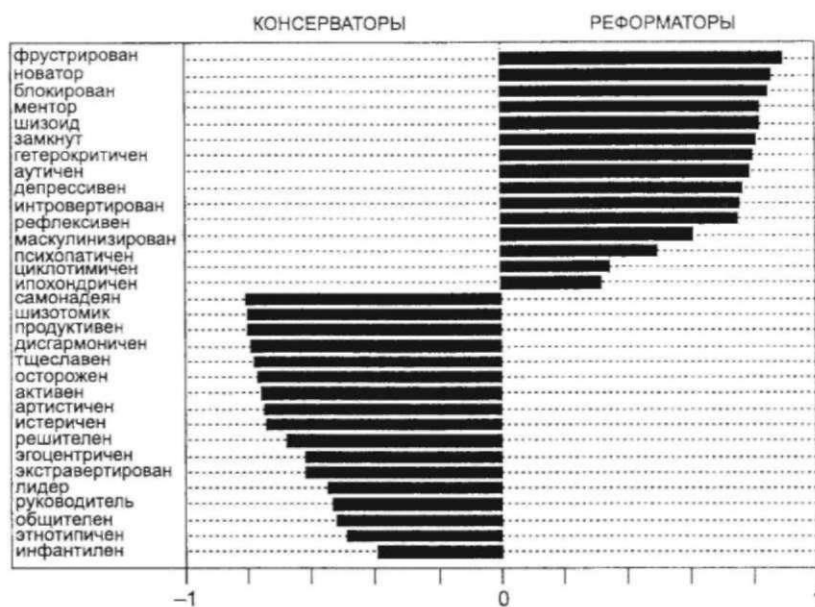

Рис. 10

*Политические деятели не руководствуются любовью или ненавистью, их направляют интересы, а не чувства,
Ф. Честерфилд*

Психологическое содержание характеристик *первой* группы (со знаком +), отражающее, как отмечено выше, психологический имидж политического лидера, адекватного «стреле времени», представляет собой следующее.

Заметно обнаруживает себя скрытность, склонность жить внутренним миром, когда внешний мир кажется враждебным и/или неинтересным. В продолжение этой черты, маскируется асоциальность, которую здесь (и это необходимо подчеркнуть) следует понимать как *некриминальный* протест против существующих норм и правил. Антиобщественная направленность деятельности скрывается под флером законопослушности. При этом — твердое и последовательное движение к цели. Ограничивается круг общения. Проигрываются собственные сценарии текущих событий.

Прослеживается озабоченность чем-либо, что, в свою очередь, определяет разнохарактерность (часто — полярность) поступков в силу трудности предвосхищения их результатов («хотелось как луч-

ше, а получилось как всегда»). Сверхактивность деятельности нередко порождает безответственность в отношениях с дальним окружением. И в то же время заметно желание заслужить положительную оценку со стороны ближайшего и/или нужного окружения. Асоциальное поведение протекает на фоне устойчивой собственной оценки социальных, правовых и нравственных норм.

С психопатическим развитием состояния не исключена возможность суицида. Импульсивность в «безвыходных» ситуациях, редко — раскаяние о содеянном. Неустойчивая приспособляемость к обыденной, наличной среде обитания. Интерес к взаимоотношениям с асоциальными (в приведенном выше значении) лицами. Недоверие, мнительность, подозрительность.

В то же время проявляется высокий творческий потенциал. Продуцируются оригинальные идеи, содержание которых, однако, эгоцентрично, то есть эти идеи «авторитарны» и в центре их сам автор. Кажущаяся извне непредсказуемость и непонятность поступков в действительности опирается на предшествующий тщательный анализ возникшей ситуации (о качестве этого анализа здесь речь не идет). Кроме того, очевидна способность к рефлексии, то есть более или менее успешному анализу собственных состояний, а также прогнозированию результатов своих и чужих действий. Предпринимаются шаги к планированию ситуаций и своих поступков. Но, и это следует подчеркнуть, последние две характеристики деятельности — планирование действий и прогнозирование их последствий — зачастую оказываются малоэффективны в силу деструктивного, «разрушающего» воздействия эгоцентризма, маскируемого «консенсусом» желаемых мнений.

Бескомпромиссно стремление к доминированию с опорой на признанные черты характера своего пола (в данном случае — мужского). И эта склонность к соперничеству часто реализуется на фоне афиширования таких черт «мужественности», как грубость, диктат, прессинг, угроза и пр. Склонность к соперничеству и доминированию находит свое воплощение в общественной деятельности, требующей значительной аудитории и положительного подкрепления в форме одобрения и поддержки со стороны окружающих.

Нередки жалобы на состояние здоровья, как бы «беспричинное» беспокойство, тревожность. Как правило — трудности в супружестве. Стремление к повторным терапевтическим обследованиям отражает повышенную заботу о своем здоровье. В психическом состоянии преобладают напряженность, нервозность, повышенная утомляемость, навязчивые страхи и бессонница. Неуверенность в себе порождает конфликтность с близкими (родными и друзьями).

По ту сторону Слова

В динамике психических процессов характерна резкая смена уровня активности, что, в частности, отражается на настроении: от эйфории, благодушия, жизнелюбия до подавленности, мрачности, угрюмости. Стимулятором поведения нередко служит внешнее возбуждающее (или подавляющее) активное средство (алкоголь, наркотики). Само поведение часто отражает ситуацию угрозы (здоровью или социальному статусу) или неблагополучия (бытового или социального). Самооценка часто противоречит оценке окружающих.

Обычно связанный комплекс характеристик получает лаконичное наименование. Нетрудно согласиться, что все сказанное выше может быть определено (применительно к теме исследования) одним понятием — РЕФОРМАТОР, где отражены черты несогласительства и бунтарства. И те политические лидеры, в психологическом статусе которых преобладают эти характеристики, соответственно будут называться реформаторами.

Психологический облик политического лидера, наделенного характеристиками, составившими вторую группу (со знаком —), представляет собой следующее.

Консерватор — это человек, обладающий парой совершенно здоровых ног, но так и не научившийся ходить.

Ф. Рузвельт.

Обнаруживается ориентация на объективную данность, на требования «места» и «времени», то есть поведение регулируется внешними воздействиями и оценками окружения. Подобная ориентация часто проистекает из чувства, то есть внутреннего ощущения необходимости в поддержке со стороны окружения. Более того, для таких людей нередки даже истероидные формы требования соучастия во всей жизни со стороны окружающих. Но при этом явно присутствуют способности к обучению и освоению не конкретно и с высоким эмоциональным фоном. Имеются стремление и способности к руководству, чаще в общественной сфере. Активность в общении, поиск новых контактов, непринужденность в поведении. Правда, повышенная коммуникабельность сопровождается некоторой поверхностностью контактов: множество связей не переходит в их прочность. Характерны словоохотливость, которая окрашивается в эмоциональные тона, и жизнелюбие. Стремление к «комфортным» переменам (типа туристических путешествий) при реалистическом отношении к окружающим людям и ситуации. Уверенность в себе, раскрепощенность, хорошая адаптация к среде. При

успешной деятельности может стать действительным лидером, о чем свидетельствуют решительность действий, независимость суждений, настойчивость в достижении цели.

Заметна гибкость поведения при низком уровне тревожности. Но эта гибкость мышления и быстрая смена установок извне нередко выглядит как беспринципность. И все же это не снижает уверенности и ответственности при необходимости решения сложных задач, хотя приоритет отдается внешним оценкам. Богатое воображение, живость, нетерпеливость. Поиски спокойствия, ориентация в основном на положительные стимулы, примат положительных эмоций. Опора на позитивно оцениваемые факторы. Блокирование или игнорирование негативных факторов. Заметно присутствуют и такие черты, как артистичность, игривость и капризность.

Однако присутствуют и недоверчивость, и осторожность, возможно, из опасения того, что откровенность может иметь неприятные последствия. При явном неуспехе предпринятого дела как результат нередко возникает меланхолия, уныние, переходящее в непродолжительную и неглубокую депрессию.

Просматриваются черты пуританства: тенденция к строгому соблюдению социальных и нравственных уложений и норм, нетерпимость к их нарушению. Высокая, но, как правило, неадекватная самооценка. Изредка возможен цинизм, критика окружения, подозрительность. Но это прорастает из эгоистической властности и не преодоленного *инфантилизма*.

В жизнедеятельности — оптимизм, гедонизм, разнообразие интересов, но... переоценка своих возможностей. Эмоциональная незрелость и импульсивность. Обычны проявления ревности и агрессивные вспышки. Однако это сглаживается или блокируется благодаря «размытости» некоторых черт, присущих своему полу. А так как здесь все политики — мужчины, то приходится сделать вывод, что наблюдаемое является как бы смягчением «одиозных» черт мужского характера.

Этот комплекс характеристик целесообразно назвать КОНСЕРВАТОР потому, что уж слишком отчетливо просматриваются «обломовские» черты характера. Соответственно так будут именоваться и политические лидеры, в личности которых преобладают эти черты.

Итак, исследование показало, что «психологическими» носителями российской политической культуры являются два типа личности, условно названные (чтобы вписать эти названия в контекст темы исследования) РЕФОРМАТОР и КОНСЕРВАТОР. Разумеется, как и любые другие психологические типы (например, описан-

По ту сторону Слова

ные И.П. Павловым, К. Юнгом), выделенные гипотетические категории не исчерпывают всю глубину уклада человеческой психики, отражая только наблюдаемое «здесь и сейчас». Но учитывая, что приведенные данные можно рассматривать как результаты *столетнего* психологического мониторинга, вполне допустима уже уверенность в констатации факта парадоксальности психологического облика российского политика XX века, где сочетаются реформаторские и консервативные черты. Иными словами, среди политических лидеров России XX века — авторов исследованных текстов — были как склонные к реформаторству, так и к консерватизму; а точнее: психологический уклад видных российских политических деятелей представляет собой конгломерат черт *бунтарства* и *гедонизма*. Но этот «замес» столь непохожих качеств все же, безусловно, выразался в каком-то явном, узнаваемом направлении. Что же это за направление? Совпадает ли оно с обнаруженными «чистыми» типами психологической активности политиков?

Непрямой ответ следует уже из факторной структуры: оказалось, что психологический имидж российского политика XX века *в основном* совпадает с психологическим укладом «реформатора». Но этот вывод на основе «косвенных доказательств» требует проверки, что и было сделано во второй части исследования.¹⁵⁰

Эти данные (упорядоченные по «стреле времени» — году создания текста), где указаны фамилия политика, год создания текста, его имидж (ИР — реформатора, ИК — консерватора) и «вес» этого имиджа (в относительной шкале), приведены в табл. 9.

Результат, как представляется, отнюдь не требует комментария: практически все российские политики постмонархической России являлись, являются или обещают быть «реформаторами» (или приближаются к ним) в том контексте, который приведен выше. Поразительно, что ни в одном исследованном отрезке времени в XX веке КОНСЕРВАТОР не сменил РЕФОРМАТОРА (не считая весьма слабую попытку Суслова в 1959 году, но что это было — ответ за историками).¹⁵¹ Иными словами, в течение почти ста последних лет Россией управляли политики, кредо которых — перманентная *перестройка*.

¹⁵⁰ Такая проверка осуществляется следующим образом: на основе факторной структуры определяется регрессионное уравнение, связывающее гипотетическое (вычисляемое) значение фактора со значениями составляющих его психологических характеристик, определяемых эмпирически. Затем вычисляются значения фактора для всех исследованных текстов, или иначе — определяется «имидж» и «вес» соответствующего политика по данному фактору (реформатор или консерватор).

¹⁵¹ Немногочисленные, по замеченные «аномалии» выделены жирным шрифтом.

Пассионарии

Таблица 9

Политик	Год	Имидж	Вес
Свердлов	1916	ИР	0,06
Зиновьев	1919	ИР	0,16
Ленин	1919	ИР	0,11
Чичерин	1920	ИР	0,02
Дзержинский	1926	ИР	0,07
Куйбышев	1928	ИР	0,12
Троцкий	1928	ИР	0,01
Орджоникидзе	1928	ИР	0,02
Каменев	1928	ИР	0,07
Ворошилов	1928	ИР	0,07
Киров	1928	ИР	0,46
Калинин	1928	ИР	0,27
Микоян	1935	ИР	0,47
Бухарин	1937	ИР	0,47
Сталин	1939	ИР	0,39
Молотов	1939	ИР	0,05
Жданов	1947	ИР	0,47
Каганович	1953	ИР	0,30
Хрущев	1953	ИР	0,01
Суслов	1959	ИК	0,02
Косыгин	1959	ИР	0,04
Брежнев	1968	ИР	0,19
Андропов	1970	ИР	0,12
Гришин	1978	ИР	0,02
Громыко	1985	ИР	0,22
Ельцин	1991	ИР	0,37
Попов Г.	1991	ИР	0,10
Горбачев	1992	ИР / ИК	0,00
Дудаев	1992	ИР	0,12
Шумейко	1992	ИР	0,22
Алиев	1992	ИР	0,08
Хасбулатов	1992	ИР	0,01
Гайдар	1992	ИР	0,17
Яковлев А.	1994	ИР	0,17
Жириновский	1994	ИР	0,47
Руцкой	1995	ИР	0,22
Илюмжинов	1995	ИР	0,02

Политик	Год	Имидж	Вес
Зюганов	1995	ИР/ИК	0,00
Явлинский	1996	ИР/ИК	0,00
Федоров С.	1996	ИР/ИК	0,00

Полученный материал позволяет взглянуть также и на некоторые события российской истории XX века сквозь призму психологического имиджа российского политика.

С этой целью — в третьей части исследования — все проанализированные тексты группируются в 20 временных отрезков. И в каждом временном интервале значения психологических характеристик образа РЕФОРМАТОР усредняются для тех текстов, которые были созданы именно в этот период времени. Результат приведен на рис. 11.

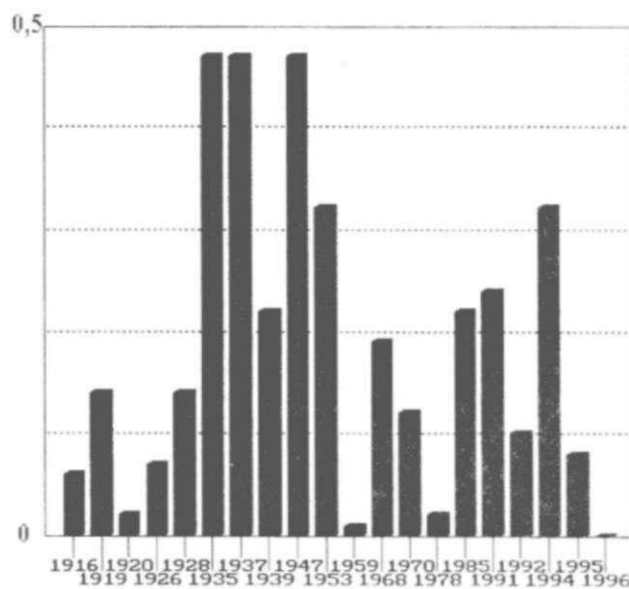

Рис. 11

Первый заметный всплеск реформаторства приходится на 1919 год, что совпадает с пиком гражданской войны (1918—1920). Следу-

ющий значительный подъем реформаторской активности — 1935 и 1937 гг. — совпадает с эпохальными для СССР событиями: окончательная остановка ленинской «новой экономической политики» (1936), принятие новой («сталинской», хотя написана Н.И. Бухариным) Конституции СССР (1936), «апогей» первых открытых процессов над «врагами народа».

Столь же выразительна реформаторская деятельность и в 1947 году, что связано с восстановлением народного хозяйства после окончания Великой Отечественной войны.

Понятна активность «реформаторов» в 1953 году: год смерти Сталина завершил почти полустолетний период «коммунистического эксперимента», заставив «новых реформаторов» (во главе с Н.С. Хрущевым) поубавить пыл строителей «светлого будущего» и несколько изменить политический курс страны (в частности, осудив «культ личности» Сталина).

Менее заметен «пик реформаторства» 1968 года, однако этот год стал годом похорон «пражской весны» уже после «хрущевской оттепели».

Не слишком ярко, но тем не менее вполне заметна активность «реформаторов» в 1985 году: приход М.С. Горбачева и начало «перестройки» — «начало конца» эпохальному созиданию большевиков в России.

Печально известный 1991 год также возмутил спокойствие «реформаторов»: август этого года отмечен гражданским неповиновением народа России самозванному правительству — ГКЧП.

Наконец, последний обнаруженный (но последний ли в истории России?) подъем реформаторства приходится на 1994 год, и не случайно: октябрь 1993 г. — разгром российского парламента, декабрь 1994 г. — начало войны в Чечне.

Нетрудно видеть, что пики реформаторства (в психологическом аспекте) хорошо совпадают с переломными периодами истории постмонархической России, что, думается, убедительно доказывает достоверность результатов исследования. Разумеется, было бы интересным проанализировать не только пики, но и спады реформаторства, что, однако, требует участия историка, сопрягающего свои научные интересы с психологией личности. Однако, к сожалению, исторической психологии пока не существует.

Сразу после знакомства с приведенным материалом возникает «метафизический» вопрос: время определяет (выбирает, порождает) стиль политического поведения, или стиль политического поведения лидеров заставляет нас «синхронизировать» их деятельность со

По ту сторону Слова

«стрелой времени»? Ответ пока отсутствует, но факт одновременно-го пребывания человека и в физическом, и в историко-психологическом времени заставляет внимательнее отнестись ко второй половине вопроса. Действительно, какое бы ни было (ложное, искаженное, неполное) представление о сути реального времени — это наше представление (то есть субъективное), человеческое, а значит вневременное. Следующее наблюдение касается также теоретического вопроса: если «реформатор» ассоциируется с «разрушителем», а менталитет русских толкает их к локальным сообществам, как считают историки¹⁵², то случайно ли, что XX век стал для Российской империи (как монархической, так и советской) периодом развала, раздробления? Ответ требует осторожности и чрезвычайно взвешенного подхода.

Далее хотелось бы отметить два момента. Во-первых, если перестройка российского уклада жизни необходима и дана «свыше», то понятен призыв Истории сплотить под своими знаменами политиков-реформаторов. Но тогда, во-вторых, с грустью приходится констатировать, что России не очень повезло в этом: столетняя перестройка (неужели сбылась мечта Л. Троцкого о перманентной революции?) — слишком круто даже по меркам евразийства. И одной из бесспорных причин этого является «качество» российских политиков-реформаторов, которое, судя по результатам исследования, оставляет желать лучшего. Повторим, что последнее утверждение касается «усредненного» политического лидера, и ни в коем случае не распространяется даже на всех тех политиков, которые «участвовали» в исследовании.

Но непреложным остается факт: «репрезентативный» российский политик все постмонархическое время что-то и как-то реформировал. Причем эти начинания рождались не под влиянием «места» и «времени», не под влиянием реальности бытия, а исходили из планов и сценариев самих политиков (продиктованы самобытным менталитетом? верой в свою идеологию?), влияние внешних факторов на которые, как показало исследование, весьма ограничено. Правда, в самый последний период наметился явный сдвиг в сторону консерватизма, стабилизации: в 1996 году политики вплотную подошли к границе «консерваторов», в частности, благодаря таким лидерам, как Горбачев, Зюганов, Явлинский и С. Федоров.

¹⁵² В частности, см.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Сочинения. Т. 1. М., 1991.

Сохранится ли эта тенденция? Не слишком оптимистический взгляд на ближайшее будущее следует из настоящего исследования: сближения позиций консерваторов и реформаторов в прошлом (1920, 1959, 1978), вскоре... «благополучно» возвращались на исходные рубежи. Но если говорить о более отдаленной перспективе, то уместно дать слово Ф. Ницше:

«Кто окажется самым сильным? Самые умеренные, те, кто не нуждается в крайностях догматической веры».¹⁵³

Источники

1. Ленин В. Соч. 4-е изд. (за 1910 г.), т. 16, с. 127—128.
2. Там же (за 1913 г.), т. 19, с. 228-229.
3. Также (за 1916 г.), т. 23, с. 151-152.
4. Там же (за 1919 г.), т. 29, с. 224-225.
5. Там же (за 1923 г.), т. 33, с. 422—23.
6. Троцкий Л.—«Знамя», 1990, № 7, с. 180-182.
7. Дзержинский Ф. Три последние речи. М.—Л., 1926 (вторая и третья речь).
8. Свердлов Я. Из письма к М.С. Ольминскому. 12 декабря 1916 г., Монастырское./ Избранные произведения. Статьи, речи, письма. М., 1976, с. 97-98.
9. Сталин И. (за 1913 г.) Марксизм и национальный вопрос/ Соч., т. 2, М., 1946, с. 290-292.
10. Бухарин Н. Прости меня, Коба. Неизвестное письмо Н. Бухарина./ «Источник», 1993/0, с. 23.
11. Шеварднадзе Э. «Советская Россия», 21 декабря 1990 г. (интервью).
12. Павлов В. «Советская Россия», 23 февраля 1991 г. (интервью).
13. Ельцин Б. «Комсомольская правда», 14 марта 1991 г. (интервью).
14. Крючков В. «Известия», 14 декабря 1990 г. (интервью).
15. Орджоникидзе С. Заявление т. Орджоникидзе./ XV Съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Второе издание. Стенографический отчет. М.-Л., 1928, с. 67.
16. Зиновьев Г. Заключительное слово тов. Зиновьева./ 8-ой Всероссийский съезд коммунистической партии. Самара. 1919, с. 177—178.
17. Каменев Л. Речь т. Каменева. /XV Съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Второе издание. Стенографический отчет. М.—Л., 1928, с. 251-252.
18. Рыжков Н. «Литературная газета», 1991 г., № 20 (интервью).
19. Зюганов Г. «Советская Россия», 18 апреля 1995 г. (интервью).
20. Горбачев М. «Комсомольская правда», 1 мая 1992 г. (интервью).

¹⁵³ Цит. по указ. соч. К. Ясперса, с. 81.

По ту сторону Слова

21. Дудаев Д. «Аргументы и факты», 1992 г., № 40 (интервью).
22. Шумейко В. «Российская газета», 1 мая 1992 г. (интервью).
23. Руцкой А. «Правда», 4 февраля 1995 г. (диалог А. Руцкого с американским публицистом М. Давидоу).
24. Громько А. Заседание Политбюро ЦК КПСС 11 марта 1985 года./ «Источник», 1993/0, с. 69.
25. Киров В. Речь т. Кирова./ XV Съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Второе издание. Стенографический отчет. М.—Л., 1928, с. 235.
26. Жириновский В. «Новый взгляд», № 15, 1994 г. (интервью).
27. Хазбулатов Р. «Красная Звезда», 19 мая 1992 г. (интервью).
28. Ворошилов К. Речь т. Ворошилова./ XV Съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Второе издание. Стенографический отчет. М.—Л., 1928, с. 867-868.
29. Алиев Г. «Российская газета», 1 мая 1992 г. (интервью).
30. Гайдар Е. «Megapolis EXPRESS», 6 мая 1992 г. (интервью).
31. Попов Г. «Вечерняя Москва», 20 декабря 1991 г. (Обращение к москвичам).
32. Каганович Л. «Известия», 4 января 1991 г. (Стенограмма Пленума 1953 г.).
33. Хрущев Н. «Известия», 4 января 1991 г. (Стенограмма Пленума 1953 г.).
34. Калинин М. Речь т. Калинина./ XV Съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Второе издание. Стенографический отчет. М.—Л., 1928, с. 1097-1098.
35. Куйбышев В. Речь т. Куйбышева./ XV Съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Второе издание. Стенографический отчет. М.—Л., 1928, с. 838-839.
36. Суслов М. Речь тов. Суслова М. А./ Внеочередной XXI Съезд коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 г. Стенографический отчет. М., 1959, т. 1, с. 355—356.
37. Косыгин А. Речь тов. Косыгина А.Н./ Внеочередной XXI Съезд коммунистической партии Советского Союза. 27 января — 5 февраля 1959 г. Стенографический отчет. М., 1959, т. 1, с. 160—161.
38. Невзоров А. «Столица», 1991 г., № 1 (интервью).
39. Брежнев Л. О ходе выполнения решений XXIII съезда и Пленумов ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 30 октября 1968 г., с. 13-17.
40. Молотов В. О ратификации советско-германского договора о ненападении. (Сообщение на заседании Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г.). М., 1939 г.

Пассионарии

41. Микоян А. В полосе великого подъема./ Воронеж, 1935. (Речь на первом Всесоюзном совещании рабочих и рабочих-стахановцев 15 ноября 1935 г.)
42. Чичерин Г. Внешняя политика Советской России за два года. (Очерк, составленный к двухлетней годовщине рабоче-крестьянской революции.). М., 1920.
43. Илюмжинов К. «Моя газета», 5 апреля 1995 г. (интервью).
44. Жданов А. Выступление на дискуссии по книге Г.Ф. Александрова «История западноевропейской философии» 24 июня 1947 г. М., 1947, с. 34.
45. Андропов Ю. Великая жизненная сила социалистической демократии. Речь на встрече с избирателями Каширского избирательного округа по выборам в Совет Союза Верховного Совета СССР 1 июня 1970 г./ Избранные речи и статьи. М., 1979, с. 147—148.
46. Гришин В. Совершенствовать формы и методы массовой информации. Речь при вручении ордена Октябрьской Революции коллективу ТАСС 6 января 1978 г./ Избранные речи и статьи. М., 1979, с. 473—474.
47. Говорухин С. «Моя газета», 7 июня 1995 г. (интервью).
48. Рыбкин И. «Моя газета», 29 марта 1995 г. (интервью).
49. Шахрай С. «Моя газета», 17 мая 1995 г. (интервью).
50. Филатов С. «Аргументы и факты», № 9, 1995 г. (интервью).
51. Яковлев А. «Новый взгляд», № 47, 1994 г. (интервью).
52. Бурбулис Г. «Моя газета», 18 января 1995 г. (интервью).
53. Лебедь А. «Московские новости», 10—17 сентября 1995 г. (интервью).
54. Явлинский Г. «Общая газета», 5—11 октября 1995 г. (статья).
55. Федоров С. «Свободный мир», № 19, 4—18 января 1993 г. (интервью).

По ту сторону Слова

ПОЭТ В РОССИИ...¹⁵⁴

Поэт в России больше, чем поэт.

Е. Евтушенко

*...любая литература, которая отказывается по-братски
шагать в ряду с наукой и философией, есть литература
человекоубийственная и самоубийственная.*

Ш. Бодлер

XX век стал для России одним из самых тяжелых за всю ее тысячелетнюю историю: четыре революции, две мировые и четыре локальные войны, смена государственного и экономического уложения, непрерывная подвижка границ и мн. др. И в центре всего этого — человек, россиянин. Что он собою представлял сто лет назад и представляет в психологическом отношении сейчас? Как отразились на его психическом укладе социальные катаклизмы XX века? Или, наоборот — как его психический уклад мог бы «благоприятствовать» тому или иному социальному изменению? От ответа на эти и подобные вопросы во многом зависит наше правильное представление о будущем России, вступающей в XXI век. Разумеется, ответить на них в полной мере пока не удастся. Но что может служить одним из адекватных выразителей российского менталитета, или хотя бы его эмоциональной составляющей? В поисках эмпирического материала, отражающего эмоциональное состояние социума и, в то же время, обладающего достаточной множественностью объектов, мы обратились к поэзии, соглашаясь с Евгением Евтушенко, что носителем и гражданской позиции, и настроений в обществе может служить поэтическая культура России.¹⁵⁵

*Литература есть выражение общества,
так же как слово есть выражение человека.*

Л. де Бональд

До недавнего времени вопросы о психологических особенностях Человека как личности в истории и/или как субъекта культуры

¹⁵⁴ В работе, выполненной по гранту РФФИ, приняли участие С.Н. Шепелева и В.П. Петров.

¹⁵⁵ Настоящее исследование — часть проекта, финансируемого грантом РФФИ: «Эмоциональная компонента эволюции и революций: опыт количественного анализа».

Пассионарии

не могли быть даже поставлены (кроме случаев, когда исследователь располагал психологическими архивными данными, что бывало весьма редко), и именно в силу необходимости выполнения обязательного требования — наличия и доступности для психологического исследования субъекта наблюдения. Сейчас стало возможным исследовать психологические особенности человека (не соприкасаясь с ним) на основе анализа продуктов его речевой деятельности. Ранее в рамках названного проекта РФФИ был использован экспертный метод¹⁵⁶, приоткрывающий загадочную проблему асимметрии психической активности человека во временной динамике. Здесь же излагаются результаты в основном формализованного подхода в реализации того же проекта.

Отзвук в поэзии важен не менее молчания.

Э. Жабэ

Исследуются продукты письменной речевой деятельности российских поэтов XX века, сохраненные в печатных средствах массовой информации (газеты, журналы, книги).

Временной диапазон источников, использованных в настоящей работе: 1891-1949 гг.

Выборка текстов. Стихотворения отбирались за каждый год обозначенного периода, причем каждый поэт представлен одной или несколькими строфами своих произведений, опубликованными за этот год. В итоге каждый год представлялся 140—150 строками (около 600 слов) из произведений российских поэтов (15—20 человек), опубликованных в отечественных изданиях (8—10 источников).¹⁵⁷

Мониторинг. Исследование проводилось в двух временных режимах: 1) диахронический — отслеживание психической компоненты поэтической культуры России во времени; 2) синхронический — отслеживание психической компоненты поэтической культуры России в пространстве в данный момент времени.¹⁵⁸

¹⁵⁶ Шепелева С.Н., Батов В.И., Петров В.М. Психолингвистический анализ поэтического творчества. // Вопросы психологии, 1998, № 1, с. 83—89.

¹⁵⁷ Здесь излагается результат анализа по укрупненной выборке текстов: стихотворения сгруппированы по десятилетиям.

¹⁵⁸ Понятно, что «данный момент времени» определяется по результатам диахронического анализа, когда обнаружены какие-то аномалии в эволюции предмета исследования. Это обстоятельство, а также рамки настоящей работы не позволяют здесь детально осветить синхронический аспект исследования.

По ту сторону Слова

Метод исследования

Излагаемый здесь результат одного из этапов исследования получен с помощью компьютерного метода ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС.

Результаты исследования. Обсуждение

Результаты исследования, проведенного в диахроническом режиме, представляют собой материал двоякого рода: 1) анализ языковых форм коммуникации речевого сообщения, выраженных через формальные признаки текста (таких, как длина предложения, объем лексического словаря и пр.); 2) анализ психологической компоненты речевого сообщения (характеристики психического уклада и текущего состояния). Следует особо подчеркнуть, что трехзвенная модель (формальные характеристики текста - формы коммуникации сообщения - психологическая составляющая текста) оказалась наиболее приемлемой прежде всего для интерпретации результата исследования. Иными словами, путь от формальных характеристик к формам коммуникации, и далее к психологической составляющей — это путь более объяснимых явлений, чем путь от формальных характеристик непосредственно к психологической составляющей.

Содержание и определение языковых форм коммуникации речевого продукта мы позаимствовали у М.М. Бахтина. К ним относятся, во-первых, формы отношения Я-сознания (автора) к «чужим» сознаниям, присутствующим как заимствованные идеи в передаваемом сообщении: это «субъектность», когда Я-сознание не подчиняется и не подчиняется «чужим» сознаниям, и «объектность», когда Я-сознание подчиняется или подчиняется «чужим» сознаниям. Примером субъектного изображения может служить художественно-речевой стиль Ф.М. Достоевского, примером объектного отношения — Л.Н. Толстого.

Во-вторых, следует различать формы речевой коммуникации, определяющие место и направление сообщения: монолог — однонаправленное движение идеи, диалог — рекуррентное движение идеи с коррекцией сообщения, полифония — «многозвучие» идей.

В-третьих, необходимо учитывать временную развертку сообщения, что обычно отражается в фактуальности, или событийности этого сообщения. В настоящей работе показана одна из временных форм — диахрония, отражающая последовательное во времени изложение идей или событий.¹⁵⁹

¹⁵⁹ Отметим, что термин «диахрония» использован в двух случаях: при описании режима исследования, то есть анализа всего массива текстов во времени, и при описании языковых характеристик отдельного текста. Понятно, что в обоих случаях значение термина сохраняется.

Пассионарии

Понятно, что языковые формы коммуникации выражаются в своем материальном носителе посредством определенных комбинаций семантико-грамматических характеристик текста (формальных), то есть в конечном итоге — посредством формализуемых структур текста. Категориальность же тех или иных комбинаций формальных характеристик текста определялась с помощью экспертов.

Результат анализа названных форм коммуникации речевого сообщения в графической форме представлен на рисунке 12.

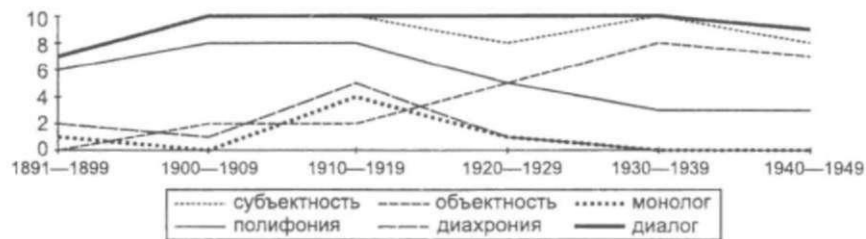

Рис. 12

Рис. 12

Наиболее динамичными оказались формы «объектность» и «полифония». Если первая эволюционирует в сторону возрастания интенсивности, то вторая, с такой же наглядностью, — ослабевает. Причем время начала отмеченных изменений в обеих формах совпадает: это вторая декада XX века, что приходится на «закат» выдающегося периода в российской художественной словесности — «серебряного века». С исторической точки зрения эти годы — упорная и жестокая, но победоносная борьба большевизма с монархией и частным капиталом. А как же отражаются эти годы в эволюции форм коммуникации поэтической культуры России?

Обратимся к М.М. Бахтину. «Сущность полифонии именно в том, что голоса здесь остаются самостоятельными и, как таковые, сочетаются в единстве высшего порядка, чем в гомофонии.» И далее: «Можно было бы сказать так: художественная воля полифонии есть воля к сочетанию многих волей, воля к событию.»¹⁶⁰ Становится ясным, что в социально-экономических условиях двух революций, мировой и начала гражданской войны, насильственной смены государственного и экономического уложения, наконец, насаждения единой «правильной» идеологии — «самостоятельные голоса» и «мно-

Бахтин М.М. Указ. соч., с. 25.

По ту сторону Слова

гие воли» существовать не могут, то есть должен наступить регресс полифонического изображения идеи. В то же время, объяснима прогрессирующая эволюция объектного изображения идеи, если под «объектностью» понимать структуру «как целое одного сознания, объектно принявшего в себя другие сознания»,¹⁶¹ или иначе — структуру, аккумулирующую идеи, ставшие предметом (объектом) изображения и переставшие быть выразителями «живого» сознания.

Эти результаты анализа языковой действительности хорошо согласуются с известными фактами, состоящими в том, что коммунистическая идеология понималась большинством политических лидеров того времени и, следовательно, формировалась ими предметно, схематично, механистически, в отрыве от исконно русского духа, в отсутствии демократических традиций русского государства.

На рис. 12 отчетливо видны и подъемы, приходящиеся именно на последний рубеж «серебряного века» русской поэзии; они присутствуют у двух форм — «монолога» и «диахронии».

Если у искусства и нет родины, у художников она есть.

К. Сенс-Сане

Поэт вообще, а поэт в России в особенности («поэт и гражданин»), традиционно монологичен. И думается, что далеко не случайно в период последнего в этом столетии уходящего расцвета отечественной поэтической культуры русский поэт спешит видеть себя оракулом, пророком, провидцем, при этом нередко впадая в менторский, нравоучительный тон. С монологической формой коммуникации речевого сообщения тесно и прямо связана временная форма воплощения идеи — диахрония. Содержание этой формы М.М. Бахтин иллюстрирует на примере И.В. Гете: «Такой художник, как, например, Гете, органически тяготеет к становящемуся ряду. Все сосуществующие противоречия он стремится воспринять как разные этапы некоторого единого развития, в каждом явлении настоящего увидеть след прошлого, вершину современности или тенденции будущего; вследствие этого ничто не располагалось для него в одной экстенсивной плоскости.»¹⁶² Трудно найти более адекватное представление о русской поэзии уходящего «серебряного века».

Подведем некоторые итоги.

Итак, вплоть до 1910 года русская художественная словесность была полифонична и малопредметна, синтетична и правопо-

¹⁶¹ Бахтин М.М. Указ. соч., с. 20.

¹⁶² Там же, с. 33.

лушарна. В ней преимущественно присутствовали идеи, изображения чувств, переживаний, духовных исканий. Причем эти идеи и чувства оставались самостоятельными сущностями и их отношения между собой были подобны взаимоотношениям отдельных личностей, обладающих своим неповторимым сознанием. Напротив, предметность, фигуральность до этой временной границы были сравнительно слабо выражены. Переход границы, по-видимому, был подготовлен резким, но кратковременным подъемом аналитического и менторского в поэтическом стиле, или, другими словами, — восходящей эволюцией «левополушарности» поэзии. И далее (до конца 40-х годов) мы наблюдаем относительную стабильность аналитического, объективного поэтического творчества.

Изложенный материал — лишь прелюдия, хотя и необходимая, к исследованию психологической компоненты поэтической культуры.

Специальные экспериментальные исследования показали, что описанные языковые формы коммуникации сообщения — индивидуально-инвариантные образования.¹⁶³ Этот факт позволяет поставить вопрос и об индивидуальной инвариантности психологической составляющей вербального сообщения. Понятно, что модель психологической компоненты текста должна строиться аналогично модели форм коммуникации, но функцией здесь служат психологические характеристики, а независимыми переменными — уже формы коммуникации текста. Тогда связь между первыми и вторыми становится осмысленной и менее вариативной (например, можно вполне объяснить полифоническую форму коммуникации сообщения шизотимическими чертами личности автора), в то время как искать прямую зависимость между грамматическими и/или семантическими структурами и психологическими характеристиками автора бессмысленно уже потому, что эта связь нелинейна и многомерна. Последнее означает, что прямой подход должен опираться на колоссальную статистику, а метод — на перебор всех вариантов. Понятно, что даже современный компьютер будет решать эту задачу весьма долго.

Математическая модель же остается принципиально той же: комбинации формальных признаков текста определяют формы его коммуникации, которые, в свою очередь, определяют психологический контекст сообщения. Динамику форм коммуникации мы рассмотрели выше.

¹⁶³ Батов В.И., Сорокин Ю.А. Форма текста и проблема авторства.// Известия АН СССР, серия ЛиЯ, т. 42, № 6, 1983.

По ту сторону Слова

Характеристики психологической «ткани» вербального сообщения представлены в графической форме на рис. 13.

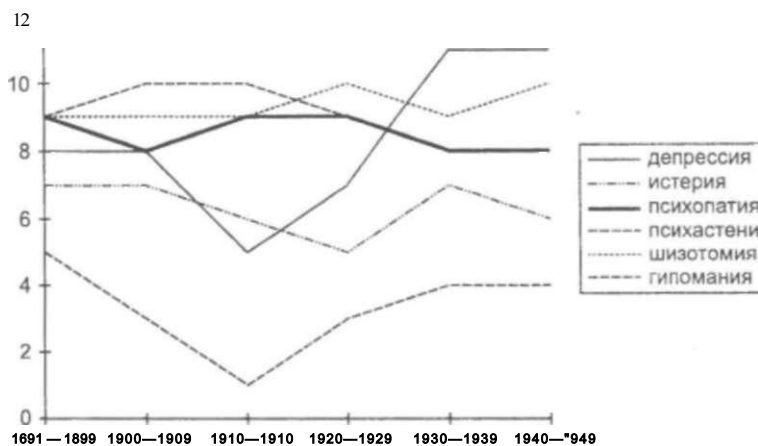

Рис. 13

Здесь следует отметить заметный постоянный спад выраженности двух характеристик — депрессии и психастении, происходящий на все тот же период «серебряного века» российской поэзии (1891-1919).

Напомним, что депрессия — состояние, проявляющееся расстройством настроения. Характеризуется пониженным, подавленным настроением, интеллектуальной и двигательной заторможенностью, переживанием безысходности и/или гнетущей тоски.

Психастения — более «глубинная» характеристика, отражающая свойства психического уклада личности. Психастеническая личность отличается тревожно-мнительным характером с неуверенностью в себе, нерешительностью, боязливостью и впечатлительностью. Особенности психастенического склада являются склонности к сомнениям и болезненному мудрствованию, недостаточное чувство реальности и полноты жизни, отсутствие живости, яркости в восприятии окружающего, стремление к самоанализу, преобладание абстрактных, оторванных от реальных фактов интеллектуальных построений, пониженная самооценка.

Анализ графиков на рис. 13 говорит о том, что на протяжении всего периода «серебряного века» снижалась интенсивность нежелательных (с обыденной точки зрения) проявлений психической активности. Иными словами, непрерывно шел сдвиг от левополушар-

ной (аналитической, абстрактной, мужской) доминанты к правополушарной (эмоциональной, конкретной, женской). И границей, остановившей этот процесс, стал... закат «серебряного века» российской поэзии (1910—1919). За этой границей столь же последовательно процесс пошел вспять — к анализу, абстракции, объектности, то есть к «левополушарной» поэзии.

Сравнительный анализ графиков на рис. 12 и 13 показывает удивительное соответствие выводов, сделанных на отдельных этапах исследования. Так, границей качественного перехода стиля поэтического творчества от Человека к Предмету (от эмоциональности к рациональности) и в отражении языковых характеристик, и в отражении психологической компоненты стал период 1910—1919 гг. — последняя треть «серебряного века» российской поэзии. Весь последующий период, исследованный в этой работе, характеризуется не только регрессом психического уклада россиянина, но и принципиальной сменой творческого отношения к изображаемой действительности.

Изложенное — лишь фрагмент культурно-исторического исследования художественного творчества в России XX века. Причем точка зрения, с которой ведется рассмотрение в этой работе, принципиально шире традиционной: мы рассматриваем не только динамику своеобразий художественного творчества, но и пытаемся отыскать некоторые социальные «эпифеномены» этой динамики (являются ли они причиной, или же следствием — вопрос дальнейшего анализа). Это обстоятельство позволяет оптимистически оценивать создание нового научного направления — исторической психологии.

Нам кажется, что приведенный материал достаточно убедительно свидетельствует о возможности объективного анализа взаимосвязи мира культуры и мира социального бытия Человека. Иными словами, теоретические построения взаимовлияния культуры и социальной действительности переходят в плоскость конструктивного анализа, что, бесспорно, способствует более эффективному движению в этом направлении.

*..А кто не внемлет голосу поэтов.
Тот только варвар, кем бы ни был он.*

И. Гёте

Наконец, приведенный эмпирический материал нашего исследования блестяще подтвердил сложность, противоречивость и, одновременно, «индикативность» художественно-исторического факта культуры России XX века — последнего взлета российской художественной мысли, метафорично названного «серебряным веком».

ЛИДЕРЫ

«ОКНО» В ПСИХИЧЕСКИЙ УКЛАД РОССИЙСКОГО ПОЛИТИКА

Человек, и это объяснимо, хочет знать о себе все, о других — по мере необходимости и, главное, возможности. Тем более этот мотив понятен, когда речь идет о психологах, мнение которых по этому вопросу наиболее профессионально. Но «эзотерические» исследования научной психологии редко становились достоянием массового читателя. Причин тому много, и одна из них — жесткая, пуританская цензура массовых изданий во времена не столь далекие. Демократия принесла не только свободу слова, но и чрезвычайно запутала и так непростую жизнь многострадальной России. Именно поэтому кажется своевременным появление работ, во-первых, посвященных крупным политическим деятелям советско-постсоветской России (Ленин, Хрущев, Ельцин) и, во-вторых, иллюстрирующих сравнительно малоизвестный и весьма эффективный метод анализа психологических особенностей личности.

Почему «во-первых» работа посвящена политикам? Ответ следует сразу с нескольких сторон: Кто *ликвидировал* Российскую монархическую Империю, а спустя семьдесят лет и Империю с аббревиатурой СССР? Политики! Кто сменил *идеологию* соц... на кап...? Политики! Кто вырыл глубокий и, по-видимому, непреодолимый ров между богатыми («новыми русскими») и бедными (большая часть населения России)? Политики! Достаточно? Оставляя за скобками будущих «спасателей» России, хотелось бы посмотреть на уже состоявшихся, уже «свершенных» политиков, которые, нет сомнения, пытались и пытаются «спасти» Россию от коррупции в государственном управлении, от безликости и серости культуры «молчаливого большинства», от падения в бездну уголовно-мафиозного беспредела, наконец, от хаоса в экономике, культуре и политике. Эти «избранники народа», наверное, действительно пытались «со своей колокольни» создать России тот имидж, который она заслуживает, пройдя тысячелетнюю историю великой державы. И этим политикам (правда, только ныне здравствующим) совсем не бесполезно посмотреть на себя через призму научной психологии (хотя российские политические деятели традиционно чурались какого бы то ни было прикосновения к ним науки), а также сравнить себя с бывшими и ныне действующими коллегами.

Ситуация в России сейчас такова, что в центре внимания общественности оказываются политики. Вслед за нею и отечественная

политология, заявив о себе армией политологов-профессионалов, избрала эту тему одной из основных. Но при этом столкнулась со щекотливой и труднорешаемой задачей — методом исследования столь беспокойного субъекта — политика. Действительно, опора на чисто социологические методы нередко приводит к усилению субъективного фактора, двойственности трактовок и игре слов в зависимости от того, какой политической линии придерживается конкретный политолог или политологическая школа. Для традиционных же психологических методов исследования (тестирование, анкетирование, интервьюирование, не говоря уже о различного рода экспериментах) солидный политик, который таковым является в действительности или мнит себя важной персоной, а тем более «почивший в бозе», ученому просто недоступен. Остаются два выхода: первый — прибегнуть к исключительно домыслам (взяв в вооружение традиционный психологический метод — «наблюдать за объективными и валидными бесконтактными методами исследования»). Второй подход к решению проблемы был разработан и апробирован автором настоящей работы уже более 20 лет тому назад. Этот метод психолингвистического анализа известен некоторым психологам как компьютерная программа ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС.

Понятно, что особенностью подобных методов является возможность выявить психологические характеристики человека, не прибегая к прямому контакту с ним: ведь порождаемый кем-либо текст (исключая механическое копирование чужих текстов или же написанных под диктовку) является как бы «психологическим слепком» с психологической ипостаси автора. Именно такое «заочное» общение между исследователем и исследуемым позволяет «общаться» и с теми «кого уж нет», и с «незговорчивыми» испытуемыми.

Итак, программа ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС отвечает на запросы тех, кому требуется в сравнительно короткие сроки иметь данные о психологических особенностях как отдельных лиц, так и любой по численности группы в условиях бесконтактного получения информации. Понятно, что программу целесообразно использовать и в мониторинговых исследованиях. Объем получаемой психологической информации эквивалентен информации, получаемой с помощью традиционных многофакторных личностных тестов (например, MMPI).

Программа имеет четыре версии, отвечающие на вопросы:

- 1) Каковы психологические особенности лиц, тексты которых анализируются?
- 2) Каков психологический эффект воздействия анализируемого текста на ту или иную группу лиц?
- 3) Что необходимо сделать с текстом (лексика, грамматика, стилистика) для того, чтобы он содержал заданную психологическую информацию?

По ту сторону Слова

4) Обучающая версия, отвечающая на вопрос: Достаточно ли хорошо лицо X знает «психологию» лица Y?

Основа обсуждаемого исследования — первая версия программы ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС.

В настоящей работе, по-видимому, впервые в психологической литературе самостоятельное и весьма важное значение придается «палитре» психологических характеристик, определяющих *собственно менталитет* изучаемой личности. Дело в том, что в традиционных психологических исследованиях список изучаемых личностных свойств задается *заранее* уже самим методом анализа и этот список в разных методах, разумеется, различен, но ... постоянен при использовании только данного метода. Пожалуй, лишь психоанализ принципиально позволяет наблюдать какие-то новые (или, по крайней мере, необычные) психические проявления, и в этом отношении, а также в отношении экспликации бессознательного, используемый метод аналогичен психоанализу. Но на этом сходство заканчивается. Выявив психическую аномалию, психоанализ далее идет по методологическому пути классической экспериментальной психологии, концентрируя внимание и усилия на описании и толковании именно этого феномена. Отсюда понятно, что психологи-ортодоксы даже не обсуждают вопрос о возможности описания психологического качества личности посредством качеств выделяемых характеристик, ведь последние заданы методом исследования и отличия касаются только их количественных значений. Теперь же, при использовании метода ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС, характеристики эксплицируются, то есть выделяются в самостоятельный кластер, или палитру психологических качеств, присущих именно наличному тексту, создавая тем самым как бы «окно» в психологическом укладе личности за период порождения текста. Таким образом, палитра не только и не столько список отдельных характеристик, но и ... самостоятельная характеристика. Правда, ее интерпретация весьма не проста, так как механизм образования «окна» в психологическом укладе личности, «окна», обращенного во внешний мир, «окна», из которого экстериоризируются психические акты во внешнюю деятельность, — пока не совсем ясен. Но здесь достаточно будет сказать, что палитра, наблюдаемая из «окна», — это характеристика актуализации психологического потенциала личности во внешней деятельности (в частности, в речевой деятельности). И бесспорным остается главное психологическое значение палитры, — это показатель «открытости» личности для внешнего обозрения: чем меньше палитра характеристик, тем менее доступен для «наружного» психологического наблюдения исследуемый субъект; чем больше палитра — тем более открыта личность в окружающий мир. Понятно, что и следствия такого наблюдения должны быть весьма плодотворны.

Лидеры

Ниже приведены примеры «окон» психологического уклада трех политических лидеров России: В.И. Ленина, Н.С. Хрущева и Б.Н. Ельцина (рис. 14, 15, 16). Их психологические портреты, видимые сквозь «окна» и абсорбированные в палитре, детально описываться не будут, так как цель настоящего исследования в другом, а именно: показать методологическое значение палитры как характеристики личности.

Почему в качестве примеров приводятся палитры именно названных лидеров? Во-первых, их политическая деятельность была направлена (и в двух случаях вполне успешно осуществлена) на действительные революционные преобразования России. Во-вторых, для анализа взят период «доцарствования», то есть когда они еще не стали, но, наверное, стремились стать «поводырями» российского народа. В-третьих, временной интервал истории России, разделяющий их подготовку к правлению, приблизительно равен — около 40 лет.

Владимир Ленин (Ульянов)

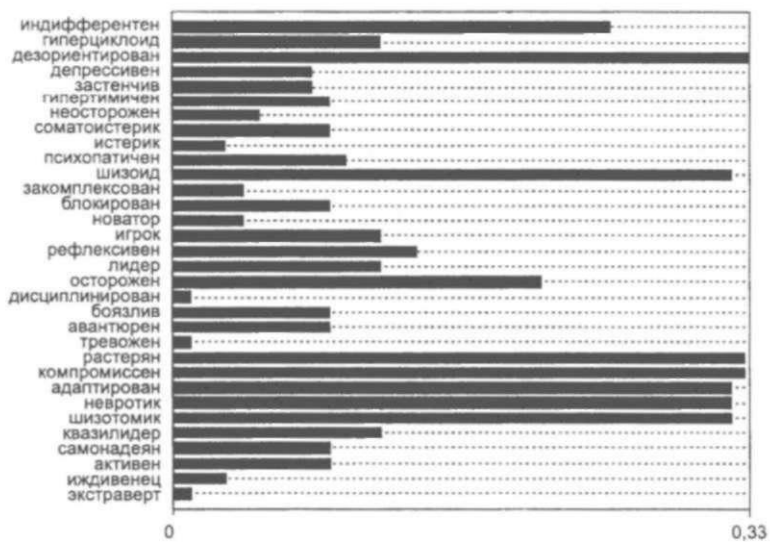

Рис. 14

Дата возникновения текста: январь 1910 г.
Источник: Сочинения, изд. 4-е, т. 16, с. 127- 128.
Объем текста: 270 слов.
Палитра: 32 характеристики⁶⁴.

Дефиниции характеристик приведены в главе «Словарь».

По ту сторону Слова

Краткое заключение

Тип личности: Экстравертированный шизотимик.

Черты характера и состояние: Беспокойная активность и растерянность чередуются с подавленностью и унынием. Социальная неадекватность (неосознаваемость социальных норм и требований) преодолевается компромиссностью решений и осторожностью поступков. Отчужденность при эгоцентризме и необычности мышления. Способности к рефлексии и склонность к самоанализу. Неудовлетворенность собой. Неумение учиться на собственных ошибках. Потенциальный лидер, новаторство которого противостоит социальным нормам, но требует доброжелательного окружения и поддержки. Заинтересованность в общении и умение налаживать контакты, но коммуникабельность не избирательна и с оттенком нетерпимости к чужому мнению. Состояние здоровья вполне удовлетворительное и не вызывает озабоченности. Продуктивность и в работе.¹⁶⁵

Никита Хрущев

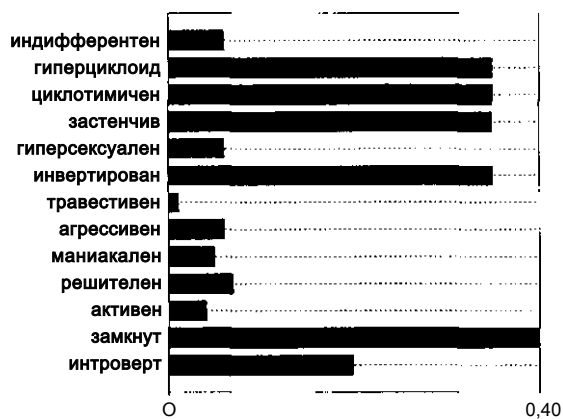

Рис. 15

Дата возникновения текста: июнь 1953 г.

Источник: Известия, 4 января 1991 г.

Объем текста: 339 слов.

Палитра: [3 характеристик

¹⁶⁵ Характерная деталь: ни один автор за все время работы с методом Л ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС не превысил богатство палитры психологических характеристик В.И. Ленина. По после проведения несколько анализов оказалось, что максимум наблюдался только и этот (1910 год) период.

Краткое заключение

Тип личности: Интровертированный циклотимик.

Черты характера и состояние: Мужские черты характера подавлены. Резкая смена настроения. Озабоченность. Слабая рефлексия определяет осторожность поступков в силу непредсказуемости их результатов. Циклотимическая фаза — депрессия. Заторможенность, мрачность при высоком самоконтроле. Состояние, отражающее ситуацию угрозы или неблагополучия. Самооценка не соответствует оценке окружающих. Здоровье не является предметом повышенного внимания. Продуктивность в работе.

Борис Ельцин

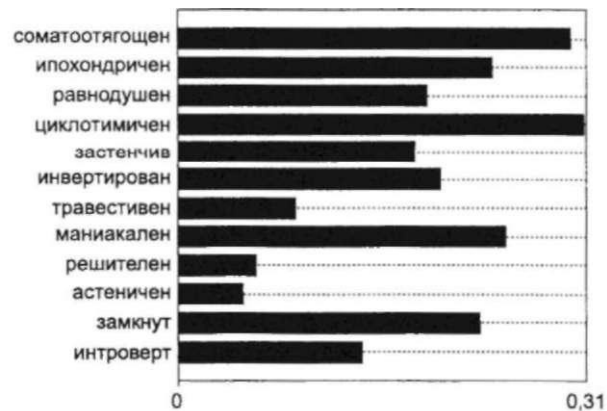

Рис. 16

Дата возникновения текста: март 1991 г.

Источник: Комсомольская правда, 14 марта 1991 г.

Объем текста: 554 слова.

Палитра: 12 характеристик.

Краткое заключение

Тип личности: Интровертированный циклотимик.

Черты характера и состояние: Мужские черты характера подавлены. Застревание аффектов, чувствительность, злопамятная подозрительность. Озабоченность общественным положением. Честолюбие.

По ту сторону Слова

Самолюбование. Слабая рефлексия определяет осторожность поступков в силу непредсказуемости их результатов. Циклотимическая фаза — маниакальность. Заторможенность, мрачность при высоком самоконтроле. Фрустрация устраняется путем снижения уровня побуждений, утраты интересов и подавления влечений. Неудовлетворенность положением и/или собой переходит в душевный дискомфорт, который провоцирует возникновение тенденций к суициду. Состояние здоровья неудовлетворительное, вызывает навязчивую озабоченность и отражается на продуктивности работы.

Выводы

Сопоставляя приведенные данные, разумно сделать вывод, что Ленин во всех отношениях и намного колоритнее соотносимых здесь лидеров, что совершенно не противоречит и обыденному представлению. Интерпретация этих данных потребовала бы экскурса в историческую психологию, но таковой пока не существует. Здесь же достаточно констатировать следующие положения.

Во-первых, человек реализует свой психологический потенциал «здесь и сейчас» не полностью (вопрос инвариантности палитры во временной перспективе жизнедеятельности человека — тема уже другой работы), и именно эта «неполнота» остается единственной *полнотой*, целостностью предмета экспериментального изучения личности. Иными словами, личность представлена внешнему наблюдателю только «видом из окна» своего психического уклада, и только этот образ имеет право идентифицироваться с реальной личностью. Все другие «целостности» представляют собой искусственный продукт «творческой» деятельности самого исследователя.

Во-вторых, исследование спонтанных психических проявлений возможно только методами «прорубания окон», таких, как психоанализ или ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС.

ЖЕНЩИНЫ И ПОЛИТИКА

Больше, чем любовь, женщин губит тщеславие.

М. де Виши-Шармон Дюдефан

Второй раз в этом столетии мы и мир наблюдаем взрыв общественной активности женщин в России: в начале века — движение суфражисток, в конце столетия, когда уже избирательное право завоевано, — стремление войти во власть. Со стороны Истории это вполне оправдано и не вызывает удивления, а потому и не привлекает внимания ученого. Но со стороны Психологии это явление неординарное. В обыденном сознании коренится убеждение, что политика — мужская работа, равно как и война, которая, как известно, является лишь продолжением политики другими средствами. Философы, социологи и психологи в этом, однако, далеки от единого мнения. Но если истоки происхождения всплеск феминистического энтузиазма исследует социология философии, то вопрос «человека, входящего во власть», явно относится к компетенции психологии.

Более того, конкретизация этого вопроса порождает надежду поставить, а со временем и успешно решить весьма существенную для сегодняшней России задачу о специфике психологического склада личности российского политика. Уместно говорить именно о своеобразии личности российского политического деятеля, так как, пожалуй, ни в одной другой великой стране у «кормила власти» не было настолько разных в психологическом отношении людей. Итак, вопрос «человека, входящего во власть» здесь конкретизируется следующим образом: каковы психологические черты женщины-политика?

Женщины способны на все, мужчины — на все остальное.

А. Ренье

Почему именно женщина-политик? Это очевидно. Не обсуждая здесь проблемы «мужественности» как атрибута политики, сошлемся лишь на подавляющее большинство мужчин-политиков в мировой истории. Но это означает, что мужчина уже «предназначен» быть политиком и выяснение его «политичности» заставляет психологически пересмотреть всю историю человечества, что, естественно, сейчас невозможно. А вспомнив о политической роли в истории отдельных женщин, вообще приходится сделать вывод об абсурдности такого подхода. Иначе обстоит дело, если обратить внимание на женщин-политиков: женщина, внедряясь в сферу традиционно муж-

По ту сторону Слова

ской деятельности, непременно должна обрести (скорее, трансформировать и усовершенствовать уже имеющиеся) психологические черты, способствующие успеху на новом поприще. Иными словами, «скачок» в психологическом развитии женщины-политика гораздо более велик, а потому и более заметен, чем подобные метаморфозы мужчины-политика. Также понятно, что этот «скачок» в психологическом укладе женщин-политиков необходимо рассматривать на фоне тех же психологических черт «просто» женщин, а это уже вполне решаемая задача.

Понятно, что текст для анализа должен быть аутентичным, и этим требованиям, например, отвечает текст интервью, которые были использованы в настоящей работе (тем более, что этот жанр нынче весьма популярен среди общественных деятелей).

«Героями» обобщенного психологического портрета женщины-политика современной России послужили четыре весьма заметные женщины.

Екатерина Лахова. В третий раз избрана народным депутатом в Госдуму. Председатель Комиссии по вопросам женщин, семьи и демографии при президенте РФ. Успешно прошла путь от медсестры, участкового врача до большого политика.

Источник анализа: Интервью газете «Московская правда» от 28 декабря 1995 г. Объем текста: 214 слов.

Ирина Выборнова. Депутат Госдумы-95. Председатель межрегиональной общественной организации «Деловая женщина». Вице-президент Вольного экономического общества России. Образование: экономист.

Источник анализа: Интервью газете «Московская правда» от 28 декабря 1995 г. Объем текста: 405 слов.

Ирина Хакамада. Депутат Госдумы с декабря 1993 года. Генеральный секретарь Партии экономической свободы. Организатор депутатской группы Либерально-демократический союз «12 декабря». Образование: экономист.

Источник анализа: Интервью газете «Моя газета» от 21 июня 1995 г. Объем текста: 217 слов.

Алла Ярошинская. Кандидат в депутаты Госдумы-96. Председатель Экологического благотворительного фонда. Лауреат Альтернативной Нобелевской премии. Образование: журналист.

Источник анализа: Интервью газете «Московская правда» от 10 декабря 1995 г. Объем текста: 341 слово.

Тексты «просто» женщин были представлены студентками гуманитарных факультетов МГУ. Всего таких текстов оказалось 20, их объем того же порядка: 200—300 слов.

Итак, обработка текстов «просто» женщин показала, что их совокупная палитра содержит 52 характеристики, но только 15 из них присущи большинству авторов. Эти 15 характеристик и служили фоном, на котором рассматривалась аналогичная палитра женщин-политиков.

Психологический тип личности «просто» женщин кратко можно охарактеризовать как *шизотимический интроверт с чертами истерии*; психологический тип личности женщин-политиков — как *шизотимический интроверт с чертами циклотимии*.

Поясним сказанное. Имея в виду только один аспект истерии — акт вытеснения неблагоприятных факторов, способствующих возникновению некомфортных состояний, необходимо признать, что «просто» женщины более адаптированы к сегодняшней реальности. Они как бы менее чувствительны к социальным переменам, подавляя, блокируя или забывая те негативные чувства, которые переживали в «лихую годину». Женщины-политики в этом отношении менее адаптированы, от них реальность не «убегает», они более реалистичны, а следовательно более адекватны действительности. Но «отслеживая» текущий момент, они в значительной степени подвержены его влиянию, и поэтому их чувства, эмоции, мотивы претерпевают соответствующие изменения, часто весьма сильные.

Переходя к отдельным чертам личности, надо отметить следующие моменты.

Во-первых, женщины-политики в большей мере «лидеры», чем их «фоновые» представители. Здесь, однако, необходимо иметь в виду, что характеристика «лидер» в ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС подразумевает лидерство именно в данной половой популяции, то есть женщины-политики более настойчиво стремятся утвердить свою «женственность», стремятся доминировать в сфере именно женских «преимуществ», использовать средства сугубо женского характера. И в этом, кажется, сегодняшние женщины-политики в корне отличаются от женщин-политиков первой четверти века: последние вошли в историю обыденного сознания как «мужественные» женщины (волевые, жестокие, агрессивные).

Во-вторых, женщины-политики более предсказуемы в своих поступках, хотя и демонстрируют тот же тип мыслительной деятельности, что и «просто» женщины; в рафинированной форме он может быть охарактеризован как *непредсказуемый, аутичный, закрытый*.

В-третьих, женщины-политики, видимо, в силу отмеченной выше способности «отслеживать» реальность пребывают в более мрач-

По ту сторону Слова

ном состоянии, замыкая границы своего Я от внешнего воздействия, проявляя недоверчивость к текущим событиям и отношениям (последнее даже в большей степени свойственно «просто» женщинам), и в то же время отнюдь не злопамятны.

В-четвертых, женщины-политики менее аффективны, у них реже возникают вспышки эмоционально яркой окраски, чем у «просто» женщин, и это следствие смены *истероидности* на *циклоидность*.

В-пятых, женщины-политики, равно как и «просто» женщины, «упрямы» в отстаивании нетипичных представлений, а в более широком контексте поведения и те и другие весьма решительны в достижении поставленных целей.

Все отличия, отмеченные в последних пяти абзацах, носят количественный характер. Существенным же отличительным признаком двух «палитр» служит отсутствие характеристики *ипохондрик* у женщин-политиков и весьма выраженное присутствие этой характеристики у «просто» женщин. Возможно, что именно эта характеристика может быть внесена в реестр релевантных «политических» свойств характера видного общественного деятеля.

Терпеть — дар женщины.

Р. Рильке

Об этой характеристике — чуть подробнее.

В контексте настоящей работы *ипохондрик* это не только чрезмерная забота о собственном здоровье, но и обусловленное этим обстоятельством снижение продуктивности деятельности, снижение общей активности, «канализация» творческого потенциала в суетливое беспокойство. И факт *отсутствия* у всех четырех женщин-политиков этой характеристики свидетельствует о большей самоотдаче в работе (до пренебрежения здоровьем), высокой активности и продуктивности труда (разумеется, здесь не обсуждается вопрос качества этого труда). Правда, отсутствие ипихондрии можно было бы объяснить более качественным уровнем медицинского обслуживания женщин-политиков. Не отрицая факта снятия «проблемы со здоровьем» у VIP (особо важных персон), однако, следует иметь в виду: во-первых, ипихондриком, как правило, не становятся, им являются, то есть это личностная черта; и, во-вторых, далеко не все мужчины-политики, пользующиеся элитарным медицинским обслуживанием, индифферентны к состоянию своего здоровья. Таким образом, приходится признать, что отсутствие ипихондрии весьма существенное качество, отличающее современного российского политика-женщину.

Лидеры

Итак, говорить о психологическом типе женщины-политика, наверное, преждевременно. И все же: современная российская женщина-политик — это обострение «женских» черт характера по сравнению с «просто» женщинами, и в этом она принципиально отличается от женщин-политиков начала века. Главной психологической чертой женщины-политика оказывается... отсутствие такой черты, как *ипохондрия*, и признак отсутствия этой черт вносится женщинами-политиками в общую «копилку» психологических признаков современного российского политика.

По ту сторону Слова

ГЕНЕРАЛЫ-В-ПОЛИТИКЕ И ГЕНЕРАЛЫ-ОТ-ПОЛИТИКИ

*Часть людей действует не размышляя,
другая — размышляет, но бездействует.*

Н. Фосколо

Россия продолжает удивлять мир, творя чудеса в экономике и политике (и даже в географии). Только мы ничему уже не удивляемся. Например тому, что в политику «пошли» военные, да не простые, а генералы. Да не какие-нибудь маршматики-генералы, а в самом расцвете «генеральских» сил. В лучших суворовских традициях их приход в политику был настолько же внезапен, насколько и разрушителен. Что в имени твоём? Действительно, боевой генерал А. Руцкой, став сателлитом Бориса Ельцина, чуть не лишил его власти. Другой боевой генерал — А. Лебедь — из оппозиционера действующей власти превращается в исполнителя этой власти, где и терпит (первое в своей военной биографии) сокрушительное поражение от... той же власти. А заодно и предлагает перекроить географическую карту России (за что, кстати, положено звание генералиссимуса). Наконец, любимец президента, друг его семьи, пусть и не боевой генерал — А. Коржаков — проигрывает первую же серьёзную битву, запутавшись в хаосе российской большой политики.

Но если психологический имидж российского политика как-то и описывается, то «генералы-в-политике» — понятие пока абсолютно невразумительное. Дело в том, что политическая-карьера хотя бы названных генералов не позволяет отнести их к категории полных «генералов-политиков». Это какие-то другие политики. Но какие? И в чём их отличие от профессиональных современных российских политиков, или «генералов-от-политики»? Попробуем ответить на эти вопросы в ракурсе обобщённого психологического имиджа «генералов-в-политике» и «генералов-от-политики». Первый психологический портрет «нарисован» палитрой психологических характеристик упомянутых генералов: Руцкого, Лебеда, Коржакова. Второй портрет «нарисован» палитрой психологических характеристик Е. Гайдара, В. Жириновского и Г. Явлинского, вполне, по мнению автора, отвечающих званию «генералов-от-политики». В пользу выбора персонажей свидетельствует, кроме успешной политической карьеры, и то обстоятельство, что эти политики приблизительно

одного возраста с генералами и их политическая карьера состоялась так же, как и у генералов, в постперестроечное время. Обобщенный же портрет — есть развитие исследования отдельных персонажей¹⁶⁶. Собирательный образ «генералов-в-политике» и «генералов-от-политики» в политологии и политической психологии пока отсутствует.

Основная цель настоящей работы, отнюдь не только сравнить психологические портреты, но главное — рассмотреть, как глубоко «генеральский» менталитет проникает в «политический», и наоборот. Результат этого трудно переоценить: в случае значительной ассимиляции «генеральского» менталитета с «политическим» вполне можно ожидать в будущем таких же мощных катаклизмов на политической сцене России, что потрясали нас в августе 1993 года, но уже по вине профессиональных политиков, то есть по вине тех «слуг народа», которые, возможно, и сами не знают, что несут в себе похвалы для боевого служаки, но неприемлемые в политике прямолинейность стратегии, казарменность общения и тактику кавалерийской атаки.

Предварительные замечания

Во-первых, любой тест, любое экспериментальное психологическое исследование показывает то, что, в конечном счете, имеется «здесь и сейчас». Но человек — многолик. Разумеется, можно наблюдать в непосредственном контакте исследуемое лицо в течение длительного времени и на основании этого дать описание многих «лиц» одного человека. Но практически такой мониторинг неосуществим. Из известных методов только психоанализ достигает этой цели: за время одного сеанса психоаналитической беседы нередко удается выявить такие стороны психической организации пациента, которые формировались далеко не «здесь и сейчас». Но психоанализ также требует участия самого человека, психологические ипостаси которого изучаются, что, понятно, оставляет проблему нерешенной. Метод, использованный в настоящей работе, основан на компьютерной программе ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС, которая предусматривает психолингвистический анализ аутентичных текстов лиц, подлежащих исследованию, что уже не требует обязательного (для любого другого экспериментального метода) контакта с ними. Во всем остальном этот метод аналогичен традиционным многопрофильным личностным тестам (например, ММРІ) и, следовательно, по-

См. главу «Кумиры». Вся до-президентская рать.

По ту сторону Слова

ставляет информацию, актуальную «здесь и сейчас».¹⁶⁷ Таким образом, одно из препятствий — непременно личное участие исследуемого персонажа — преодолевается.

Во-вторых, возвращаясь к теме «здесь и сейчас», необходимо выделить непростую методологическую проблему «ролевого имиджа» персонажей. Так как задачей исследования ставится определение психологических составляющих «генерала в политике» и «политика в генерале», то, понятно, что необходимо применить какую-то процедуру, которая позволила бы «примерить» имидж политика и политику, и генералу, а роль генерала — и генералу, и политику. При этом программа ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС имеет некоторые преимущества в сравнении с традиционными личностными тестами.

Исследование

В программе ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС используется многомерный статистический анализ — метод главных компонент факторного анализа. В свою очередь, многомерный анализ, как известно, включает процедуру ротации (вращения) факторов — осей многомерного пространства. Последнее означает, что открывается возможность рассмотреть выделяемые структуры в любом ракурсе, с любой точки зрения (и в этом отношении метод аналогичен психоанализу), правда, с позиции «здесь и сейчас». Разумеется, ракурс рассмотрения должен быть осмысленным, что может быть обеспечено принятием, например, правдоподобных гипотез. В случае, о котором идет речь в этой работе, такой правдоподобной гипотезой может служить предположение о различиях в психологическом статусе генералов-в-политике и генералов-от-политики. Но здесь необходимо одно уточнение: результат поворота осей относительно исходного положения отразит один из многочисленных «лик» исследуемого лица, и он не будет полностью совпадать с тем, например, портретом, который бы проявился в других условиях места и времени. Иными словами, поворот осей психологического пространства смещает акцент видения на те психические характеристики, которые неактуализированы в момент исследования и находятся в латентном (скрытом) состоянии.

¹⁶⁷ Аутентичные тексты названных персонажей взяты из: Руцкой А. Правда, 4 февраля 1995 г., диалог А. Руцкого с американским публицистом М. Давидоу. Лебедь А. Московские новости, 10—17 сентября 1995 г., интервью. Коржаков А. Новый взгляд, № 29, 1996, интервью. Гайдар Е. Megapolis-EXPRESS, 6 мая 1992 г., интервью. Жириновский В. Новый взгляд, № 15, 1994 г., интервью. Явлинский Г. Общая газета, 5—11 октября 1995 г., статья.

Лидеры

В настоящей работе было проведено вращение в направлении двух осей, маркированных соответственно как «генералы-от-политики» и «генералы-в-политике», и, следовательно, проанализировано два фактора. Анализ состоял в соотнесении (и сравнении) одних и тех же психологических характеристик, присутствующих в том и другом психологическом портрете. Различия в этих характеристиках касались двух параметров: знака характеристики (прямая или обратная связь) и ее значения (выраженности в соответствующем имидже). Подчеркнем, что портреты «генералов» сравнивались по одним и тем же характеристикам, то есть анализировались различия в тех выделенных психических структурах, которые являются *общими* для них.

Общая психологическая палитра всех шести персонажей составила 33 характеристики. В результате использования процедур: 1) факторного анализа; 2) последующего отбора статистически значимых общих для всех персонажей характеристик; 3) вербальной интерпретации обобщенной палитры тех и других — получена синхроническая таблица (табл. 10).

Таблица 10

Генералы-от-политики	Генералы-в-политике
Оптимизм, настойчивость в достижении цели, гедонизм. Разнообразие интересов, но переоценка себя, эгоцентризм, эмоциональная незрелость, проявления ревности и агрессивности.	Вялый оптимизм. Настойчивость в достижении цели при неторопливости в действиях. Переоценка себя, эмоциональная незрелость.
Гибкий и творческий ум, необычность суждений. Эгоцентричность при раздражительности и тревожности. Замыкание границ своего Я. Трудности в общении.	Негибкий ум, ригидность мышления. Открытость границ своего Я, но трудности в общении. Небезразличие к оценке о себе.
Сочетание ориентации на актуальное поведение (здесь и сейчас), на внешнюю оценку и одобрение окружающих со склонностью строить свое поведение исходя из	Сочетание ориентации на внешнюю оценку и внешнее одобрение со склонностью строить свое поведение исходя из собственных критериев. Без-

Генералы-от-политики	Генералы-в-полтике
собственных принципов. Назойливая обеспокоенность своим социальным статусом.	различие к своему будущему социальному статусу в силу слабой рефлексии (но не к материальному благополучию), а с достижением определенного социального уровня — настойчивость к его сохранению.
Отвлекаемость в действиях и поверхностность мышления. Утверждение своей точки зрения путем апелляции к чужому мнению. Отказ от завершения действий как защита от несения ответственности за неуспех.	Неторопливость, педантичность и пунктуальность в действиях. Утверждение своей точки зрения посредством апелляции к чужому мнению. Исполнительность, стремление завершить начатое дело.
Нетипичность представлений, фантазии, пессимизм, частые депрессии, и в то же время — независимость и твердость. Склонность к суицидальным размышлениям. Законопослушание.	Типичность, и даже стереотипность (для своего круга) представлений. Изредка депрессии, и в то же время — независимость и твердость.
Недоверчивость, осторожность. Опасения того, что откровенность может иметь неприятные последствия. Возможны гибкость мышления, быстрая смена установок, что внешне может выглядеть как беспринципность.	Доверчивость, неосторожность. Часто отсутствуют опасения, что откровенность может иметь неприятные последствия. Импульсивная смена установок может рассматриваться как беспринципность.
Склонность к соперничеству и доминированию реализуется в игровой деятельности, требующей аудитории и позитивного подкрепления в форме одобрения и поддержки со стороны окружения.	Склонность к соперничеству и доминированию требует аудитории и положительного подкрепления в форме одобрения и поддержки со стороны окружения.

Генералы-от-политики	Генералы-в-политике
На фоне продуктивного вытеснения — склонность к уходу от решения проблем, эмоциональная незрелость. Высокий уровень адаптации, широта интересов, богатое воображение, живость, нетерпеливость.	Истероидное вытеснение малоэффективно. Склонность к уходу от решения проблем, требующих рефлексии.
Приступы эмоционально-яркой окраски с драматизмом и реже — с чертами истерии. Способность к длительным усилиям и эффективной деятельности стимулируется наличием аудитории.	Эмоциональный фон деятельности неяркий, спокойный. Невысокая способность к длительным усилиям и пролонгированной деятельности.

Подробного комментария здесь, по-видимому, не требуется. Можно констатировать, что: 1) общие психологические характеристики составляют 25—30 % в том и другом статусе; 2) эти характеристики, в основном, имеют противоположные знаки, что означает противоположность их проявления при актуализации.

Из п. 1, казалось бы, следует, что если политик «скроен» на 30% из генерала, то это должно вызывать беспокойство у трезво мыслящих общественных деятелей. Но опасения, как видно из п. 2, беспочвенны, так как эта общность разнонаправлена. Что демонстрирует рис. 17.

Показанные гистограммы отражают выраженность, или силу проявления соответствующих определению факторов: генералов-от-политики и генералов-в-политике. Отчетливо видно, насколько «генеральское» проникает в «политическое», и наоборот.

Рис. 17

По ту сторону Слова

Так, Е. Гайдар практически совсем не «генерал-в-политике», но достаточно весомый «генерал-от-политики». Заметим, что этот экспериментальный результат, вне всякого сомнения, совпадает с обыденным представлением о Гайдаре в роли военного.

Напротив, А. Коржаков очень далек от эталона российского политика (если, конечно, за такой эталон можно принять портрет исследованных политических лидеров). Правда, он еще молодой политик, еще только поднимается к вершине. Но глубина погружения в казарменность заставляет очень сомневаться в возможности преодоления им порога российского политического клуба, членами которого, разумеется, являются описываемые здесь «генералы-от-политики».

А. Лебедь достойно представляет армию в нашей группе политиков, он действительно полный «генерал-в-политике». Кстати, ранее высказанный прогноз относительно трудностей, которые должен преодолеть Лебедь, меняя мундир на фрак, похоже, сбывается: кавалерийский наскок на самый высокий из пиков российского политического Олимпа (баллотирование в президенты) ему оказался не под силу, хотя медленный, но все же рост политического опыта здесь прослеживается явно.

Характерен здесь В. Жириновский: в его психологическом портрете практически в равной степени присутствуют как черты российского политического лидера, так и российского военного. Что это? Несбывшаяся тайная мечта надеть сапоги (и омыть их в Индийском океане)? Или сформированная тактика использования армейских отношений в организации политической партии? Ответ психолога: и то и другое, связанные как причина и следствие. Именно на этом примере отчетливо видно как глубоко и обширно проникает «генеральский» менталитет в менталитет общественного деятеля.

Следует отметить А. Руцкого: похоже, что герой афганской войны — «святее самого папы римского»; то есть он уже стал почти эталонным политиком, довольно быстро расставшись с автоматом и достаточно далеко убежав от Белого Дома. И этого следовало ожидать исходя из результатов ранее проведенного исследования: к психологическому портрету Руцкого одинаково подходят такие аксессуары, как автомат Калашникова и кисть живописца-любителя.

Г. Явлинский верен себе: один из первых в политике и один из последних (но не последний!) в армейской среде. Он представитель сбалансированного военно-политического менталитета. С точки зрения психолога — это наилучший вариант психологического статуса сегодняшнего российского политического лидера: криминальный

беспредел практически во всех сферах общественной жизни России требует «твердой руки» (Генерала), но, в то же время, многогранный опыт России призывает корректного и грамотного общественного лидера (Политика).

Выводы

Хотя в целом (обобщенный портрет) действительные генералы и в целом действительные политики имеют значительные (если не контрастные) различия, отдельные представители той и другой профессиональных групп обнаруживают заметную «размытость» чистого психологического имиджа. Понятно, что первое не может служить оптимистическим фактором в оценке перспектив российской политической деятельности: нынешнее положение в России таково, что исключает какой бы то ни было успех одностороннего управления, будь то «твердая рука» генерала или не менее твердо-зашоренная на западных образцах доктрина гуманитария-политика.

В то же время «размытость» психологического статуса (а извне — имиджа) еще не гарантирует успех деятельности его носителя: необходимо, чтобы соотношение «военного» и «политического» менталитетов было явно в пользу последнего. В настоящем исследовании носителями такого менталитета оказались Г. Явлинский и А. Руцкой. Отвечать на вопрос, почему они только во втором-третьем эшелоне власти — не дело психолога, и все же: думается, что они пока недостаточно синхронизируются с «востребованием» нынешнего российского общества и слишком громко протестуют (каждый в своем ключе) против этого.

По ту сторону Слова

СДЕРЖАННОСТЬ ПРАВИТЕЛЕЙ РОССИИ

*Терпение и время достигают большего,
чем неистовство силы.*

Ж. де Лафонтен

В житейском представлении о государственном лидере часто доминирует один из двух тонов. Или «черный»: властный, жесткий, жестокий, мстительный, злопамятный, сокрушающий все на пути к *своей* цели. Или «белый»: альтруист, мягкий, отзывчивый, застенчивый, сентиментальный, для которого цель — *служение* нации. Это происходит потому, что наши *знания* о человеке всегда погружены в наше оценочное *отношение* к нему.

Да, любой человек ищет свое место «под солнцем». Самый короткий, но, пожалуй, и самый опасный путь — маниакально-агрессивный натиск на все мыслимые преграды. Такие люди, если не переходят границ закона, обычно воспринимаются как реформаторы, пионеры, нонконформисты и даже революционеры. Опасность на этом пути их поджидает в ближайшем окружении (соратники, ученики). Если же закон нарушается (а чтобы избежать этого, такие люди стремятся «войти во власть»), то они почти сразу же попадают в категорию криминалитета. Опасность на этом пути — в более отдаленном окружении, так как здесь им противостоит закон и государство. В «пантеоне» вождей России — личности именно такого плана, о чем, например, свидетельствуют исторические хроники.

Но и специальные психологические исследования также обнаруживают в их характере «плохие» черты, как например: *психопатию* — склонность к нарушению общепринятых норм; *маниакальность* — упорное, но «зашоренное» стремление к цели; *параноидность* — одержимость, подозрительность и злопамятность; *истероидность* — способность привести себя (да и других) в невменяемое состояние, обуславливающее бесконтрольность поведения и вытеснение негативных факторов; скрытность и ограничение внешнего доступа к Я.

Однако, проявлению этих черт противодействуют индивидуально-психологические механизмы *сдерживания*. У одних личностей — это гибкий и острый ум, позволяющий не только адекватно оценивать уместность своих действий в текущей обстановке, но и создавать успешные прогнозы их результативности. У других — циклическая личность жизненного тонуса, не позволяющая глубоко и надолго

«погружаться» в маниакальное состояние. Наконец, у третьих — чувствительная и ранимая эмоциональная сфера, способствующая закреплению навыка осторожности и осмотрительности. Таким образом, окончательный и психологически-корректный вердикт о качестве личностного уклада *правителя* должен выноситься только на основании мощности потенциала сдерживания девиантных свойств, если эти свойства все равно всегда и неизбежно присутствуют в их личности.

Россия переживает не лучшее экономическое время, но лучшее за много десятков лет *психологическое* время: мы стали свободнее и в чувствах, и в мыслях, и в поступках. Возможно, что именно наше время «ищет и находит» толерантных носителей власти, то есть правителей, обладающих большей терпимостью к инакомыслию, большей сдержанностью своих негативных качеств, наконец, большей уравновешенностью своих помыслов и действий. Именно об этом свидетельствует результат исследования некоторых правителей России XX века, приведенный на рис. 18, где в процентах выражен потенциал сдержанности отдельного правителя к общему потенциалу сдержанности для всей группы.

Рис. 18

Почему выбраны периоды, не всегда совпадающие с периодом «самодержавия»? Дело в том, что *энергия* потенциала сдержанности, флуктуируя в разные периоды жизни, все же имеет тенденцию к постоянному *уменьшению* с возрастом (возрастные маразматические изменения личности при жизни «канонизированных» правителей достаточно хорошо известны). Следовательно, максимальная энергия сдержанности должна приходиться на период борьбы за власть, когда политическая активность наиболее заметна, а психологическое здоровье еще не препятствует достижению поставленных целей.

КУМИРЫ

*Кумиров на свете больше, чем реальных ценностей;
таков мой «злой взгляд» на этот мир,
такой и мой «злой слух».*

Ф. Ницше

ВСЯ ДО-ПРЕЗИДЕНТСКАЯ РАТЬ

*Титулы весьма полезны.
Очи заставляют нас знакомиться
с многими личностями, которые иначе остались бы
затерянными среди мусора.*

Г. Шоу

Станислав Говорухин¹⁶⁸

*Как бы приятно, художественно и интересно ни был отделан
фонарь, он прежде всего должен светить.*

О. де Бальзак

Станислав Говорухин: очевидно, что представлять его современнику излишне, и именно из-за популярности не только как политика, но и как художника самого массового искусства — кино.¹⁶⁹ С.Г. и сценарист, и режиссер, и актер нескольких кинематографических «бестселлеров». Но С.Г. «ушел» намного дальше своих коллег-художников, став политическим «бунтарем», находясь в оппозиции сегодняшней власти и весьма активно выражая свои позиции. Пожалуй, можно смело утверждать, что политическая история России до С.Г. не знала крупного общественного деятеля, успешно совмещающего столь различные по природе деятельности, как политика и искусство (хотя мы знаем много примеров подобного «совмещения» в политической жизни Запада), и в этом видятся черты обновления России.

¹⁶⁸ Баллотировался в президенты в 1996 и 2000 гг.

¹⁶⁹ Проблема «художник в политике» была предметом специального исследования. См.: Batov Vitaly. Artists among politicians. // In «EMOTION, CREATIVITY, & ART (Russian—North American Project)». Vol. 1, Perm, 1997, p. 397-404.

Вначале — об общих психологических составляющих личности С.Г. Он почти хрестоматийный представитель «богема». Имеется в виду, что в обыденном сознании артистические натуры представляются, в основном, в двух ракурсах: не от мира сего, шизик, а сам-то понял, что написал?; себе на уме, в тихом омуте... Гуманитарно-научное представление об «инженерах человеческих душ» идеологически совпадает с представлением обывателя: в первом случае это называется шизотимией, в втором — интроверсией. С.Г. в полной мере обладает этими качествами: с одной стороны, внешнее поведение стимулируется, в основном, внутренними факторами (интроверт), с другой — нетипичность мышления, непредсказуемость действий, аутизм (шизотимик). Единственное, пожалуй, что при держивает С.Г. у ворот пантеона «богема» — это его нонконформизм, отторжение сегодняшней действительности, активное противостояние ей. Но для российского гуманитария это как раз характерно: трудно найти период в истории России, когда бы Художник не стоял в оппозиции настоящему режиму власти. Интеллектуально С.Г. вполне сформированная личность. Об уровне развития интеллекта здесь говорить преждевременно (необходимы сравнительные исследования), но вполне уверенно можно заявить, что формы мыслительной деятельности С.Г. высокого качества. Имеется в виду полифония сознания С.Г., когда у личности сформирован навык оперирования чужими идеями как субъектами реальности (такой тип мышления М. Бахтин находил у Достоевского). Впрочем, здесь обыденные представления расходятся с научными: для первых внешние признаки полифонии могут казаться беспринципностью, лицемерием, цинизмом и пр., для вторых — «многоукладность» сознаний в одном сознании свидетельствует только о неординарных способностях интеллекта.

К особенностям личности С.Г. следует отнести явную дисгармоничность психического склада: осознавая определенную нетипичность своих идей, С.Г., в то же время, должен публично их выразить. Здесь — источник тревожности и даже депрессии. Иными словами, С.Г. не принадлежит к клану великих, пишущих «в стол», но ценой психического дискомфорта «пробивает» свои творения. Еще одна особенность личности С.Г.: он не только несет в себе истинно мужское начало (это начало несут многие), но должен «донести» это начало до других. Правда, на этом пути психологических препятствий уже нет, поэтому анимус (здесь: мужественность) свободно трансформируется в художественную форму.

С «прицелом» уже на политическую деятельность соотнесем сильные и слабые черты личности С.Г. К первым можно отнести: само-

По ту сторону Слова

контроль, продуктивность, решительность, осторожность, рефлексивность. Ко вторым: истероидность, импульсивность, депрессивность.

Если идентифицировать психологический портрет С.Г. с аналогичными портретами профессиональных сообществ, то картина вырисовывается следующая: более всего С.Г. «похож» на «коллективного» артиста; далее идет «коллективный» демократ; затем — бизнесмен; следом — литератор; и, наконец, — коммунист.

Итак, какой же политик С.Г.? Пока... никакой (или почти никакой). Основная причина этого — весьма невысокая *мотивация* С.Г. быть политиком и только политиком. В то же время, бесспорно, что потенция С.Г. стать крупным политиком — достаточно мощная, что видно хотя бы из соотношения «плюсов» и «минусов» психологических черт личности. Но, повторим, у С.Г. слишком высок художественно-творческий потенциал и мотив художественного творчества, для того чтобы стать серьезным политиком. К тому же С.Г. интроверт, что говорит о большей погруженности в среду «правополушарных» творцов художественного продукта¹⁷⁰. Он редко идет на компромиссы, что также объяснимо его ведущей деятельностью: Художнику наедине с самим собой (или, что то же — наедине со своим произведением, являющимся, в конечном итоге, персонификацией личности творца) далеко не всегда приходится испытывать отрицательные социогенные влияния, он как бы самодостаточен в своем внутреннем мире. Политик же постоянно преодолевает сопротивление социума, а потому должен быть готов к здравому компромиссу.

Завершая этот набросок психологического портрета Станислава Говорухина, следует подчеркнуть, что, конечно же, личность — это развивающееся психологическое образование. И выносить окончательное заключение о пригодности человека к той или иной деятельности на основании только одного исследования — преждевременно.

Михаил Горбачев¹⁷¹

Недолговечна та власть, которая управляет во вред народу.

Л. Сенека-мл.

Михаил Сергеевич Горбачев — как бы ни развивались события и мнения в России — представляет, безусловно, целую эпоху миро-

¹⁷⁰ Любопытно, что профессиональные российские политики — в основном интроверты. Но предметная среда внутреннего мира у них качественно отлична от среды С.Г.

¹⁷¹ Первый и последний президент СССР. Баллотировался в президенты в 1996 г.

воззренческой революции. Последний Генеральный секретарь ЦК КПСС; первый и последний президент империи СССР; лауреат Нобелевской премии мира; один из тех (но последний ли?), кто нашел в себе мужество вновь бороться за президентское кресло в условиях, когда его политическая карьера, казалось бы, безнадежно разрушена. Такой человек не может быть обойден вниманием психолога, который ожидает нетривиальности личностного склада М.Г. И эти ожидания вполне оправдываются.

М.Г. может быть отнесен к тому психологическому типу, который определяется как «циклотимический интроверт», и это — практически единственное, что сближает М.Г. с большинством крупных политиков сегодняшней России. Напомним, что этот тип личности характеризуется определенной двойственностью: с одной стороны, «закрытость» характера, возведение границ между внешним миром и Я, недопущение «чужого Я» в сферу собственных установок и принципов поведения; с другой — желание «завоевать» этот внешний мир, добиться в нем успеха (для таких людей успех, прежде всего — социальный престиж на ниве общественной деятельности) и одобрения окружающих людей. В поведенческом плане это означает, что такие люди трудно управляемы, хотя общительны, и, как будто, склонны прислушиваться к чужому мнению. В психическом укладе М.Г. эти черты усиливаются озабоченностью каким-то обстоятельством (или идеей), что, в свою очередь, диктует осторожность в поступках: М.Г. предпочитает в основном создавать, а не воплощать сценарии текущих событий.

Но далее открывается весьма колоритная картина особенностей психического уклада М.Г. Он — революционер. Имеется в виду, что он склонен и готов к переходу границы принятых социальных норм и требований. М.Г. дезадаптирован к наличной социальной среде, проявляет неспособность учитывать (или пренебрегает им) пережитой опыт. Он внутренне напряжен и демонстрирует парадоксальность установок, выражая активный протест против существующего общественного «статус-кво». И в этом он обнаруживает твердое и последовательное движение к цели; на этом пути он весьма решителен и бескомпромиссен в своих поступках. Часто это движение окрашено во враждебные (и даже злобные) тона; возможно проявление злопамятности и подозрительности по отношению, разумеется, к окружению, препятствующему этому движению. Такая реакция возникает потому, что именно социальный неуспех предпринятого действия провоцирует резко негативное отношение с его стороны. Мо-

По ту сторону Слова

тивы поступков и их необходимость при этом объясняются внешним провоцирующим воздействием. На этом же пути М.Г. активно ищет и находит субъекта или предмет для реализации агрессивных намерений, которые им актуализируются для преодоления внешнего сопротивления. Агрессивная «революционность» протекает при высокой активности на фоне ярко окрашенной эмоциональности. И это длительно протекающее аффективное состояние может способствовать ригидности мышления, непоколебимости точки зрения, что внешне выглядит как упрямство и заносчивость. Отчасти этому же служит и неадекватная самооценка, что, в свою очередь, отражает явное честолюбие М.Г.

Но при отсутствии провоцирующих факторов свою «революционную» деятельность М.Г. осуществляет под флером законопослушности, в рамках принятых в данное время социальных и этических норм и требований. И здесь он актуализирует весьма широкий диапазон завидных качеств политика-лидера. Прежде всего, стремление доминировать опирается на сугубо мужские черты характера: властьность, решительность, независимость, настойчивость и пр. В комфортных обстоятельствах М.Г. демонстрирует гибкость поведения при низком уровне тревожности, проявляет уверенность при необходимости принимать ответственные решения. Обычно М.Г. планирует свои действия и прогнозирует (успех этого прогноза — дело истории) результаты своих поступков. В тот же «комфортный» период М.Г. явно удерживает (и даже подавляет) тенденции к доминированию и соперничеству, блокирует «всплески» мужского характера, проявляя склонность к самоанализу, и далее — к грусти, застенчивости, неудовлетворенности собой. Революционность М.Г. носит «мягкий», социально-приемлемый характер, хотя подается автором эмоционально насыщенно, и даже театрально.

Обычно М.Г. свойственен оптимизм с оттенком гедонизма, при этом широкий круг интересов, но также и некоторая переоценка своих возможностей. Состояние здоровья не вызывает «утечку» жизненной энергии, оставляя М.Г. постоянно деятельным и инициативным. Живость характера способствует успешному решению трудных задач. Плохое самочувствие вытесняется работой.

Утверждение, что М.Г. неординарная в психологическом отношении личность, разумеется, не может быть перенесено в оценочную шкалу «хороший-плохой» политик, однако, думается, что основания для размышлений в этом направлении все же есть.

Борис Ельцин¹⁷²*Крутой правитель властвует недолго.**И. Шиллер*

Борис Николаевич Ельцин — первый Президент России, уже не империи, но еще и не национальной автономии. Политические и экономические катаклизмы, обрушившиеся на Россию после августа 1991 года, связывают с именем Б.Е. Хотя, как показывает психологический анализ личности Б.Е., эта роль несколько преувеличена и, скорее, связана с традиционным для России поиском «стрелочника».

Б.Е., говоря языком психологии, — интровертированный циклотимик, что означает, во-первых, следование собственным критериям и принципам в повседневном поведении и общении, и, во-вторых, более или менее периодическое изменение общего фона настроения от мрачности, подавленности, тревоги до возбуждения, радости, высокой мотивации и работоспособности. Но, и это следует подчеркнуть, Б.Е. весьма далек от «чистого» типа такой личности. Начнем с того, что состояние здоровья Б.Е. вызывает у него самого некоторую озабоченность, что, как правило, отражается не лучшим образом на той же мотивации и продуктивности деятельности. Это означает, что фаза подавленности в настроении у Б.Е. доминирует, привнося акцент мрачности и замкнутости и в без того замкнутый — «себе на уме» — характер. Удлинение фазы угрюмости в настроении Б.Е. делает его равнодушным ко многим внешним раздражителям, оставляя его безучастным к ряду «судьбаносных» для россиян перемен. Некоторые, как принято говорить, «мужские черты характера» у Б.Е. сглажены, что, возможно, связано с возрастом и той же чертой ипохондрии (озабоченности состоянием здоровья). И в то же время Б.Е. сохраняет высокую мотивацию к укреплению своего общественного положения, что формирует не столь редко встречаемый «букет» черт характера политиков очень высокого ранга (например, И.В. Сталин): честолюбие, высокий уровень притязаний, «застревание» аффектов (то есть их длительное переживание и возвращение к прошлым), подозрительность и злопамятность, высокий самоконтроль. К этому можно добавить некоторую чувствительность и самолюбование Б.Е. Невысокая рефлексия (здесь — спо-

¹⁷² Первый Президент России. Баллотировался на второй срок в президенты в 1996 г.

По ту сторону Слова

способность просчитывать варианты разных «сценариев» своих поступков и их результатов) определяет осторожность в выборе действий и даже некоторую их запоздалость. Фрустрация (здесь — разочарованность) устраняется путем снижения уровня побуждений, утраты соответствующих интересов и, правда, реже — подавления влечений. Неудовлетворенность существующим положением и/или самим собой нередко переходит в душевный дискомфорт, который может провоцировать суицидальные мысли.

Обратим внимание на весьма важный момент: Б.Е. — «человек команды». Он может держать «кормило власти», только опираясь на команду поддержки. И эта команда совершенно не обязательно должна быть монолитом единомышленников, так как решение относительно приоритетов принимается самим Б.Е. Более того, разнообразие позиций участников команды едва ли не столь же важно для Б.Е., как и сам факт наличия команды. Кажется противоречивым, что наличие команды есть обязательное условие продуктивной работы Б.Е., НО принятие решений ни в коем случае не отдается на откуп команде. В этом — авторитарность стиля руководства Б.Е. Но и в этом же — известная слабость такой позиции: вероятность принятия ошибочного решения (ошибочность которого определится позже) здесь намного выше, чем это могло бы быть при конвенциональном подходе.

Владимир Жириновский¹⁷³

Либерал может сделаться министром, но из этого еще не следует, что он будет либеральным министром.

В. фон Гумбольдт

Психологический тип, к которому должен быть отнесен В.Ж., может характеризоваться как «маниакальный интраверт с чертами дистимии». Прежде всего, это человек, «закрытый» от воздействия «чужого Я», внешний мир для него — только «полигон» для воплощения собственных идей и принципов, обратное воздействие практически ничтожно; он как бы «запрограммирован» реализовывать какую-то «сверхценную» идею, преодолевая любые логические или фактуальные препятствия. Но это, однако, вовсе не означает, что В.Ж. слепо и безоглядно идет к цели: его цель глубоко им продумана и он беспредельно в нее верит и ей верен. Отсюда — логичность действий и... «ненужность» обращаться к посторонним советам. Вооб-

Баллотировался в президенты в 1996 и 2000 гг.

По ту сторону Слова

Вопрос о психологическом статусе российского политика, конечно, требует еще длительного изучения. Но хотелось бы, чтобы уже приведенные заметки побудили заинтересованных лиц к размышлениям по этому вопросу, тем более что «герой» этих заметок обещает долгую политическую жизнь.

Геннадий Зюганов¹⁷⁴

*Довольство — философский камень, превращающий в золото все,
к чему он прикасается.*

Б. Франклин

Основная жизненная позиция — следовать *своим* убеждениям. На пути к поставленным целям проявляются «мужские» черты характера: целеустремленность, упрямство, решительность, смелость, а нередко и грубость. Правда, этот путь не окрашен большой интенсивностью прилагаемых усилий, быстротой принятия решений и необратимостью предпринимаемых поступков; скорее наоборот, практические действия воплощаются медленно, осмысленно, многократно корректируясь, но последовательно и неуклонно. Главное — процесс, а не результат. Текущие события создают вполне комфортные условия жизнедеятельности, и поэтому поставленная цель — лишь призрак, несущий желаемое душевное удовлетворение, эмоциональную гармонию, но лежащий где-то там, за горизонтом, к тому же и не совсем отчетливо различимый. Сознание не отягощено стремлением рафинированно спроектировать конечную цель. Честолюбие не настолько велико, чтобы пренебречь имеющимся «здесь и сейчас».

Хороший *тактик*, но не стратег: рефлексивность, то есть склонность к интроспекции или самоанализу собственных состояний, позволяет выдвигать достаточно эффективные предположения о возможном развитии ближних связей (личных и общественных), но не превращается в глубокий анализ и прогноз внешних событий и поступков окружающих. Готовность к компромиссам и новым редакциям избранного пути к достижению единственной цели зиждется на консерватизме позиции и эпигонстве идей.

Как правило, цель деятельности выбирается в соответствии с возможностями. Причем, к этим возможностям отнесены не только собственные потенции, но и ожидаемая (и даже требуемая) помощь со стороны окружения. Благосклонное *окружение* — чрезвычайно важ-

¹⁷⁴ Баллотировался в президенты в 1996 и 2000 гг.

ный фактор, так как в имеющемся «пакете» качеств состоявшегося лидера здесь отсутствует, пожалуй, только одно, пусть и не совсем благовидное, но необходимое «вождю» свойство: безоглядная, фанатическая (возможно, параноидная?) преданность идее, на пути к которой носителем этой идеи разрушаются (а не избегаются) все препятствия.

На момент проведения анализа психическое состояние — в фазе неглубокой *депрессии*, оптимальной для проявления всех психологических особенностей личности. К таким следует отнести прежде всего оригинальность, скорее, необычность мышления. Имеется в виду отнюдь не фантастичность или парадоксальность мыслей, а *несхожесть* их с ожиданиями окружающих от лидера-новатора именно в силу обыденной простоты логики, с опорой на житейскую мудрость. Далее следует отметить *самоконтроль*, осторожность и неторопливость в действиях, внешне выражающих эти мысли. Здесь необходимо обратить внимание на следующее: тогда как внешние действия — речь, мимика, жесты — контролируются, внутреннее состояние окрашено в оттенки обиды, неудовлетворенности и враждебности. Пусть не часто, но «клапан» самоконтроля отказывает, и тогда возможны кратковременные истериоподобные действия: эмоциональный аффект (повышение голоса, внезапные восклицания, прерывание или игнорирование собеседника, «уход в себя»), ажитация (речевая и моторная «раздерганность»), капризность, «глухота» по отношению к внешним воздействиям, немотивированное упрямство, резкость, грубость и неэтичность поступков.

Бесспорно, Г. Зюганов вписывается в коллективный психологический портрет видных российских политиков XX века. Но востребованность *таких* лидеров прямо зависит от политической уравниновешенности и экономического благополучия государства, что, к сожалению, в сегодняшней России мы не наблюдаем.

Александр Лебедь¹⁷⁵

*Кто был хорошим оруженосцем,
сумеет быть и хорошим губернатором.*

М. де Сервантес Сааведра

Все смешалось в «русском доме». Преодолеваются вековые традиции российского воинского клана — не претендовать на выс-

Баллотировался в президенты в 1996 г.

По ту сторону Слова

шую власть в государстве.¹⁷⁶ Поддерживать существующую власть с красными или белыми знаменами — пожалуйста, участвовать в переворотах (опять же — поддерживая уже новую власть) — примеров предостаточно, но претендовать на высший государственный пост (царя, императора, президента) — это явление нашего времени. И этим-то интересен Александр Лебедь, боевой генерал, герой афганской войны, миротворец Приднестровья и Чечни.

А.Л. принадлежит к тому психологическому типу, который психологи (как всегда эклектично связывая типологии разных авторов: в данном случае Кречмера и Юнга) называют «циклотимический интроверт». Это несколько противоречивый тип личности. Действительно, «циклотимический» — от понятия «цикл» и означает периодические изменения в ритме всех жизненных процессов данного человека, и в частности, конечно, процессов психического характера. Следовательно, такой человек должен в какие-то периоды своей жизни испытывать эмоциональный подъем, хорошее настроение, демонстрировать высокую работоспособность, проявлять активность в общении. Причем «чистый» циклотимик в этот период ориентируется на требования окружающей среды и подчиняет свое поведение этим требованиям, так как только такая позиция, естественно, обеспечит ему успех деятельности. Но «интроверт» действует прямо противоположно «социальному заказу», опираясь в своем поведении (а глубже — в своей личностной установке) на внутренние, собственные критерии и требования. Это не означает, что интроверт игнорирует успех или одобрение окружающих людей, но в этом — его проблема: как увязать свое видение мира с требованиями складывающейся ситуации. Правда, в психическом укладе А.Л. несколько преобладает циклотимический акцент, что может свидетельствовать о более «послушном» исполнении социального заказа к «кандидату в президенты». И еще одну особенность психического склада А.Л. необходимо отметить.

Начнем с того, что А.Л. одержим некоей идеей (подчеркнем: «здесь и сейчас», то есть в период анализа созданного текста) настолько, что эта идея определяет многое в его сегодняшнем психическом укладе. И прежде всего это отражается на сглаживании сугубо мужских — в обыденном понимании — черт характера. О содержании этой идеи мы, наверное, можем догадываться. Дело в том, что А.Л. — «стопроцентный» военный, а профессия военного — сугубо

¹⁷⁶ Перевороты «саблями» военных в монархической России несколько не поколебали этого принципа.

мужская. Но с переходом А.Л. на политическое поприще ему, безусловно, приходится сменить «мундир» на «фрак» — и в прямом, и в переносном смысле. Уже в прямом смысле фрак требует смены имиджа, а политическая деятельность требует такой смены в образе. Смена имиджа — вообще труднодостижимая цель для любого человека. А.Л. с присущей ему чертой маниакальности (что проявляется в упрямстве, длительном переживании аффектов, подозрительности, «негибкости» позиций) идет на это, правда, пока не очень уверенно и решительно. И это преодоление «вчерашнего себя», как правило, оплачивается определенными «жертвами» в психическом состоянии: неврозы, депрессии, тревога. А.Л., кажется, «жертвует» не лучшими мужскими качествами в своем характере: подавляет казарменные стереотипы и в речи, и в поступках, смягчает менторский тон отца-командира, избегает категоричности и необратимости решений. Тогда становление А.Л. как крупного политического деятеля — вопрос времени. Но, имея в виду дату президентских выборов, — этого времени А.Л. явно не достаточно.

Элла Панфилова¹⁷⁷

*Женщина редко советуется перед тем,
как купить себе свадебный наряд,*

Д. Аддисон

Э.П. — в психологическом отношении — **достойный** конкурент в команде мужчин, претендующих на кресло второго Президента России. Прежде всего, Э.П. — интровертированная (обращенная «в себя») личность, как и многие PR-раскрученные политики-мужчины нынешней России, что, в общем, мало свойственно «просто» женщинам. Более того, как и немногие **видные** политики-мужчины, Э.П. весьма не похожа на среднего россиянина (коэффициент «типичности» в три раза ниже среднестатистического). Уже это заставляет пристальнее рассмотреть личность Э.П.

Обращает на себя внимание сравнительно богатая **потенция** интеллектуальной сферы: Э.П. не только способна к монологической «проповеди», менторству, но и весьма эффективно пользуется внутренним диалогом (как бы общается с виртуальным собеседником), удерживая сразу несколько идей (полифония) в их логичес-

¹⁷⁷ Баллотировалась в президенты в 2000 г. Фрагмент из «Коммерсант/Власть», № 6, 15 февраля 2000 г., с. 2.

По ту сторону Слова

кой последовательности. Однако это касается механизма оперирования идеями; содержание же самих идей вполне обыденно и банально и укладывается в рамки «жизненного» мышления.

Явно обнаруживает себя весьма любопытная особенность личности: Э.П. заметно «погружена» в игруемую социальную роль. Если верно, что эта роль — политический деятель, то становится понятным, почему столь глубокая идентификация *блокирует* сугубо «женские» черты (отсутствует, например, истероидность, нервозность, сентиментальность, легкомыслие, инфантильность), и, одновременно, *маскулинизирует* личность Э.П. (внося, например, черты решительности, целеустремленности, новаторства).

Но на этом пути внедрения в «мужской» мир Э.П. подстерегают психологические опасности. Дело в том, что в психологическом укладе Э.П. обнаруживаются признаки пролонгации аффективных состояний (длительное эмоциональное переживание стрессовых ситуаций и неоднократное возвращение к этим переживаниям уже после их действия), что может развиваться в болезненную одержимость какими-то идеями. Маскулинизация личности Э.П. также отражена и в *потенции* к «сверх-реформаторским» действиям и девиантным поступкам. Правда, Э.П. пока надежно защищена от внешнего «выброса» нонконформизма и незаконопослушания, прежде всего тем, что она — неадекватно *малоактивна*. Здесь под малоактивностью имеется в виду нарушенное равновесие между психологическими возможностями личности и их поведенческой реализацией (например: высокий интеллект... оказывается непродуктивным, нонконформизм превращается в законопослушание, а неврастеник становится... политиком).

Одной из психологических причин столь невысокой активности для функционирующего политического лидера может быть следующая: осознание своей нетипичности в среде носителей *женского* начала и, одновременно, пребывание в условиях невозможности проявить себя в «мужском» мире, подавляет волю к внешним действиям, перенося акцент борьбы переживаний во внутренний мир. В пользу этого, например, свидетельствует то, что Э.П. весьма внимательно относится к состоянию своего (видимо, не совсем крепкого) здоровья, а это, как известно, достаточно сильный фактор, обуславливающий снижение работоспособности и продуктивности. В этой же плоскости лежит и ответ на вопрос: какой Э.П. политик? Ответ: увы, — малоуспешный, и прежде всего потому, что сегодняшняя среда обитания (мужская «игра» в политику) необратимо порождает у Э.П.

Кумиры

комплекс «второго эшелона», который *приходится* преодолевать еще до каких бы то ни было практических действий. Не будет преувеличением, если сказать, что Э.П. несколько опережает сегодняшнюю политико-психологическую ситуацию в России. Создается впечатление, что Э.П. несколько устала и находится на каком-то рубеже, требующем не столько активной деятельности, сколько отстраненного переосмысления пройденного и сосредоточения на планируемом. Думается, что именно в таком ракурсе (не «судьбоносном») следует рассматривать претензии Э.П. на пост Президента России.

Э.П. — не Коллонтай, и даже не Фурцева. Слишком много «рефлексии» в этой личности, а политика — это ремесло, то есть психологически — навык.

Владимир Путин¹⁷⁸

*Там, где правила игры не позволяют выиграть,
английские джентельмены меняют правила.*

Г. Ласки

В.П. — сбалансированный (синтонный) относительно установок своей деятельности психологический тип. Это характерно для развивающейся личности, еще не вполне отягощенной печальным или радостным опытом жизни, но уже не обремененной максимализмом молодости. Интеллектуальные процессы подчинены «захвату» чужих идей, их дальнейшему присвоению и владению ими как своими собственными. Разносторонность воспринимаемых идей все же допускает предположение, что В.П. в основном — творец гуманитарного плана. Периоды смены настроения неглубоки и быстротечны, уверен в себе, малотревожен, но несколько сентиментален, с немного завышенной самооценкой. Заметная черта — целеустремленность. Однако уже *намечаются* некоторые черты не вполне тривиальной личности.

Так, В.П. обнаруживает явную тенденцию к интровертированности жизненной позиции, что характерно для большинства *видных* российских политиков XX века. В этом — одна из черт «загадочности» русской души: тогда как для европейского мира политик — деятель, который по определению ориентируется на запросы общества (экстраверт), у нас политик — «самодержавный» лидер, кото-

¹⁷⁸ Баллотировался в президенты в 2000 г. Из интервью М. Леонтьеву, ОРТ, февраль 2000 г.

По ту сторону Слова

рый якобы лучше всех знает, куда следует идти, а потому ориентируется на *собственные* критерии (интроверт). Другими словами, российский политик не слуга народа, а его властелин.

В.П. бесспорно обнаруживает способности к неординарному, нетипичному мышлению. Но здесь необходимо иметь в виду, что это — не парадоксальность или фантастичность идей, а практическая смекалка в отыскании многочисленных вариантов требуемого решения, каждый из которых может быть и прост, и очевиден, но в «пакете» они могут вызвать восхищение своей непредсказуемой... обыденностью. При том, что В.П. новатор, от него не следует ожидать разрушительных реформ в «горбачевско-ельцинском» духе. Он весьма осторожен в действиях, причем эта осторожность, что весьма нечасто наблюдается, становится все более заметной с увеличением расстояния от индивидуальных потребностей до мотивов общественной деятельности.

В. П. хорошо держит «маску», или добровольно принятый имидж общественного деятеля. Обнаруживая черты артистизма (несмотря на кажущуюся скупость выразительных средств), В.П. обещает играть далеко не одну социальную роль (сейчас играет роль сильного лидера с явно выраженными «мужскими» качествами). Кстати, черты истероидной артистичности способствуют успешной блокировке и/или маскировке «негативных» черт: запредельного новаторства, неконформизма, агрессивности, импульсивности.

Не очень прост ответ на вопрос об отношении В.П. к законопослушанию. С одной стороны, В.П. показывает явный социальный неконформизм, что характерно для реформаторов. Не часто, но бывает не совсем осторожен в действиях. С другой стороны, у В.П. очень сильны сдерживающие девиантное поведение психологические механизмы, заставляющие его не выходить за границы общепринятого. Так, ему приходится прилагать весьма ощутимые усилия для маскировки «странных» идей или подавления чувства ранимости. Какая из сторон окажется победительницей, зависит от действующих правил, которые при необходимости (например, в экстремальной ситуации) и возможности (например, власти)... могут быть изменены. Но, и это, пожалуй, главное — решение принимается не импульсивно, а продуманно и с прогнозом последствий.

В.П. находится в приличной физической форме, во всяком случае, такой, которая не очень заметно отражается на эффективности исполнения принятых на себя функций.

Юрий Скуратов¹⁷⁹

*Излишнее усердие больше губит, чем улучшает.
Плиний-мл.*

Ю.С. — циклотимический тип с не очень (в момент исследования) четко выраженной интроверсией, когда внутренние побудительные стимулы к деятельности несколько превалируют над внешними обстоятельствами, оставаясь эмоциональным фоном психической активности. Но внешние обстоятельства в данном случае все же в значительной степени определяют поведение «здесь и сейчас». Ю.С. не способен справиться с внешним влиянием, так как недостаточно высок уровень осознания Я. Самооценка глубоко погружена в социальный императив (диктат норм общественного поведения), а потому — неадекватна. Над личностным Я довлеют *присвоенные* требования «сверх-Я». Ю.С. — это чиновник, хорошо исполняющий обязанности, но вдруг обнаруживший (потому как объективно, то есть независимо от него, развивается его карьера), что он стоит гораздо большего. Это случай, когда *роль* определяет Я.

Интеллектуально Ю.С. — состоявшаяся личность. Стиль мышления: отчуждение «своего Я» от «Я-другого», рефлексивность, осознание своей «непохожести». Ю.С. обнаруживает способность временно удерживать несколько сценариев синхронного развития событий. Отсутствует «загруженность» какой-то одной маниакальной идеей. Но все это — весьма поверхностно.

Правда, в целом личность Ю.С. весьма не однозначна, о чем свидетельствует момент амбивалентности чувств: стремление создать себе условия психического комфорта сочетается с опасениями причинить неприятности тем, от кого зависит этот комфорт. Тот же момент определяет и поведение, окрашенное чертами ажитации: обеспокоенная осторожность, невысокая активность, не очень продуктивная деятельность сочетаются с «аморфными» действиями и поступками, лишенными видимой (во всяком случае, со стороны) цели, погруженными в «самобичевание» (вина, ответственность за «наличное», моральный императив).

К *присутствующим* характеристикам личности Ю.С. применима оценка «мало»: малотревожен, малорешителен, маломаскируем, ма-

¹⁷⁹ Баллотировался в президенты в 2000 г. Источник: «Герой дня без галстука», НТВ, февраль 2000 г.

По ту сторону Слова

лооткровенен, малодиссидентен, малоконформен, малопатриотичен. Ю.С. пребывает в субдепрессивном состоянии, и это становится чертой его характера: легкая грусть, неглубокая меланхолия, самоирония. Неглубокая депрессия (возможно, внушенная самому себе как ответ на внешние обстоятельства, ту же «окаянную» ситуацию) подавляет многое из палитры оригинальной личности. Создается как бы блокирующий флёр над присутствующими качествами. Так, Ю.С. — реформатор, но далеко не революционный, то есть довольно осторожный, настолько, что почти... никакой; новаторство и оригинальность идей не доходит по эпатажу; его этноцентризм, окрашенный в патриотические тона, далеко не доходит до границы национализма; оппозиционность обращена прежде всего на самоутверждение; заметная артистичность не превращается в персонифицированную роль. Расстояние от своих до чужих интересов достаточно велико, отсюда — игнорирование или блокировка (бессознательное вытеснение, «забывание») проблем «того, что меня не касается», отказ от завершения действия при неблагоприятном прогнозе.

Весьма важную роль в установлении психического комфорта играет жена. Но и это влияние неоднозначно: следовать советам жены можно и даже целесообразно, но далеко не обязательно. Жена для Ю.С. как бы и зеркало, и домашний барометр, на которые всегда можно посмотреть в экстремальных ситуациях, но на которые смотрят не очень часто, и почти никогда — если все хорошо складывается.

Состояние собственного здоровья не внушает Ю.С. опасений, оставляя в резерве весьма мощную психическую потенцию для эффективной жизнедеятельности.

Константин Титов¹⁸⁰

Немного блеска, немного пыли: что это — герой или бабочка?

П. Туле

Психологический тип — циклотимик, когда психические процессы (эмоциональные и интеллектуальные) цикличны: от высокой возбудимости, интенсивности и продуктивности, доходящей до экзальтации и даже эйфории, до пониженного настроения, мрачной замкнутости, торможения интеллектуальной и двигательной активности. Интеллектуально не отягощен. Понравившиеся чужие идеи

¹⁸⁰ Баллотировался в президенты в 2000 г.

делает своими, забывая, что они были заимствованы. В общении ориентируется на реального собеседника. Избегает риска, но склонен к «игре». Конформист. Законопослушен. Устойчив к стрессовым факторам (крепкие нервы), долготерпим, искренне и полностью погружен в какую-то, ему одному ведомую веру; но в своей — «разрешенной» — среде правит «твердой рукой», оправдывая свои действия той же верой и общепринятыми и разделяемыми им правилами.

В момент исследования — маниакальная фаза при экстравертированной установке: ориентация на внешние условия и требования, когда коррекция поведения осуществляется в строгом русле наличной ситуации; весьма активен, но с завышенной самооценкой.

Возникающий протест «разрешенным» обстоятельствам блокируется и даже подавляется. Весьма осторожен. Очень общителен, но разборчив и избирателен в контактах. Глубина и прочность контактов поверхностна. Достаточно эффективный самоконтроль. Проявляет инициативу, способен на оригинальные решения и поступки, но только в рамках разрешенных статутной социальной роли, то есть способность к реформаторству часто остается потенциальной. Прогноз последствий своих поступков обычно эффективен, так как опирается на уже принятый к воплощению сценарий. Исполнителен. Адекватен в роли формального лидера.

Весьма велико значение принятой на себя социальной роли. Сознание практически полностью поглощено этой ролью: так как атрибуты этой роли заданы, действительное Я не переходит границ роли; действительное Я канонизировано правилами игры. В этом — обеднение Я, которое может быть практически полностью описано принятыми в данном сообществе характеристиками исполняемой социальной роли (в данном случае — характеристиками новорусского провинциального губернатора). Правда, внутри роли используются все разрешенные статутной ролью правила, приемы и способы самоутверждения. И на этом пути ограничений не возникает. Иными словами, поведение строится по принципу: разрешено и реализуется все, что не запрещено правилами социальной роли. И здесь полностью раскрываются индивидуальные психологические черты личности: проявляется склонность к эпатажу (провинциальный лидер становится кандидатом в президенты), склонность к волевому принятию решений, нетривиальность мыслей и действий. Однако слабость этой позиции в том, что к разрешенным могут быть искренне, но ошибочно отнесены не очень благовидные в этическом отношении поступки, а также то, что заявленная ролью разрешен-

По ту сторону Слова

ность действий снимает внутреннюю ответственность за совершаемые поступки (о чем, кстати, свидетельствует отсутствие тревожности). Независимость Я от роли проявляется лишь в осознании возможности укрыться при необходимости за этой ролью.

Завышенная самооценка проявляет себя в том, что выбор цели не всегда соответствует внутренним, личностным возможностям ее достижения. Но недостижимая цель — не каприз, а сознательная установка на беспроигрышное обретение весьма желаемого ореола фактического лидера. Истоки неадекватного поведения лежат в под- сказанной и/или неправильно понятой стратегии общественной деятельности.

Аман Тулеев¹⁸¹

Честолюбие — это нескромность ума.

У. Дэвенант

Психологический тип — интровертированный циклотимик. Смысловые акценты здесь следует расставить следующим образом: в своей деятельности А.Т. опирается на *личностные* критерии, но внутри этой униполярной «закрытости» происходят циклические *колебания* эмоционального состояния, интеллектуальной продуктивности и двигательной активности. Типичным для А.Т. состоянием является *ажитация*: наблюдаемое хаотичное (точнее, не очень глубоко рефлекслируемое) возбуждение, которое скрывает за собой грусть, пессимизм и даже подавленность. Но, и это следует подчеркнуть, «нормальная» меланхолия успешно способствует сдерживанию неконтролируемой «мужской» импульсивности, а также проявлениям некоторой интеллектуальной «странности» А.Т. Что имеется в виду?

С одной стороны, интеллектуальные *механизмы* А.Т. просты и надежны: он всегда хорошо «слышит» собеседника, но при этом всегда же четко разделяет позиции Я и ОНИ. Процесс восприятия (от усвоения до при-своения) «понравившихся» идей носит законченный характер и происходит быстро, то есть А.Т. интеллектуально мобилен и достаточно «раскрепощен».

С другой стороны, весьма лестную оценку можно дать и *содержанию* идей А.Т.: они часто новы и оригинальны. Но А.Т. не оставливается только на этом: новизна и оригинальность идей А.Т.

¹⁸¹ Баллотировался в президенты в 2000 г. Интервью, «Общая газета», № 46, 18-24 ноября 1999 г., с. 5.

может иметь шокирующее действие, так как для обыденного сознания они как бы граничат с фантазиями или снами наяву. Но до широкой аудитории этот шок редко доходит в силу мощного самоконтроля А.Т.

А.Т. весьма эффективно использует свой имидж: он успешно играет не только социальную роль (губернатора), но и роль сильного мужчины. Правда, А.Т. не слишком глубоко захвачен этими ролями: присутствует и мотив, и способность к изменению «маски». Но любопытно, что эта способность не относится к разряду артистических: А.Т. не может играть любую, даже приглянувшуюся ему роль; однако он вполне справится с ролью «для него написанной». Кстати, непреодолимое влечение к смене имиджа, столкнувшись с объективными непреодолимыми препятствиями, порождает состояние безысходности, что служит в данном (лучшем) случае питательной средой для неглубокой депрессии, постоянной сосредоточенности, рассеянной замкнутости — и все это окрашено легкой грустью одиночества и непонимания.

А.Т. уверен в себе, о чем, в частности, свидетельствует отсутствие чувства тревоги. И, что не очень типично, это не делает самооценку А.Т. неадекватной: обнаруженные черты решительности и целеустремленности, прорастающие на фоне очень заметной активности и чуть менее заметного нонконформизма в общем соответствуют самооожиданиям.

Адекватная самооценка отвечает на вопрос о мотивах, заставивших А.Т. баллотироваться на пост Президента России: во-первых, воплощаемый в настоящее время образ губернатора («хозяин» *области* России) оказывается несколько «тесноватым» для А.Т.; во-вторых, «увесомить» этот образ можно только «короной» президента («хозяин» *всего* России); в-третьих, А.Т. справедливо полагает, что создать желаемый образ ему по силам. Но (и это — тот самый случай, когда широкая аудитория знакомится с фантастичностью идей А.Т.) соискатель не слишком обременяет себя прогнозами относительно желаний аудитории, акцентируя свое внимание на процедуре лишь только «примерки» имиджа.

Новаторство А.Т., вкупе с неординарностью его идей, граничит с асоциальностью — весьма критическим отношением к существующему общественному порядку. Но следует повторить, что этот нонконформизм — отнюдь не бредового характера.

Состояние собственного здоровья не вызывает у А.Т. каких-либо серьезных опасений, составляя ощутимый резерв для трудной, но весьма почетной и высокооплачиваемой (учитывая российскую специфику) работы российского чиновника-политика.

По ту сторону Слова

Святослав Федоров^{1 8 2}

*Сердце государственного деятеля
должно находиться у него в голове.*

Наполеон I

Святослав Николаевич Федоров — один из первых «благополучных» свободных предпринимателей еще советской эпохи. И именно это обстоятельство делает его особо привлекательным лицом для психологического анализа (при этом не следует забывать и о том, что С.Ф. — крупнейший ученый-офтальмолог, видный общественный и хозяйственный деятель).

Действительно, в не столь далекие времена сохранить верность рыночной экономике, и более того — преуспеть на этом поприще, мог только весьма не ординарный человек. К тому же С.Ф. не только продолжает успешно следовать по этому пути, но и выражает вполне объяснимые желания занять кресло Президента России.

С.Ф. может быть отнесен к шизотимическому типу личности с чертами интроверта. Первое: шизотимический тип указывает, скорее, на особенности мыслительной деятельности с такими признаками, как оригинальность, «алогичность» (в кавычках, так как этим признаком его наделяет внешний наблюдатель), непредсказуемость. Второе: интровертированность — говорит о стиле межличностного общения; в данном случае имеет место некоторая замкнутость, привычка следовать собственным принципам, иметь свое представление о мире и о себе. Объединяя первое и второе, можно сказать, что С.Ф. демонстрирует некоторую отчужденность в общении, при явном эгоцентризме и необычности мышления. Таким людям вообще-то приходится нелегко в жизни, а уж делать успехи в ней — экстраординарный случай. У таких людей нередки сбои в социальной адаптации, когда они совершают асоциальные (но не уголовно противоправные) поступки в результате недоразумений, неприспособленности к условиям, неосознаваемое™ или неприемлемости социальных норм. Отсюда, неспособность контролировать общение.

Что же «удерживает на плаву» С.Ф.? В нем удачно сочетаются, с одной стороны, ориентации на актуальное (желательное «сегодня и сейчас») поведение, на внешнюю оценку и одобрение окружаю-

Баллотировался в президенты в 1996 г.

Кумиры

ших, со склонностью строить свое поведение исходя из собственных принципов. При этом С.Ф. проявляет в неагрессивной форме обеспокоенность своим социальным положением. Короче — С.Ф. адаптирован к среде обитания, он достаточно компромиссен и осторожен. И его латентная «взрывоопасность» не импульсивна, не хаотична, не бездумна, но лишь самая последняя реакция на безвыходность ситуации.

Далее: С.Ф. обладает способностями к планированию своих действий и прогнозированию результатов своих поступков. И это несколько сглаживает тенденции к доминированию и соперничеству, хотя склонность к демонстрации «лучших» черт своего пола имеет место: С.Ф. свойственна решительность, независимость, настойчивость, уверенность при необходимости принимать ответственные решения, и при этом — гибкость поведения при низком уровне тревожности.

С.Ф. законопослушен: при необходимости и возможности действий, не вписывающихся в принятый социальный стандарт, придает им социально приемлемые формы. Склонность С.Ф. к соперничеству и доминированию реализуется в игровой деятельности, требующей аудитории и положительного подкрепления в форме одобрения и поддержки со стороны окружающих. И еще одна характерная черта: С.Ф. обладает способностью блокировать, подавлять или вытеснять из своего сознания неблагоприятные факторы, в частности факторы, связанные со здоровьем. Иными словами, С.Ф. может быть физиологически подавлен, но психологически активен. И в этом один из факторов его продуктивности и творчества.

С.Ф. — явный лидер новаторского плана, предтеча цивилизованных политиков. И здесь уместно вернуться к его политической карьере. С.Ф. — почти классический тип ученого и одновременно реформатора, ученого-организатора (таких, как Курчатов, Королев). Именно на этом поприще такие люди преодолевают, а нередко и нарушают принятые традиции, то есть становятся революционерами. И, повторим, именно такие люди выходят на политический Олимп во времена социальных катаклизмов (например, Ленин в начале XX века). Но если народ устал и обществу требуется устойчивость и стабильность? Однозначного ответа о приемлемости таких лидеров в эти периоды нет, но повод для размышления социологам и политологам — есть.

Григорий Явлинский¹⁸³

Видеть легко; трудно предвидеть.
Б. Франклин

Г.Я. принадлежит к «циклотимическому интровертированному» типу личности: его эмоции, чувства, умственная активность, поступки... или все то, что определяет психическую деятельность, подвержено изменениям колебательного характера (от возбуждения-экзальтации до торможения-депрессии). Но при этом Г.Я. всегда в своих поступках опирается на собственные критерии. Более того, Г.Я. живет в своем, внутреннем мире. Внешний, реальный мир для Г.Я. — «тот» мир, и он часто просто враждебен; «тот» мир для него понятен, но неприемлем. Но и внутренний мир не доставляет много радости: во-первых, потому, что, в конечном итоге, мир личностного Я формируется под воздействием внешней реальности; во-вторых, защита своего Я от внешнего воздействия постоянно окрашена в мрачные тона.

Когда Г.Я. приходится без большого успеха защищать собственные принципы, в его состоянии появляются черты замкнутости, мрачности, угрюмости, подавленности. Однако это состояние временное и с разной степенью интенсивности переходит в активную и сверхактивную фазу, когда начинают преобладать черты ярко окрашенной аффективности (например, назойливого преследования какой-то идеей на сильном эмоциональном фоне). Причем этот переход обусловлен не только психическим «генотипом», не только воздействиями данной ситуации, но и, что характерно для Г.Я., воспоминаниями прошлых событий и переживаниями бывших состояний.

Активность и решительность выбранной им формы поведения в маниакальной фазе носит печать нонконформизма, а нередко граничит с агрессивным бунтарством. Но, и это следует подчеркнуть, Г.Я. законопослушен. Его поступки могут казаться девиантными, но никогда — противоправными. Кредо Г.Я. — постоянная борьба, но эта борьба не приносит удовлетворения, не становится источником психологического комфорта. И это обстоятельство заставляет предположить, что возможен психологический срыв, который повлечет за собой необратимые расстройства соматического характера (напри-

Баллотировался в президенты в 1996 и 2000 гг.

Кумиры

мер, язвенную болезнь, сердечную недостаточность), избежать которых поможет смена социальной роли. В этом — оптимизм ситуации, так как Г.Я. не склонен к консервации имиджа.

В чертах характера Г.Я. присутствует своеобразная особенность, природа которой не может быть выявлена без дополнительных исследований, и все же: возможно из-за присущего Г.Я. оттенка «меланхоличной замкнутости» характера, такие черты, которые обычно связывают с сугубо «мужскими» (твердость, авантюризм, рискованность, агрессивность) здесь, хотя и незначительно, но сглажены (отчасти блокированы), внося в характер Г.Я. черты мягкости, сопереживаемое™ и сочувствия, чувствительности и застенчивости. И еще одна характерная деталь психического уклада Г.Я.: конфликтные ситуации им преодолеваются не как обычно — компромиссностью, сменой установок, снижением мотивации, а путем разработки и реализации все новых и новых собственных «сценариев» выхода из затруднительного положения. И дается это ему очень не просто, так как обстоятельства часто *должны* его ставить в безвыходное положение, запрещая его собственную инициативу и разрешая то, с чем он не может согласиться. Правда, эти сценарии не фантастического характера, они логичны и предсказуемы, во всяком случае, понятны профессионалам того же уровня политической и экономической сферы деятельное™.

Внимание к состоянию собственного здоровья становится все более заметным, хотя и не вызывает у Г.Я. большого беспокойства, тем самым оставаясь латентным (скрытым) фактором, влияющим на активность и продуктивность работы. Г.Я., похоже — перманентный оппозиционер.

По ту сторону Слова

ЮРИЙ ГАГАРИН: ПЕРВЫЙ ИЗ БУДУЩЕГО ?

Забвение — неперенное условие памяти.

А. Жарри

Интерес к когда-то очень известным людям — цикличен: со времени их жизни он постепенно угасает, возражаясь затем в дни их «юбилеев». Так случилось и с первыми отечественными космонавтами. И первый из первых — Юрий Алексеевич Гагарин — при жизни далеко не был обделен вниманием общественности; теперь же мы вспоминаем о нем только «в связи с...». Психологи, тогда еще люди редкой профессии в советской России, не спешили и, видимо, не будут спешить поделиться своими соображениями с широкой аудиторией о людях действительно героического характера. Конечно, спустя сорок лет после полета Гагарина освоение космоса стало обыденным явлением. И хотя изощренные меры безопасности космонавтов уже позволяют намного понизить «планку» психологических требований к этой профессии,¹⁵⁴ все же бесспорно, что какая-то часть этих требований сохранится еще надолго¹⁵⁵. Но требования к первым были беспрецедентны, а их окончательный уход за горизонт научного исследования лишает нас возможности рассмотреть психологический статус весьма неординарных личностей.

Но сейчас открывается перспектива отчасти восполнить этот научно-исследовательский пробел. Речь идет о методах анализа *скачкового* человеком в русле психогерменевтики. Понятно, что особенностью подобных методов является возможность выявить психологические характеристики автора, не прибегая к прямому контакту с ним. Именно такое заочное общение между исследователем и исследуемым позволяет взаимодействовать и с теми, «кого уж нет», и с «особо важными персонами».¹⁵⁶ Диапазон практического использования таких методов достаточно широк: это и индивидуальные психологические портреты, и коллективные портреты группы лиц по национальным, профессиональным и другим отличительным признакам.

¹⁵⁴ Американцы посылают в космос учителей средних школ, мы — политиков.

¹⁵⁵ Сейчас эти требования связаны, в основном, с длительным пребыванием человека в условиях ограниченного общения (проблема психологической совместимости членов экипажа).

¹⁵⁶ Слово «взаимодействовать» употреблено не случайно: психогерменевтика, оставаясь в идеологическом контексте «герменевтического круга», позволяет *соприкасаться* с личностным Я автора.

В обсуждаемой работе анализировался текст *последнего* интервью Ю.А. Гагарина¹⁸⁷. Почему выбран текст именно последнего интервью? Трагическая (и нелепо-случайная?) гибель первого космонавта человечества была шоком для всей планеты. Мы не выводим из наших результатов никаких предположений относительно *фактуальности* события 27 марта 1968 г. Но, пусть и полумистическое, остается предположение о том, что человек как-то *реагирует* на приближающуюся смерть¹⁸⁸. Интервал человеческой жизни отмечен двумя точками: рождения и смерти. И если мы пока не можем психологически исследовать первое, то необходимо хотя бы попытаться исследовать второе.

Палитра психологических характеристик Гагарина приведена в табл. 11. Интерпретация *совокупности* этих характеристик — и есть психологический портрет.

Вполне правомерен вопрос: насколько психологический портрет, представленный здесь, соответствует действительному? Однозначный ответ может быть дан только после обнародования документальных сведений о психологическом состоянии Ю.А. Гагарина за несколько дней до гибели. Но, думается, что такие сведения или **вообще** отсутствуют, или будут **обнародованы весьма нескоро**. Поэтому пока можно сказать следующее: поскольку метод, как это следует из описания его разработки, основан на экстраполяционной модели, то достоверность заключения четко определена только для лиц, составивших репрезентативную выборку авторов базовых текстов, и эта достоверность — не ниже 80%.¹⁸⁹ Тогда правильность заключений относительно всех других авторов должна опираться именно на эту цифру.

Итак, психологический статус первого космонавта планеты в 1967 году выглядит следующим образом.

Психологический тип: *шизотимический интроверт*.

Со стороны социально-психологического статуса:

Эгоцентричность при раздражительности и тревожности. Закрытие границ своего Я. Сочетание ориентации на актуальное пове-

¹⁸⁷ «24 марта 1968 года. Последнее интервью.» // «Огонек», № 15 (апрель), 1968, с. 32.

¹⁸⁸ Тот же вопрос «реагирования» затронут в исследованиях А.С. Пушкина и В.С. Высоцкого, изложенных в этой книге.

¹⁸⁹ Достоверность заключения определялась на основании статистического сравнения двух списков психологических характеристик автора: первый список — результат анализа текста с помощью изложенного метода, второй список — результат прямого тестирования автора с помощью многофакторных личностных тестов.

По ту сторону Слова

Таблица 11

Характеристика	Вес
Интроверт	0,10
Асоциален	0,11
Адаптирован	0,30
Игрок	0,02
Блокирован	0,22
Шизотимик	0,30
Компромиссен	0,30
Решителен	0,02
Лидер	0,02
Новатор	0,02
Истерик	0,02
Гиперциклоид	0,22
Замкнут	0,24
Активен	0,02
Аутичен	0,31
Растерян	0,37
Квазиконформен	0,37
Осторожен	0,16
Рефлексивен	0,22
Шизоид	0,30
Психопатичен	0,02
Неосторожен	0,02
Гипертимичен	0,02
Застенчив	0,22
Дезориентирован	0,37
Соматоистерик	0,23

дение, на внешнюю оценку и одобрение со склонностью строить свое поведение исходя из собственных принципов. Утверждение своей точки зрения путем апелляции к чужому мнению. Обеспокоенность своим социальным статусом. Возможен «сбой» в социализации: асоциальные¹⁰⁰ поступки в результате недоразумений, неприспособленности к условиям, неосознаваемости социальных норм. Маскировка асоциальных тенденций, но при возможности их реализации поступки обретают социально приемлемые формы. Адаптация к среде за счет компромиссности. Законопослушен. Невысокая мотивация контролировать общение. Внешняя непредсказуемость поступков при внутреннем анализе возникшей ситуации. Способность к рефлексии.

Со стороны интеллектуальной сферы:

Гибкий и творческий ум, необычность суждений, но некоторая поверхностность мышления.

Оригинальность представлений, содержание которых эгоцентрично. Идеи, когда-либо заимствованные, становятся «своими». Ведет внутренний диалог, переходящий в монолог и/или во внешний диалог. События мыслит одновременно. На периферии сознания удерживает сразу несколько идей. Отвлекаемость в действиях. Отказ от завершения действий диктуется нежеланием (защитой от) несения ответственности за неуспех.

Со стороны переживаемого «здесь и сейчас» психического состояния:

¹⁰⁰ «Асоциальные» здесь следует понимать отнюдь не как противоправные поступки, но лишь как не общепринятые большинством.

Резкая перемена настроения, демонстрация повышенной активности. Поведение отражает ситуацию угрозы, неблагополучия. Неглубокая депрессия, и в то же время — независимость и твердость. Самооценка не слишком часто соответствует оценке окружающих. Тенденции к доминированию и соперничеству, склонность к демонстрации черт своего пола. Импульсивность. Недоверие к окружающим. Переживание грусти, застенчивость, неудовлетворенность собой не редко переходит в душевный дискомфорт. Заторможенность реакций, молчаливость, подавленность при переживании неясного беспокойства, растерянность, рефлексия социальной неадекватности, трудности с концентрацией внимания, невысокая продуктивность. Жалобы на состояние здоровья. Стремление к повторным терапевтическим обследованиям.”

Следует отметить, что приведенный психологический портрет — не полная интерпретация всех показанных Гагариным характеристик. Программа была настроена так, чтобы комментировались лишь те характеристики, которые по нормированному масштабу имели вес более 50% в палитре всех выделенных характеристик. Полная интерпретация возможна и целесообразна лишь при сравнении данного заключения с результатом анализа «раннего» Гагарина, например до полета в космос.

Результат автоматизированного (компьютерного) анализа, понятно, несколько «беден» для сколь-нибудь достаточного удовлетворения поиска «истины» исследователем. С этого этапа уже необходимо участие человека-интерпретатора для завершения окончательного заключения.

Группировка ряда характеристик в кластеры, а последних — в факторы говорит о том, что в психологическом плане Ю. Гагарин вполне *типичный* представитель россиян. Типическое сходство со средним россиянином здесь оценивается коэффициентом 0,44.¹⁹² В данном случае вывод таков: Ю.А. Гагарин не может быть отнесен к «идеальному» психологическому типу среднего россиянина, но достаточно близок к нему.

Если попытаться выделить из «типического» что-то «особенное», то, несомненно, привлечет внимание факт амбивалентности

¹⁹¹ Изложенный курсивом психологический портрет — «калька» с текстового файла программы ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС.

¹⁹² Метод нормализован на репрезентативной выборке россиян, при обязательном условии, чтобы русский язык был для них родным. Диапазон типического сходства: от «0» — абсолютная психологическая непохожесть на среднего россиянина, до «1» — полная психологическая идентичность среднему россиянину.

По ту сторону Слова

психических проявлений (в табл. 11 эта черта обозначена как *гиперциклоидность*). Вообще, похоже, что эта черта свойственна российскому менталитету: при явной заторможенности какой-то части психических проявлений, пусть и незначительно, проявляется активность другой части психической сферы деятельности. Действительно, в этом убеждает сравнение *значений* таких характеристик, как аутичен, замкнут, растерян, дезориентирован, с характеристиками активности (активен, лидер, новатор). Но в данном случае баланс энергетике названных полюсов психических проявлений носит циклический характер.¹⁹³ Главное же качество палитры — *одновременность* присутствия тех и других.¹⁹⁴ Принято считать, что *одним* из факторов, провоцирующих амбивалентность в приводимом смысле, является длительная алкогольная интоксикация, что в контексте настоящей работы «звучит» вполне «по-русски»: некоторые факты жизнедеятельности Гагарина не противоречат, по крайней мере, этому отзвуку данного исследования. Но психолог не должен брать на себя ответственность за решение вопроса о *причине* возникновения той или иной аномалии психических проявлений. Он лишь должен выявить психологический факт и дать ему разумную (с точки зрения современной *науки* и своей образованности) интерпретацию.

Продолжая анализ «особенного» в «типическом», необходимо отметить факт мощной *блокировки* личностного Я Гагарина: заторможенность некоторой части психической сферы есть следствие подавления каких-то структур личностного Я какими-то¹⁹⁵ структурами «сверх-Я», то есть структурами, сформированными под воздействием социальных и нравственных императивов социума. Психологическая палитра Гагарина демонстрирует явное подавление индивидуальности: *адаптация* происходит за счет *блокировки* и *осторожности*, результат — *квазиконформизм*. Возможно, что интеллектуальной базой «якобы-конформизма» служит *рефлексия*. Эффект подавления или блокировки демонстрируется невысокой, но все же заметной выраженностью таких качеств, как *психопатия* и *неосторожность*.

¹⁹³ Следует обратить внимание на то, что в период интервьюирования Гагарин находился в неглубоком депрессивном состоянии.

¹⁹⁴ Любопытно сравнить эту черту психологической палитры Гагарина с той же чертой, обнаруженной в психическом статусе, например, Николая II и В. Высоцкого.

¹⁹⁵ Неопределенность выражений (какие-то...) диктуется только одним обстоятельством: Я и «сверх-Я» — многоуровневые и многоэлементные структуры, анализ которых далеко выходит за границы настоящего обсуждения.

Думается, что целесообразно внести еще один штрих в приведенный абрис первого космонавта нашей планеты. В социальной психологии существует понятие «референтная группа». Уже по аналогии с этим можно было бы ввести понятие «референтная психологическая группа». Но оказывается, что в заимствовании нет надобности: Карл Юнг ввел, как основное в своей аналитической психологии, понятие «архетипа». И если внимательно просмотреть контексты использования этого базового понятия («наследуемая часть психики», «психосоматическая природа», «коллективное бессознательное», «смысловое многообразие» и т.д.), то не составит труда аргументировать приемлемость понятия «архетип» для описания сопрягающихся психологических сущностей. Более того, архетип, понимаемый как *неотчуждаемый* атрибут человеческой психики, выводит нас за рамки узкого представления о *похожести* психических укладов разных людей, объединяя психические сущности в историческом, демографическом и профессиональном ракурсах. Говоря о результатах данного исследования, можно констатировать, что архетипическая группа Гагарина — артисты и политики-демократы¹⁹⁶. В контексте настоящей работы это означает, что среди тех и других были и есть психологические типы, сходные с Ю.А. Гагариным.¹⁹⁷ Переводя это на обыденный язык, можно сказать, что; во-первых, Гагарин, конечно же, играл заданную ему социальную роль, и отказаться от этой игры он не мог в силу устойчивой блокированное™ своей *свободы*: во-вторых, свой протест он обращал на себя и... на близких ему людей.

Итак, типичный русский — первый из людей в космосе. Типичный русский — человек будущего? Возможно, что *типичность* героя планеты — сознательная идеологическая установка тогдашнего руководства СССР, и это вполне объяснимо с патриотических русофильских позиций. Но оказывается, что «усредненность героя» — не до конца продуманный проект. Оставался нерешенным вопрос: сможет ли *созданный* герой нести бремя славы достаточно длительное время в условиях тоталитарного общества? То, что мы наблюдаем в палитре психологического статуса первого космонавта, не позволяет дать категорический положительный ответ. Психическая энергия Гагарина была направлена на *защиту* от мощнейшего прессинга¹⁹⁸, а

¹⁹⁶ Артисты и политики-демократы, психологический статус которых идентифицируется с психологическим статусом Гагарина, — см. главу «Пассионарии».

¹⁹⁷ Достаточно вспомнить о российском политике-космонавте (Ю. Батурине).

¹⁹⁸ «Предметность» этого прессинга — за границами настоящего исследования.

По ту сторону Слова

потенциал этой энергии был недостаточно большим, чтобы сколь-нибудь долго противостоять такому давлению. *Психологическая* картина противостояния убеждает в том, что Гагарин не мог нести груз Великого Первого без ущерба своему психическому здоровью.

В целом «проблема» Гагарина перерастает в проблему психологической «устойчивости» создаваемых Первых.¹⁹⁹ Спустя сорок лет мы уже не должны поверхностно (в интересах только идеологии, только политики, только престижа) подходить к проблеме создания Первого человека. Необходимо, наконец, отчетливо понять, что мы «здесь и сейчас» определяем и создаем человека будущего, и поэтому ответственность за величие этого Первого несет поколение создающих.

¹⁹⁹ Здесь уместно вспомнить многие неудачи, связанные именно с созданными Первыми, постигшие российскую культуру в XX веке: это и артисты, и художники, и спортсмены.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ: СМЕРТЬ ГЕРОЯ

Дивная старая Англия.
Да поразит тебя сифилис, старая сука,
ты нас отдала на съедение червям
(мы сами отдали себя на съедение червям),
Р. Олдингтон «Смерть героя»

Отношение Владимира Высоцкого к России, думается, отражено в противоречивом смысле этой тирады. Смысл этот — действительно парадоксален: бесспорно глубокая любовь и безоговорочная преданность России соперничалась им с не менее глубокой и столь же бесспорной пренебрежительной *жалостью* к России советских реалий («обидно мне, досадно мне, да ладно»). Лapidарно это отношение высказал «крутой» генерал-политик А. Лебедь: «За отчизну обидно.» Подобная, как говорят психологи, амбивалентность чувств — весьма тяжелое испытание для любого человека, для гения же — просто убийственна. Нечто похожее было в отношении А.С. Пушкина к тогдашней, якобы «благополучной» России (русские «ленивы и нелюбопытны»). Подчеркнем, что речь здесь идет об «убийственности» именно фактора противоречивости психологического состояния, а не о борьбе за существование в труднотерпимом режиме. В.В., как и Пушкин, хотя и заметно ощущал на себе присутствие цензуры и в своем творчестве, и в личной жизни со стороны правителей, но был терпим властью настолько, что успел достаточно полно выразить свой литературный талант и уже при жизни был признан обществом как выдающаяся личность. И в то же время, судьба того и другого трагична. Пушкин погиб на глупой (и запрещенной властью) дуэли в 37 лет, Высоцкий сгорел в 42 года в пожарище противостояния власти, замешанном на алкоголе. Последнее обстоятельство наиболее характерно для советского периода России: тогда протест *свободной* талантливой личности против «такого» существования был направлен прежде всего на себя, или, как сказали бы психологи, протест превращался в аутоагрессию и деструктивность. Достаточно вспомнить самоубийства С. Есенина, В. Маяковского, М. Цветаевой, А. Фадеева и других менее известных художников слова. Аутоагрессия В.В. повторилась почти «один-к-одному» и в судьбе талантливого актера Олега Даля. Вообще, история творческой личности в России советского периода еще ждет своего тща-

По ту сторону Слова

тельного и глубокого изучения — слишком много трагических «случайностей» произошло за каких-то семьдесят-с-небольшим лет. Но, как это не покажется безнравственным, советская действительность — лучшая «лаборатория» для исследования экстремальных условий, в которых выживает одаренная личность.

Все попытки государства оказывать влияние на умозаключения граждан в спорных вопросах есть зло.

Д. Милль

Психологический механизм саморазрушения личности достаточно прозорливо и доходчиво описал знаменитый психоаналитик Эрих Фромм: «Я здесь не говорю о случайно несостоявшихся тех или иных желаниях, но о блокировании спонтанных проявлений человеческих чувств, эмоций, физических и интеллектуальных способностей, препятствующем осуществлению его продуктивных возможностей. Если на пути тенденции к росту и жизнедеятельности встает преграда, то блокированная энергия претерпевает *изменение* (курсив в цитате — Э.Фромма) и трансформируется в деструктивную энергию. *Деструктивность есть результат ущемленной и искаженной в итоге жизни.* Те индивидуальные и социальные условия, которые блокируют энергию поддержания и развития жизни, способствуют превращению этой энергии в деструктивную, которая, в свою очередь, является источником различных проявлений зла.»²⁰⁰ Следует лишь добавить, что это *зло* в равной степени может быть обращено как вовне, так и на саму личность. И как будто о ваганте XX века и о времени советской России говорит нам Ф. Ницше: «Каждый малейший шаг на поле свободного мышления, самостоятельно устроенной жизни всегда приобретает цену душевных и телесных страданий. Не только ход вперед, нет! сам ход, движение, перемена имели своих бесчисленных мучеников; особенно много бывало их в переходные, полагающие основания столетия.»²⁰¹

Итак, о Владимире Высоцком.

Вначале целью исследования²⁰² было намерение рассмотреть психологические приметы раннего «сгорания» талантливой личности.²⁰³ Но первый же результат психологического анализа текста В.В. нео-

²⁰⁰ Фромм Э. Психоанализ и этика. М: Республика, 1993, с. 166.

²⁰¹ Ницше Ф. Указ. соч., с. 402—403.

²⁰² Исследование проведено с применением программы ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС.

²⁰³ Эта задача — продолжение изучения «латентного суицида», начатого в этой книге исследованием циклоидности характера А.С. Пушкина.

жидано позволил прокомментировать и другой, но уже социально-культурологический вопрос — о происхождении его громкой прижизненной славы, о всенародной, правда, с чертами фанатизма, любви к российскому барду. Культурное значение этого феномена нельзя переоценить, так как «пантеон великих» создается, бесспорно, народным сознанием, которое в данном случае противостояло создаваемому и насаждаемому властями с завидным постоянством имиджу «безнравственности». Но: «Свободный человек безнравствен, потому что во всем он хочет зависеть от себя, а не от традиции».²⁹⁴

Речь идет, прежде всего, о весьма значимой характеристике — *палитре* психологических качеств личности, проявляемых этой личностью в своей жизнедеятельности.²⁹⁵ Так вот, Высоцкий «показал» палитру — третью по объему психологических качеств после Ленина (текст 1910 года) и Сталина (текст 1913 года) за все время работы с программой ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС, то есть с 1972 года. За это время было исследовано не менее 1000 персон, так или иначе оставивших след в российской истории, и, повторю, В.В. — третий в этом списке российских пассионариев.

Ниже приводится исследованный текст — стихотворение, созданное в 1979 или 1980 году, в связи с чем следует отметить два момента. Во-первых, оно написано в возрасте названных вождей, во-вторых, незадолго до своей нелепой смерти. То и другое во многом обусловило именно этот выбор. И параллельно — палитра психологических качеств В.В., «зашитая» в ткань этого текста (табл. 12).

Теперь обсуждение будет касаться двух вопросов: первый — о том, какие психологические качества способствуют становлению народного кумира, второй — есть ли в психологической палитре В.В. признаки «латентного суицида» (нелепая смерть всегда подозрительна).

Психологическая палитра личности — это открытая для чужого наблюдения способность к творческой деятельности. И неважно, будет ли таким наблюдателем исследователь-психолог или обычный неискушенный зритель. Правда, в первом случае эти наблюдения эксплицируются (объективируются) и при определенных условиях могут стать достоянием любого заинтересованного лица; во-втором — эти наблюдения погружаются в Я зрителя, становясь принадлежностью *бессознательного* пласта психики только данного лица.

²⁹⁴ Ницше Ф. Указ. соч., с. 394.

²⁹⁵ Основные положения см. в главе «Лидеры». «Окно» в психический уклад российского политика.

Характеристика	Вес	Характеристика	Вес
Интровертирован	0,21	Аутичен	0,42
Асоциален	0,22	Растерян	0,52
Экстравагантен	0,37	Новатор	0,52
Игрок	0,06	Осторожен	0,20
Законопослушен	0,37	Блокирован	0,37
Оригинален	0,37	Деструктивен	0,37
Эпатажен	0,38	Психопатичен	0,10
Решителен	0,07	Аффективен	0,06
Маскулинизирован	0,01	Артистичен	0,11
Деадаптирован	0,01	Депрессивен	0,37
Забывчив	0,06	Рефлексивен	0,52
Амбивалентен	0,38	Раним	0,37
Замкнут	0,42	Продуктивен	0,43
Активен	0,10		

Меня опять ударило в озноб,
 Грохочет сердце, словно в бочке камень, —
 Во мне живет мохнатый злобный жлоб
 С мозолистыми цепкими руками.
 Когда, мою заметив маету,
 Друзья бормочут: «Снова загуляет», —
 Мне тесно с ним, мне с ним неважно!
 Он кислород вместо меня хватает.
 Он не двойник и не второе Я —
 Все объяснения выглядят дурачки, —
 Он плоть и кровь, дурная кровь моя, —
 Такое не приснится и Стругацким.
 Он ждет, когда закончу свой виток —
 Моей рукою выведет он строчку, —
 И стану я расчетлив и жесток,
 И всех продам — гуртом и в одиночку.
 Я оправдания вовсе не ищу —
 Пусть жизнь уходит, ускользает, тает, —
 Но я себе мгновенья не прощу —
 Когда меня он вдруг одолевает.
 Но я собрал еще остаток сил, —
 Теперь его не вывезет кривая:
 Я в глотку, в вены яд себе вгоняю —
 Пусть жрет, пусть сдохнет, — я перехитрил!¹

Понятно, что чем более распахнуто «окно» в психический уклад автора, тем более он вызывает доверие зрителя, а в конечном

¹ Высоцкий В. Поэзия и проза. М.: Книжная палата, 1989, с. 353.

итоге — его симпатию. Открытость внутреннего Я для другого лица есть одна из главных составляющих того качества образа, который сейчас называют «харизмой». И далеко не случайно, что такие выдающиеся личности, как Ленин и Сталин, еще не будучи вождями, обладали этим качеством. Так, Ленин «показал» 32 психологические характеристики в текстах 1910 года²⁰⁷ (то есть в сороколетнем возрасте), когда востребованность в настоящем лидере партии стала «судьбоносной». Несколько иное направление имеет возникновение «харизмы» Сталина: «раскрытые» им в июне 30 психологических характеристик, обнаруженные в текстах 1913 года (совместная с Н.И. Бухариным в Женеве работа над книгой «Марксизм и национальный вопрос»), были призваны обеспечить благосклонное отношение со стороны интеллектуалов ленинской гвардии к малограмотному бою партии насильственного захвата власти. Причем Ленин и Сталин, став вождями, то есть достигнув своей цели, глубоко *понижили* обращенность к внешнему миру, как бы «закрылись» от проникновения в свое Я. Почему? Ответ очевиден: широко распахнутое окно не способствует сохранению тепла в доме.²⁰⁸ Лидер (будь-то вождь, будь-то кумир) всегда притягивает больше отрицательных зарядов (зависть, ненависть, презрение, агрессия и мн. др.), чем обыватель. Следовательно, сохранить свое Я, а значит творческую свободу и продуктивность, в этих условиях можно лишь, воздвигнув барьеры между собой и другими.

Имея в виду сказанное, посмотрим на палитру психологических качеств В.В. Как видно из приведенной табл. 12, В.В. «показал» 27 характеристик своего психологического уклада. При этом, что очень существенно, палитра харизматического лидера сохраняется и в *то* время, когда В.В. становится действительно (и уже длительное время) всенародным кумиром. Что это означает? Только одно: В.В. осознавал себя еще *не состоявшейся* личностью. Куда же выше? Увы, название вершины, к которой стремился В.В., никогда, к сожалению, никто не узнает.²⁰⁹ Но уже факт открытости в зените славы говорит об экстраординарности российского поэта и барда.

Какие черты столь богатой палитры подчеркивают харизматический образ В.В.?

Сначала рассеем возможное сомнение относительно якобы противоречия между *интроверсией* В.В. и его же богатой палитрой. Да,

²⁰⁷ См. главу «Лидеры». «Окно» в психический уклад российского политика.

²⁰⁸ Применительно к *психике* вполне уместны «энергетические» метафоры, хотя бы потому, что фрейдовское *либидо* есть, прежде всего, психическая энергия.

²⁰⁹ Правда, если этой тайной владеет Марина Влади, надежда еще существует.

По ту сторону Слова

интровертированность личности указывает на обращенность «вовнутрь», но прежде всего это качество отражает источник психической активности. В.В. в своей жизнедеятельности опирается на внутренние критерии, руководствуется собственными установками, и это дает ему *свободу*. Более того, В.В. весьма напряженно оберегает эту внутреннюю свободу, о чем свидетельствуют такие характеристики, как *замкнутость* и *аутизм*. В этом-то кажущемся противоречии — открытости психического уклада в сопряжении с обращенностью в глубь Я — возможно, и лежит тайна гениальности. Но разработка этой проблемы требует более глубокого анализа и, думается, сегодня вряд ли возможного. Здесь же ограничимся констатацией того, что В.В. *снял* «пограничные столбы» с личностного Я, позволив тем самым любое несанкционированное им самим внедрение в свой внутренний мир, но... оставил за собой контроль собственного поведения.²¹⁰ В *таких* психологических обстоятельствах не выживают *психически*. Это — открытые ворота к деструктивности личности и саморазрушению.

Но вернемся к харизматическим чертам личности В.В. Начнем с исторически оправданного для русского менталитета положительно-го качества — бунтарства. В палитре В.В. это качество отражено *асоциальностью*. Обратив внимание на присутствие здесь же *законопослушности*, *блокрованности* и *осторожности* нетрудно сделать вывод, что «асоциальность» В.В. — это бунт художника (вспомним «Гавриилиаду» А.С. Пушкина), но не криминальное поведение. Асоциальность В.В. — это манифестация несогласия художника с наличными социальными условиями в форме использования художественно-выразительных приемов общения с аудиторией.²¹¹

Бесспорно вызывающими симпатию (и уже не только русского человека) являются такие психологические характеристики В.В., как *оригинальность*, доходящая до *экстравагантности* и *эпатажа*. Также не могут не вызывать положительного сопереживания такие черты, как *активность*, *новаторство*, *решительность* и *соперничество* (в палитре В.В. — *игрок*). *Забывчивость* — пожалуй, самая милая черта характера русского человека, всегда и всем говорящая о широте «русской души». И, конечно же, *артистичность* В.В. послужила едва ли не одной из главных причин народной любви: даже многие из тех, кто был индифферентен к песенному творчеству В.В., примкнули к легиону почитателей его таланта после исполнения роли Жиглова.

²¹⁰ Можно провести метафорическую аналогию между этим состоянием В.В. и требованием Л. Троцкого в Брест-Литовске: «ни мира, ни войны».

²¹¹ Гораздо позднее В.В. по этому пути пошел, например, С. Говорухин.

Чуть подробнее следует обсудить черту *маскулинизации* в психическом укладе В.В.

Неискушенный взгляд на проявление сугубо *мужских* черт в характере *мужчины* порождает, бесспорно, положительный образ. Но психолог здесь усматривает более глубокие пласты. Дело в том, что за мужественностью мужчины, с его решительностью, целеустремленностью, новаторством, уместной и здоровой агрессивностью, продуктивностью, рискованностью, раскованностью и пр. лежит... социальная роль, которую играет эта личность в социуме, то есть его *персона*.²¹² Эта роль весьма значима. Убеждают в этом и результаты настоящего исследования. К тому, что уже говорилось о В.В., необходимо добавить нижеследующее соображение, которое, кстати, служит «мостом» между приведенным харизматическим абрисом российского кумира и вопросом о его столь ранней смерти. Речь идет о роли бессознательного в судьбе человека.

Влечение сердца — это голос рока.

И. Шиллер

Персона, как известно, — архетипическая (следовательно, неопознанная и автономная) структура психического содержания. *Запредельная* идентификация с персоной (в данном случае: В.В. — мужественный мужчина, мужчина «в квадрате») нередко ведет к тому, что бессознательное «раскрепощается», прорываясь в сознание Я. И этот прорыв бессознательного, оставаясь даже в лучшем качестве²¹³ индифферентным по отношению к происходящему внутри Я, *блокирует* способность личности реагировать на внутренние события. Следует подчеркнуть, что здесь речь идет уже не о блокировке извне (как об этом выше говорил Э. Фромм), а изнутри личностного Я. Одним из витальных в ряду таких событий является состояние здоровья. Но если личность перестает *реагировать* на состояние собственного здоровья, то это означает, что начался процесс биологического саморазрушения. Тем самым обнаруживается второй, уже внутренний источник блокирования жизнедеятельности В.В. Таким образом В.В. оказался как бы под перекрестным психологическим «обстрелом», блокирующим развитие личности и развитие жизнеде-

²¹² Подробнее о «персоне» см. в главе «Маргиналы». Прологомены к психологии шовинизма.

²¹³ В лучшем качестве, потому что «мужественный мужчина» — это все же положительная роль. Но ведь может быть принята роль и, например, «вора в законе».

По ту сторону Слова

тельности: извне — это отрицательно насыщенный эмоциональный прессинг, созданный идеологией «зрелого социализма» (препятствия в концертах, съемках, выезде за границу, ангажированная властями пресса); изнутри — это прорыв *персоны* мужественного художника-борца, результатом чего становится наплевательское отношение к собственному здоровью. Находим ли мы в палитре В.В. подтверждения сказанному?

Безусловно и в достаточном количестве. Прежде всего об этом свидетельствуют такие черты, как *деструктивность* и *дезадаптация*. О первой уже говорилось (тенденция к разрушению, направленная во-вне или во-внутри и этически оцениваемая как «зло»), вторая же — это неспособность (или нежелание) вписаться «в колею» общественного бытия. Я не апеллирую к малодостоверности «исторических» аргументов «за» или «против» присутствия этой черты в облике В.В., так как суждения типа «с одной стороны...», «с другой стороны...» — равноценны в своей недостоверности. Я обращаю внимание на факт: В.В. «сгорел» по собственной инициативе, спровоцированной внешними обстоятельствами. Эмпирическим доказательством того, что жизнь В.В. была заметно ограничена извне, служит характеристика *блокирован*. В этой работе названная характеристика отражает препятствия, заставляющие личность, в данном случае В.В., испытывать значительные трудности в высоконапряженном исполнении избранной им роли.

Очень близко к дезадаптации примыкает черта *растерянности*, которую, правда, не следует понимать буквально.²¹⁴ Здесь использован, возможно и не совсем корректно, русскоязычный эквивалент психологического термина «фрустрация». Речь идет о переживаемых состояниях личности в условиях *невозможности* достижения поставленной цели. Преодоление этого состояния протекает по-разному у разных людей. Понятно, что «толстокожие», эмоционально незрелые личности охраняют себя уже тем, что не допускают до своего сознания конфликты ситуаций. В этом В.В., как свидетельствует приведенная палитра, *раним*, то есть порог чужого проникновения в ядро личности здесь достаточно низок. В.В. решает такие проблемы двояко: сохраняя свою личностную целостность перед лицом трудновыносимой реальности путем замыкания границ Я (и тогда за рефлексией следует *депрессия*, а затем деструкция), он...

²¹⁴ Однословное название психологических характеристик вообще-то дело безнадежное, если иметь в виду «консенсус» с читателем. Поэтому и требуется, пусть и небольшой, комментарий авторского замысла приводимого наименования.

продолжает творить свои стихи и песни. Подобный, как сказал бы Э. Фромм, садо-мазохизм отнюдь не способствует укреплению физического здоровья. Это — так называемый лояльно-агрессивный выход из состояния фрустрации: лояльный — по отношению к окружающим (но не близким), агрессивный — по отношению к себе. На общее деструктивное, разрушающее направление аутоагрессии указывает черта *психопатии*,²¹⁵ черта вообще-то свойственная мятежным натурам. Но в то время как революционность не может миновать сознания бунтаря, В.В. вытесняет исконное желание «громкого» протеста в бессознательное путем погружения мотива в оболочку *аффективности*.²¹⁶

Наконец, пристального внимания требует характеристика *амбивалентности*.²¹⁷ В палитре В.В. эта характеристика выражает одновременность присутствия в психическом укладе двух, казалось бы, совершенно различных черт: *депрессии* и... *активности*. Это сочетание довольно часто наблюдается в духовности русского человека.²¹⁸ Одной из причин устойчивости амбивалентности в жизни человека может стать *дипсомания*, что подтверждается и в случае с В.В. О разрушающей, или же, наоборот, созидательной роли алкоголя в творчестве талантливой личности я говорить не буду, так как это далеко выходит за границы, очерченные мной в данной работе. Достаточно опереться на весьма распространенное и, на мой взгляд, вполне обоснованное «здравым смыслом» народа мнение о том, что «уход в запой» — это уход от жизненных неурядиц, невыносимость которых становится запредельной, то есть когда удержание Я нравственного гнета «сверх-Я» лежит уже за гранью психических возможностей человека. И вовсе не случайно, что «последний» поступок в *этой* жизни часто стимулирован алкоголем.

Имел ли место в жизни В.В. сознательный суицид? То, что изложено здесь, заставляет дать категорический *отрицательный* ответ, правда, только в части *сознательного*. В случае с В.В. мы имеем дело, отнюдь, не с «маяковско-цветаевским» суицидом. Здесь суицид представлен в форме *бессознательного* саморазрушения, прояв-

²¹⁵ Традиционное — и здесь нет оснований пересматривать эту позицию — рассмотрение *психопатии* связано с выходом за границы дозволенного социально-нравственными нормами.

²¹⁶ Что на языке юриспруденции означает «невменяемость».

²¹⁷ Здесь уже не в метафорическом, как выше, а в прямом значении: диаметрально противоположная направленность.

²¹⁸ Так, сочетание депрессии с гипоманией было обнаружено в психическом укладе Николая II.

По ту сторону Слова

ленного в равнодушии к собственному *телу*, при концентрации всей психической энергии на *душе*. О равнодушии к состоянию собственного здоровья свидетельствует ярко выраженная черта *продуктивности*, которая здесь имеет не только прямой смысл (создание творческого продукта), но и смысл, обратный ипохондрии (чрезмерной, невротической заботе о своем здоровье). Концентрация жизненной энергии на духовном безоговорочно подтверждается значительно выраженной *рефлексией* — способностью и склонностью к продуктивному анализу *собственных* психических состояний. Но этот самоанализ касался именно психических состояний *творчества*, и не был акцентирован хотя бы на психологической окраске соматических (телесных) состояний. Тогда приходится сделать вывод: Владимир Высоцкий не умер, а *погиб* в заведомо безнадежной войне с реалиями его дня. Его суицид остался *латентным*, то есть скрытым даже от него самого. Цель жизни — самоутверждение Я — потребовала жертвы, и эта жертва — Владимир Семенович Высоцкий.

И последнее. Работа начинается эпитафией из Ричарда Олдингтона. Теперь, когда изложено почти все, хотелось бы вернуться к нему же:

«...и вдруг, непонятно зачем, Джордж поднялся во весь рост, и его прошло добрым десятков пуль. «Экий остолоп», — сказал в заключение полковник и кивком простился со мной».²¹⁹

²¹⁹ Олдингтон Р. Смерть героя. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961, с. 58.

КУМИРЫ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЫ:
ДЕВИАНТНЫЕ ЧЕРТЫ
И БОРЬБА ЗА СУЩЕСТВОВАНИЕ

У эпох без больших целей нет и большого искусства.

Б. Брехт

Новая Россия, отменив нравственный императив советского человека (вспомним «Кодекс строителя коммунизма»), мобилизовала в массовую культуру наиболее раскрепощенных своих представителей. Причем всенародного успеха с помощью масс-медиа добиваются только «первые среди первых», те, кто напрочь отрицает ханжество, пуританизм, застенчивость и тому подобные остаточные явления «совкового» прошлого.²²⁰ Конечно, любое предостережение о растлевающем влиянии «крутых» кумиров на их молодых поклонников также будет отнесено к пережитку застойных времен. Но эта проблема образования и воспитания. Психологу же интересно другое: какие психологические механизмы «раскручивают» свободное от нравственных вериг поведение шоу-звезд? С этим «академическим» вопросом связан и «гуманистический» вопрос: легко ли ими преодолеваются, все еще присутствующие в «народном духе», этические нормы и правила?

*Искусство было всегда прекрасным зеркалом
общественного строя.*

Р. Вагнер

«Достать» для психологического исследования звезд шоу-бизнеса сейчас уже практически невозможно — они в категории VIP (особо важных персон), куда они себя причисляют сами и/или куда их заносит народная любовь. Но этого и не требуется. Непосредственный контакт с исследуемым лицом для теперешней психологии —

²²⁰ Справедливость требует вспомнить, что «темные» времена России всегда провоцировали преодоление нравственных границ даже людьми весьма уважаемыми. Вот как об этом пишет 2 марта 1918 г. И.А. Бунин: «Новая литературная низость, ниже которой падать, кажется, уже некуда: открылась в гнуснейшем кабаке какая-то «Музыкальная табакерка»... поэты и беллетристы (Алешка Толстой, Брюсов и так далее) читают свои и чужие произведения, выбирая наиболее похабные. Брюсов, говорят, читал «Гавриилиаду», произнося все, что заменено многоточиями, полностью. Алешка осмелился предложить читать и мне, — большой гонорар, говорит, дадим.» [И. Бунин. Окаянные дни. М., 1990, с. 32]

По ту сторону Слова

давно минувшая необходимость.²²¹ В излагаемой работе был использован один из таких бесконтактных методов психологического анализа — ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС. Принципы этого метода неоднократно излагались, здесь же напомним его суть: психическое своеобразие человека достаточно полно отражено в его речи, следовательно, проводя психолингвистический анализ аутентичных текстов, становится возможным создать психологический портрет авторов этих текстов. Можно сказать и так: порожденное и зафиксированное вербальное сообщение есть «отчужденная психика» его автора, что, понятно, исключает необходимость психологической работы в контакте с самим автором.

Персонажи излагаемого исследования выбраны автором фактически произвольно, следуя только одному неременному условию: персонаж должен входить в элиту нынешней российской поп-культуры.

Вот наши персонажи:²²² Женщины — **Ирина Понаровская, Маша Распутина, Жанна Агузарова, Алена Свириова, Азиза. Мужчины — Валерий Леонтьев, Филипп Киркоров, Иван Демидов, Игорь Николаев, Кирилл Анреев («Иванушки-International»).**

Основная цель исследования состоит в том, чтобы ответить на поставленные выше вопросы в ракурсе **обобщенных** психологических портретов звезд российской поп-культуры. Портреты отдельных персонажей здесь не приводятся, чтобы не «затемнять» фон рационального обобщенного анализа.

Общая палитра психологических характеристик, показанных той и другой группой, состояла из чуть более 30 наименований (из списка в 70 наименований в Базе психологических данных программы ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС). Этот показатель — обычный для среднестатистического носителя российской культуры. Здесь не приводится весь список характеристик палитры обобщенного психологического статуса кумира-женщины и кумира-мужчины по той причине, что, во-первых, в той и другой группе эти списки по качеству практически одинаковы; во-вторых, большая часть одноименных характеристик в той и другой группе статистически неразличимы. Но, и это следует подчеркнуть, палитра психологических характеристик звезд-женщин богаче палитры звезд-мужчин приблизительно на 15%, что говорит о несколько большей вариативности психологических качеств, ак-

²²¹ Один из первых опытов автора см. в: Батов В. Борис Моисеев в фокусе психолога. //«Альтер-Эго», 1994, № 4.

²²² Источник проанализированных текстов: газета «Московская правда» от 6 и 13 февраля 1998 г., вкладыш «Музыкальная правда», рубрика «Цитаты».

туализируемых женщинами в период исследования (здесь: период порождения соответствующего высказывания).

База данных программы ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС — многоуровневая. В частности, в ней предусмотрена группировка близких по психологическому содержанию характеристик в более крупные, которые, в свою очередь, отражают уже новое психологическое качество. Именно этот результат показан на рис. 19.

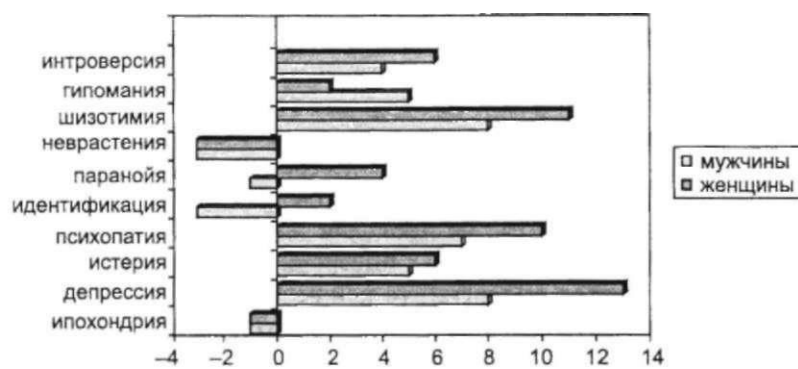

Рис. 19

Что же мы обнаружили?

Первое — это практически чистый тип **делинквентности**, показанный звездами-женщинами. Криминологи и судебные психологи хорошо знают сочетание таких характеристик, как **психопатия, паранойя и гипомания**. Одновременное присутствие этих качеств характерно для криминальных личностей. Но сделать вывод о криминальных наклонностях звезд поп-культуры было бы неверно. Делинквентность здесь должна прочитываться, как **мятежность, революционность, бунтарство, эпатаж**. Звезды-мужчины в этом уступают женщинам, хотя и в их психологическом облике присутствуют две из трех характеристик, необходимых и достаточных для формирования делинквентной личности. И те и другие не переходят прозрачную и зыбкую границу «законопослушной» делинквентности (во многом благодаря блокирующему влиянию депрессии и истерии), подавляя и вытесняя криминальные мотивы.

Второе: психологический **прессинг** на Олимпе поп-культуры весьма силен, о чем говорит выраженность той же депрессии. И особенно чувствителен он для звезд-женщин. Но невротиками наши звезды не становятся, что не может не вызвать уважения и даже восхищения. Это действительно «сильные духом» люди. Вообще же, качество это-

По ту сторону Слова

го «олимпийского» прессинга должно быть весьма своеобразным, так как адаптация к нему идет не по пути подчинения ему (как в армии или тюрьме²²³), а по пути его преодоления. Иными словами, там идет настоящая и бескомпромиссная борьба (или война?) за существование.

Одна женщина порою сильнее тысячи мужчин.

Й. ван ден Бонды

Третье — это «мужественность» российских поп-звезд (на рис. 19 — фактор половой идентификации). Здесь имеется в виду прямое заимствование «звездами» мужских черт характера, таких, как твердость, решительность, агрессивность, выносливость, обязательность. «Звезды-мужчины» (по крайней мере те, которые стали персонажами настоящего исследования) в этом плане лишь подчеркивают свою мужественность, не проявляя тенденции (о чем нередко приходится слышать и читать) к инверсии мужских черт характера. Если и наблюдается инверсия, то как результат игры, а глубже — неуклюжей попытки самостоятельно сделать себе экстраординарный имидж.

Четвертое — это отсутствие какого-либо намека на ипохондрию как у звезд-женщин, так и у звезд-мужчин. Весьма примечательный факт. Дело в том, что жизнь «звезды» (как показывает хотя бы сила психологического прессинга) требует недюжинного здоровья и, следовательно, заботы о нем. Мы же наблюдаем продуктивную трудоспособность, граничащую с пренебрежением к собственному здоровью.

Что же из всего обнаруженного следует? Не претендуя на пророчества, можно допустить, что «век суфражисток» возвращается.

²²³ Батов В. Места вынужденного пребывания: черты психологического прессинга. // «Прикладная психология и психоанализ», 1997, № 3, с. 83—88.

МАРГИНАЛЫ

НОВОРУССКИЙ ЛИК ДРЕВНЕЙШЕЙ ПРОФЕССИИ

Все сладкое имеет примесь горечи.

М. Марциал

Проституция — одна из «странных» профессий, что и обуславливает настойчивое игнорирование этой (действительно, весьма специфической) человеческой деятельности со стороны ученых-гуманитариев, в частности психологов. «Странность» проституции видится сразу в нескольких ракурсах: во-первых, хотя не всегда и не везде, проституция осуждается с *нравственных* позиций²²⁴; во-вторых, путаны²²⁵ почти во все времена были *социальными* изгоями общества²²⁶; в-третьих, проституция очень часто находилась и продолжает находиться вне *правового* поля государства²²⁷. Не правда ли, слишком много запретов? Но несмотря на это, проституция всегда *была* (возможно, что яблоко с древа познания — первая цена за благосклонное отношение к сексуальным претензиям змия-искусителя), *есть* и, что весьма вероятно, всегда *будет* присутствовать в жизнедеятельности человека. Что дает основания так полагать? То, что проституция — явление человеческой *культуры*, факт человеческой *цивилизации* (а цивилизация — это, прежде всего, культура *города*).

²²⁴ Осуждение выражено уже в значении слова (XII в.): *prostitutio* (лат.) — позорю, бесчещу.

²²⁵ В этимологии этого слова (совр. *argo*) — уже проблема: если *puto* (лат.) — размышлять, обдумывать, то сегодняшний смысл, кроме всего, опирается и на *puant* (фр.) — зловонный, вонючий.

²²⁶ Причину общественного ostracizma забавно «обосновал» Ф. Энгельс: **видя** цель продажи своего тела в стремлении... добыть средства к существованию, он, тем самым, относил проституток (их прозвища — зеркало эпох: гетера, **Магдалина**, куртизанка, лоретка, камелия, демимонденка, блудница, путана) к пролетариям, то есть к неимущим и бесправным человеческим существам.

²²⁷ Хотя были периоды легализации и регламентации этой, кстати, чрезвычайно экономически выгодной государству, деятельности и в Древнем мире (доктерионы в Греции и лупанарии в Риме получали государственную лицензию), и в Средневековье (тогда даже Церковь имела коммерческий интерес от этой деятельности), и в Новое время (легализована, например, в Голландии). Основанные на *законе* преследования проституции замечены с начала Реформации (XVI в.).

По ту сторону Слова

Мужчины создают законы, женщины — нравы.
Ф. де Гибер

Можно ли говорить о каких-либо *психологических* особенностях обсуждаемого рода деятельности?²²⁸ Вопрос далеко не праздный. С прогрессом демократии, как известно, увеличивается «число степеней свободы» индивида. Тогда, казалось бы, что снятие социальных запретов должно неизбежно вести к постоянному росту легализованных путан. Однако этого не происходит: субкультура проституции остается локальной и весьма замкнутой структурой даже в самых демократических обществах. В чем причина этой отдельности и избранныости, если нравственный и правовой императивы теряют свою силу?

Налицо психологическая проблема: если сексуальное удовлетворение может быть вознаграждено, то почему это удовлетворение достигается без какой-либо корысти? Несостоятельность ответа, утверждающего, что сексуальное удовлетворение может быть витально самодостаточным, уже в самом факте... *существования* проституции.

Естественно предположить, что в личностном укладе человека присутствуют какие-то *различные* психологические механизмы, одни из которых удерживают личность от перехода за границы бескорыстного сексуального удовлетворения, другие же — благоприятствуют проявлению меркантильности в сексуальной сфере жизнедеятельности человека.

Кроме того, существуют еще два, чрезвычайно интересных именно для психолога, вопроса, связанных с обсуждаемым явлением.

Первый. Сугубо эмпирическое исследование любой «странной» деятельности человека обречено на неудачу: слишком много влияющих факторов необходимо учитывать для того, чтобы корректно и вразумительно ответить хотя бы на часть вопросов, а некоторые факторы — вообще вне сознания исследователя, так как составляют профессиональную тайну «странной» профессии.²²⁹ Тогда остается единственный путь исследования: предложить *теоретическую* гипотезу, которую уже эмпирически попытаться верифицировать, а точнее — фальсифицировать (по К. Попперу²³⁰). Но с теориями в оте-

²²⁸ Здесь не будут рассматриваться, уже давно ставшие тривиальными, вопросы «генетической» и «конституциональной» (4. Ломброзо). то есть *предопределенной*, психологии проституции.

²²⁹ Возможно, что это обстоятельство, наряду с псевдонравственным императивом, служит весомым препятствием к естественнонаучной проработке проблемы проституции.

²³⁰ Фальсификация у К. Поппера — логическая операция опровержения исходной *теоретической* посылки на основе отрицательного вердикта истинности ее *эмпирических* следствий.

чественной психологии, как нетрудно при желании обнаружить, вообще большой дефицит; относительно же данного случая — этот дефицит во многом обусловлен глубочайшим следом от многолетней идеологической печати «кодекса строителя коммунизма».

Второй. Как исследовать субъект «странной» деятельности? Не вызывает сомнения, что добровольным и искренним испытуемым такой человек быть не пожелает. Традиционное же наблюдение, описание видимого и умозрительный анализ внешних признаков поведения путан ничего, кроме спекуляций «на тему о...», не даст. Остается единственная возможность — бесконтактный психологический анализ. Один из сравнительно небольшого числа таких методов, использованный в настоящей работе, — компьютерная программа психолингвистического анализа аутентичных текстов ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС.

Необходимо внести ясность в вопрос о социальном и демографическом статусе субъекта данного исследования. В обсуждаемой работе изучаются психологические особенности *профессиональной* путаны, представленной *неделинквентной* (не отягощенной криминалом) молодой *женщиной* (возраст от 18 до 25 лет) *гетеросексуальной* ориентации.²³¹ Именно эта «чистая» выборка (из, разумеется, гораздо более обширной субкультуры проституции) должна служить полигоном для *поиска* аргументированного ответа на основные вопросы психологии «жриц любви».²³²

Начать целесообразно с «вечного» вопроса: в чем *психологическое* отличие женщины от мужчины? Рамки этой работы не позволяют глубоко погрузиться в его многоаспектное обсуждение, поэтому здесь излагается только один подход — психоаналитический.

У женщин — все сердце, даже голова.

Ж. Поль

Весьма лапидарно, но ясно выразил свое понимание оппозиции «мужчина-женщина» К. Юнг: «Поэтому мы можем ожидать от бессознательного женщины существенно иных аспектов, чем те, которые находим у мужчины. Если бы мне нужно было одним словом обозначить то, в чем состоит различие между мужчиной и женщи-

²³¹ Не рассматриваются вопросы детской и мужской проституции, а также сопредельные вопросы психологии сексуальных меньшинств, так как *психологическая* основа этих деятельностей значительно (возможно и принципиально) отличается от обсуждаемой.

²³² Выражаю признательность редакции газеты «Спид-Декамерон», обеспечившей эмпирический базис настоящей работы (письма в редакцию от функционирующих в настоящее время путан).

По ту сторону Слова

ной в этом отношении, и, таким образом, то, что характеризует *анимус* (курсив — К. Юнга) в отличие от *анимы*, то я мог бы сказать только одно: если анима производит *настроения*, то анимус — *мнения*, и как настроения мужчины появляются на свет из темных глубин, так и мнения женщин основываются на столь же бессознательных, априорных предпосылках.»²³³ Предельно просто, как и многое у Юнга.²³⁴ Обратим внимание на то, что продукт анимуса — мнения, то есть акт *сознательной* деятельности. И не имеет значения, что этот осознанный акт базируется на бессознательном: «Мнения анимуса очень часто имеют характер солидных убеждений, поколебать которые нелегко, или принципов, которые якобы не-прикосновенно обязательны. Анализируя эти мнения, мы первым делом сталкиваемся с бессознательными предпосылками, существование которых нужно, однако, еще обосновать, то есть эти мнения мыслятся так, *словно* (курсив — К. Юнга) такие предпосылки существовали. В действительности же эти мнения совсем не мыслятся, а берутся уже законченными и готовыми, и притом до такой степени фактически и непосредственно убедительно, что женщине даже в голову не приходит сомневаться в них.»²³⁵ Теперь, возвращаясь к нашей проблеме, отметим, что проституция и есть *сознательная* деятельность, не слишком отягощенная интеллектуальной работой.

Какова же роль *мужчины* в духовной жизни *женщины*? К. Юнг как будто рассуждает именно о нашей проблеме: «Соблазнительно думать, что анимус, подобно аниме, персонифицируется в облике *одного* (курсив — К. Юнга) мужчины. Но, как показывает опыт, это верно лишь отчасти, в силу того, что неожиданно возникает обстоятельство, обуславливающее существенно другое сравнительно с мужчинами положение дел. А именно, анимус является не как *одна* персона, а скорее как *множество*».²³⁶ Для нас это весьма значимо: анимус персонифицируется во *множестве* мужчин, мужчин самых разных настолько, что в совокупности они выражают весь мужской пол без каких-либо ограничений. И снова, возвращаясь к нашей теме, напомним, что проституция как профессиональная деятельность именно *требует* снятия ограничений к контрагенту (в частности, к клиенту).

²³³ Юнг К. Психология бессознательного..., с. 275—276.

²³⁴ Пояснения к этому касаются только понятий: *анимус* — присутствие в психологическом укладе женщины *мужского* начала; *анима* — присутствие *женского* начала в психологическом укладе мужчины. И то и другое — *архетипы*. Следовательно неотчуждаемы, автономны и бессознательны.

²³⁵ Юнг К. Психология бессознательного..., с. 276.

²³⁶ Там же, с. 276.

Необходимо подчеркнуть: сказанное об архетипе (анимус) и «правостороннем» сознании (мнение о Мужчине эвристичны и спонтанны) — всего лишь *признаки* связи бессознательного со специфической обсуждаемой деятельностью, которые свидетельствуют только о том, что в психическом укладе женщины присутствует механизм, обуславливающий потенциальную способность к проституции. Но значит ли то, что все женщины, у которых рельефно выражен анимус, обязательно становятся проститутками? Вовсе нет.

В глазах женщины идея всегда имеет лицо.

Ф. де Круассе

Во-первых, все зависит от уровня погружения в анимус, от глубины *идентификации* с мужскими персонами анимуса. Снова призовем К. Юнга: «Охваченной анимусом женщине всегда грозит опасность потерять свою женственность, свою хорошо прилаженную женскую персону, точно так же, как мужчина в подобных обстоятельствах рискует феминизироваться. Такие психические изменения пола зиждутся исключительно на том, что функция, относящаяся к внутреннему миру, оборачивается наружу. Причина этой перевернутости — конечно, недостаточное или вовсе отсутствующее признание внутреннего мира, автономно противостоящего внешнему и предъявляющего столь же серьезные требования в отношении адаптации, как и внешний мир».²³⁷ Перевод сказанного в контекст эмпирического анализа означает, что в психологическом укладе «состоявшихся» проституток следует ожидать заметную выраженность *анимуса*, при отсутствии или весьма слабой выраженности способности к *рефлексии* (самоанализу состояний), что, как правило, является результатом невысокого *интеллектуального* развития.

Во-вторых, необходимо учитывать, что в психологическом укладе любого человека присутствуют *компенсаторные* механизмы, которые сдерживают или блокируют гиперактивность отдельных функций. В теории эти психологические механизмы могут быть только очерчены, так как их достаточно много и действуют они в разных направлениях: отчасти — это всегда актуализированные, то есть функционирующие на одном уровне длительное время (например, механизм униполярной депрессии); отчасти — это латентные и потенциальные, актуализация которых обусловлена сигналом какого-либо внешнего или внутреннего фактора (например, циклотимичность

²³⁷ Там же, с. 279.

По ту сторону Слова

обусловлена прежде всего фактором времени). Но какие из них функционируют «здесь и сейчас», бесспорно, зависит от наличных условий жизнедеятельности человека.

В-третьих, конечно же, весьма существенную роль играют «социопатические» личностные свойства: можно предположить, что *психопатические* и/или *паранойальные* аномалии должны встречаться гораздо чаще в психологическом статусе путан по сравнению с бескорыстными «жрицами любви». При этом необходимо различать криминальную (делинквентность) социопатию и конформистскую асоциальность (девиантность): в первом случае речь идет о нарушении законополагающих норм, во втором — о несоблюдении общепринятых этических правил в рамках законопослушности. Думается, что для путан характерен второй момент: хотя их нравственные критерии шире поля конформизма, но поведение строго диктуется законами своей субкультуры, то есть они... правопослушны.

Что же гипотетически представляет собой психологический облик проститутки?

Можно предположить, что это: 1) маскулинизированная личность с «мужскими» чертами характера, такими, как: решительность, целеустремленность, гиперактивность, агрессивность, настойчивость, рискованность, импульсивность, — то есть с выраженным анимусом; 2) при психопатической ориентации; 3) невысоком интеллекте; 4) заметном самоконтроле девиантных склонностей; 5) некотором пренебрежении к состоянию здоровья.

Ответ же на вопрос о *реальной* возможности Женщины состоится как проститутка лежит в области *эмпирии*, так как функция *вневременного* анимуса регламентируется актуализируемыми в текущее *время* психологическими атрибутами личности. И кроме того, эмпирия времени (конец XX века), эмпирия социально-экономических условий («мутация» тоталитаризма в демократию), а также эмпирия пространства (евразийская Россия) должны ответить и на вопрос о специфике *новорусского* лика проституции.

Исследование

Основной результат эмпирического исследования (психологический спектр новорусских путан) отражен в табл. 13.

Фальсифицирует ли эмпирия сделанные предположения? Из приведенных в таблице экспериментальных данных следует, что в основном и убедительно — не фальсифицирует.

Таблица 13 Действительно, п. 1 —

Характеристика	Значение
Интроверсия	0,20
Асоциальность	0,21
Маскулинизация	0,01
Правопослушность	0,35
Эпатажность	0,01
Блокированность	0,35
Оригинальность	0,10
Целенаправленность	0,10
Решительность	0,07
Амбивалентность	0,35
Замкнутость	0,40
Активность	0,03
Аутичность	0,22
Последовательность	0,37
Конформизм	0,37
Осторожность	0,01
Девиантность	0,10
Психопатичность	0,03
Нерефлексивность	0,37
Неипохондричность	0,22

«блок» маскулинизации — представлен практически в полном объеме: *маскулинизированная* направленность дополняется *решительностью, целенаправленностью, настойчивой последовательностью, активностью* и *амбивалентностью*. Последнее предполагает *импульсивность* и *рискованность* действий и поступков.

«Блок» психопатической ориентации — п. 2 — представлен *асоциальностью* (в значении, данном выше), *эпатажностью, девиантностью* и *психопатичностью*.

Интеллектуальная незрелость — п. 3 — отражена весомостью *нерефлексивности, при замкнутости* и *аутичности*, что возводит дополнительные преграды осознанию Я.

Заметный контроль девиантных наклонностей — п. 4 — обнаруживается в *правопослушности, блокированности* делинквентной устремленности, *конформизме* установки и *осторожности* в действиях.

Наконец, индифферентное (точнее, не столько безразличное, сколько неакцентированное) отношение к состоянию своего здоровья — п. 5 — отчетливо иллюстрируется *неипохондричностью*.

Следует отметить, правда, факт фальсификации предположения о *параноидности* путаны. Этот факт может означать, что *новорусская* проституция как профессия не требует глубокого *эмоционального* погружения, то есть не требует *маниакальной* преданности ни цели и смыслу деятельности, ни контрагенту (в частности, клиенту) деятельности, ни способам деятельности. А коротко: проституция — *психологически* «легкая» профессия²³⁸ для сознательно избравших ее представительниц прекрасного пола новой России.

²³⁸ Может быть, народ прав, относя проституток к женщинам «легкого поведения»?

По ту сторону Слова

Выводы

Можно ли на основании изложенного исследования ответить на вопрос о психологической специфике современной путаны? Да, но ответ не будет исчерпывающим потому, что настоящую работу необходимо рассматривать лишь как фрагмент тематически аналогичного, но более масштабного и многоаспектного будущего исследования.

И все же некоторые заключения вполне допустимы.

В *психологическом* облике любой женщины скрывается психогенетическая опасность потерять *женственность*. Но действительная потеря обнаруживает себя далеко не во всех случаях. Одним из таких случаев является сознательный выбор проституции как профессии. Психологическими предпосылками выбора именно этой «странной» профессии становятся следующие *взаимосвязанные* аномалии психологического уклада:

- запредельная идентификация с анимусом (маскулинизация личности);
- относительно невысокий интеллект²³⁹;
- присутствие в психологическом статусе девиантных наклонностей;
- конформизм в «своей» маргинальной субкультуре, и... нонконформизм в Культуре.

Что же касается вопроса специфики *современной* путаны, то здесь ответ не столь конструктивен. Вот высказывание одной из профессиональных проституток: «... *а вообще — это мое призвание. Эта работа сильно затягивает, привыкаешь к большим деньгам, сексу за деньги; сейчас я, наверное, уже не смогла бы переспать с кем-то бесплатно. Мне кажется, если бы профессиональные проститутки со стажем писали бы мемуары, люди бы, наверное, ужаснулись* (выделено В. Батовым)». Похоже, что со времен Древнего Рима мало изменилось наше противоречивое отношение к этой «странной» профессии.

Вневременность проституции лучше всего может быть охарактеризована библейским изречением:

«Нет ничего нового под солнцем.»

²³⁹ Здесь в значении: как *понимание отношений*, но отнюдь не как уровень образования.

ЗАПИСКИ ИЗ НОВОРУССКОГО
«МЕРТВОГО ДОМА»

*...человеческое существование...
есть заброшенный проект.*

Х.-Г. Гадамер

*Когда я вспоминаю, что бог справедлив,
я содрогаюсь от страха за мою родину.*

Т. Джефферсон

Говорить о глобальном извержении российской преступности в постсоветское время настолько же больно, насколько и... банально. Первое понятно и потому объяснимо; второе — потому, что власть, демонстрируя всему миру абсолютное бессилие перед этой лавиной грехопадения, камуфлирует свое неумение справиться с проблемой бесконечными и бесполезными разговорами о ней.

Но, думается, бессилие власти проистекает и от незнания (или нежелания знать?) хотя бы некоторых фактов, добытых в кабинетах «ученых мужей». Правда, справедливость требует признать и некоторую пассивность самих ученых, подвизающихся на ниве криминологии и криминалистики. Не исключено, что над ними до сих пор довлелеет бывшережимный изоляционизм. Однако проблемы преступности изучаются не только в правоохранительных органах, и это, понятно, снимает с работающих там «высоколобых» гнет запретов и надуманных традиций умолчания.

Одной из многочисленных важных является проблема психологической «ипостаси» личности правонарушителя, так как, очевидно, что не только социально-экономический уклад общества способствует правонепослушанию, этому также могут способствовать особенности психического склада человека, нарушившего закон.²⁴⁰

Наибольшую трудность в изучении личности правонарушителя представляет недоступность «реципиента».²⁴¹ Но сегодня это не является проблемой. Речь идет об анализе психологических особенностей человека на основе исследования продуктов его письменной-речевой деятельности.

²⁴⁰ Разумеется, речь не идет об отдельных случайных преступлениях на почве социальной дезадаптации.

²⁴¹ Изучать «преступника на свободе» — нонсенс, а «достать» его в местах лишения свободы — прерогатива правоохранительных органов.

По ту сторону Слова

Известно, как заключенные нуждаются в общении с «волей». А средством такого общения служат их письма, то есть как раз тот материал, который позволяет изучать обсуждаемую проблему.

Графологический анализ, то есть исследование психологических особенностей автора на основе графики его письма, осуществлялся с помощью широко распространенного компьютерного метода, разработанного, кстати, для нужд криминалистики.

Материалом анализа служили письма заключенного, осужденного на момент проведения исследования в четвертый раз.²⁴² Период исследования: март 1996 г. (начато заключения) — февраль-март 1997 г. (вынесение приговора).

Воронам все сходит с рук, голубям — никакого прощения.

Д. Ювена I

Несколько слов об авторе писем. Возраст — 26 лет, женат. Он из вполне благополучной московской семьи. Образование — среднее. Первая судимость (в «матолетке») за угон «хороших» машин (и это стало его криминальным имиджем), поэтому здесь он именуется как БМВ (любимая марка криминальных авторитетов). Вторая и третья судимость — те же проблемы, отягощенные кражей. Последняя судимость — за ограбление. Анализируемые тексты написаны в следственном изоляторе Москвы.²⁴³

Один из первых вопросов, продиктованных порывом критики любой научной работы, звучит так: а может ли автор исследования частной проблемы переносить выводы на генеральную совокупность подобных явлений? В данном случае ответ на этот традиционный вопрос состоит по крайней мере из трех слагаемых.

Во-первых, вряд ли возникают сомнения в том, что исследуемые явления существуют и во многих других случаях, которые обусловлены подобными обстоятельствами. В то же время, отсутствуют какие-либо основания считать, что картина этих проявлений в данном исследовании уникальна, неординарна и пр. уже потому, что выбор субъекта исследования случаен и типичен.

Во-вторых, следует обратить внимание на «идеологическую» близость индивидуально-психологического анализа и медико-кли-

²⁴² Автор благодарит мать и жену подсудимого за разрешение использовать его письма в настоящей работе.

²⁴³ Персонаж настоящей работы — обычный российский правонарушитель. И это не случайно: исследовать лидеров преступного мира, всяких япончиков и михасей, значило бы заведомо уйти от анализа «нормы» российской преступности.

нического исследования: в том и другом случае методологической основой служит анализ общего в частных проявлениях, и в этом естественные науки (основанные на эксперименте и количественном анализе) отличаются от наук социологического направления. Прекрасным примером этого служат работы психолого-клинического содержания иерарха отечественной психологии А.Р. Лурия.

В-третьих, следует различать понятия «типическое» и «тождественное». Когда речь идет о психологических проявлениях, обусловленных системой обстоятельств и условий (а именно системой является пенитенциарный комплекс мероприятий), то мы вправе говорить о типическом и, разумеется, не говорить о тождественном.

По причинам, изложенным чуть ниже, вначале следует привести результаты графологического анализа писем нашего персонажа.

Он успешно усваивает принятые в обществе формы поведения, традиции, взгляды. Можно квалифицировать как обычного человека. Реализм, практичность, трезвость суждений. Может реализоваться практически в любых сферах деятельности.

Чрезмерный контроль поведения, вероятны неуверенность в себе, осторожность, мнительность. Чрезмерная самокритичность. Полезен в областях, требующих педантичного и скрупулезного выполнения правил, инструкций, тонкой ручной работы. Высокий контроль поведения вплоть до контроля эмоций. Очень подходит для деятельности, где нужны высокая стрессоустойчивость, выдержка, спокойствие, терпение.

Может вести «двойную игру», скрывать истинные чувства. В коллективе держится обособленно, хотя это может не проявляться внешне. Вероятны наблюдательность, умение входить в доверие, использовать человека в своих целях.

Реализм, рассудочный подход к решению проблем. Легко приспосабливается к требованиям обстановки. Хорошо развиты принятые в обществе формы поведения. Сбалансированность эмоциональных и рассудочных, логических мотивов. Дисциплинированность, исполнительность, добросовестное отношение к порученному делу. Серьезность, вдумчивость, рассудительность. Возможны черты излишней скрупулезности, педантичности. Скорее всего, любит животных.

Стремление к эффективным психологическим положениям, публичному признанию, демонстративность. Вероятны мечты о величии, ярких публичных выступлениях, общественном признании.²⁴⁴

²⁴⁴ Выделенное курсивом — «калька» текстового файла программы ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС.

По ту сторону Слова

Итак, первая причина, по которой вначале приведен результат графологического анализа, состоит в том, что графика письма нашего персонажа за период исследования не изменялась и, соответственно, психический статус БМВ остается тем же самым.

Однако этого нельзя сказать о результате психолингвистического анализа. Но выявление изменений психических проявлений требует определения динамичного состояния, в котором пребывает наш персонаж. Таким состоянием является фрустрация — переживание невозможности достижения цели, так как бесспорно, что в ситуации принудительного заключения основная цель осужденного — обретение свободы.

Психолингвистический анализ с помощью метода ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС дал следующую структуру личностных свойств (табл. 14).

Таблица 14

Характеристика	Вес	Характеристика	Вес
1996 г., март		1997 г., февраль-март	
Интроверт	0,062	Интроверт	0,053
		Адаптирован	0,026
		Истероид	0,026
		Шизотимик	0,026
		Компромиссен	0,026
Решителен	0,062	Решителен	0,053
Маниакален	0,062	Маниакален	0,026
		Артистичен	0,026
Замкнут	0,062	Замкнут	0,053
Астеничен	0,031	Астеничен	0,026
		Аутичен	0,026
		Квазиконформен	0,026
		Осторожен	0,026
Застенчив	0,062	Застенчив	0,053
Циклотимичен	0,062	Циклотимичен	0,026
Равнодушен	0,031	Равнодушен	0,026
		Соматоистерик	0,026
Ипохондричен	0,062	Ипохондричен	0,026
Агрессивен	0,031		

Результат неоспоримо свидетельствует о заметной эволюции психологических проявлений за сравнительно небольшой отрезок

времени. В то же время, объединив психологические черты показанных периодов, нетрудно сделать вывод о том, что приведенное графологическое заключение достаточно точно описывает эту совокупность.²⁴⁵ Тем самым — и это вторая причина — необходимость в изложении развернутого заключения по результатам анализа с помощью ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС отпадает.

Но, повторим, из приведенной таблицы следуют несколько весьма характерных особенностей эволюции психологического имиджа нашего персонажа, которые можно назвать *типическими*.

*Исправьте условия жизни людей, и люди станут лучше,
дабы быть достойными этих условий.*

Х. Флетчер

Во-первых, и это главное, — происходит весьма интенсивный процесс *адаптации* к условиям содержания под стражей. Этот процесс идет в двух направлениях. С одной стороны, актуализируются скрытые до заключения свойства характера: компромиссность, осторожность, артистичность. С другой — происходит или трансформация, или углубление проявленных ранее качеств: замкнутость превращается в аутизм, ипохондрия демонстрируется в соматоистерии, агрессивность камуфлируется квазиконформизмом. В том же направлении реактуализируются интеллектуальные наклонности и способности (особенно прогрессирует шизотимический стиль мышления), а также эмоционально-волевые черты (например, истероидность, которая провоцирует невроз). Таким образом, фрустрация преодолевается адекватными психическими реакциями.

Во-вторых, уже количественная разница в палитре того и другого периода говорит о том, что условия существования оказываются *экстремальными*, прежде всего в плане трансформации личности. И этот эмпирический факт хорошо согласуется с обыденным представлением о том, что «тюрьма делает преступника». Но из этого же эмпирико-психологического факта следует весьма нетривиальное заключение: если, сохранив психический прессинг той же интенсивности, изменить качество тюремного содержания, то результат пенитенциарного насилия может быть совершенно иным. Да, тюрьма делает «другого человека», но этот «другой» в других условиях пенитенциарной среды обитания может и не стать рецидивистом (а далее и «вором в законе», так как адаптация хорошо согласуется с «воровским кодексом»).

²⁴⁵ Во многом это обусловлено тем, что и в том и в другом методе использован словарь многофакторного личностного теста MMP1.

По ту сторону Слова

В-третьих, адаптация (преодоление состояния фрустрации) обычного заключенного происходит под знаком пассивного и/или лояльного приспособления к условиям заключения (возможно, что элита преступной субкультуры показала бы здесь противоположный результат: например агрессивную реакцию на фрустрацию), что хорошо объясняет эффективную подготовку и наличие огромного резерва рядовых функционеров криминального мира.

В-четвертых, столь быстрое и глубокое изменение психологических проявлений дает основания для весьма не оптимистического предположения о необратимости психических трансформаций. Это не означает рождение «личности преступника», однако значительно повышает вероятность готовности вернувшихся из «мест не столь отдаленных» к повторным правонарушениям.

В-пятых, имея в виду криминальную «карьеру» нашего персонажа (рецидив), а также его психический статус в начале последнего заключения под стражу (человек с «воли»), следует признать весьма сильное психолого-реабилитирующее действие свободы. Этот уже оптимистический вывод заостряет проблему социально-экономического уклада общества, призванного к возвращению «заблудших». Иными словами, правопослушание должно формироваться не в местах заключения, а в местах гражданской свободы.

ПРОЛЕГОМЕНЫ К ПСИХОЛОГИИ ШОВИНИЗМА

Я есть другой.

А. Рембо

Существует мнение, и достаточно распространенное, что психология *еще* не наука. Основной мотив подобных заявлений в том, что традиционно сохраняется неудовлетворенная потребность в *едином* подходе к изучению духовной составляющей человека. Действительно, явно многовато в мире человеческого знания различных «психологий». Но это слишком слабый критерий для того, чтобы лишать психологию статуса науки, так как возможно, что многочисленность школ, направлений, подходов говорит лишь о глубине изучаемого явления (ведь сосуществуют, например, ньютоновская и квантовая *физики*). Бесспорным (но, разумеется, не единственным) критерием научного подхода остается *объективность* и *проверяемость* получаемых данных.

«И, наконец, о психологизме. Я опять же допускаю, что решение принять некоторое базисное высказывание и удовлетвориться этим причинно связано с нашим восприятием, в особенности с чувственными восприятиями.»²⁴⁶ Согласимся, что прикладная наука возникает из психологических побуждений. Бесспорный побудительный мотив обсуждаемого исследования заставляет рассмотреть психологию шовинизма в контексте социально-психологических явлений современной России. Расположим эти явления в порядке усиления акцента от этнической толерантности к этническому изоляционизму: *патриотизм — этноцентризм — шовинизм — нацизм — фашизм*. Психологический коррелят этого развития — ксенофобия — может быть описан, как страх, погруженный в нетерпимость, враждебность, агрессивность. Таким образом, предметом психологии шовинизма становятся *состояния*, переживаемые человеком под воздействием националистических идей.

Материал обсуждения? Вот его начало.²⁴⁷

²⁴⁶ Поппер К. Указ.соч., с. 140.

²⁴⁷ Приведение фрагменты — лишь часть материала исследования. Общий объем проанализированных текстов — около 3000 слов.

По ту сторону Слова

...правители современной России это — запятнавшие себя кровью низкие преступники, это — накипь человеческая, которая воспользовалась благоприятным для нее стечением трагических обстоятельств, захватила врасплох громадное государство, произвела дикую кровавую расправу над миллионами передовых интеллигентных людей, фактически истребила интеллигенцию и теперь, вот уже скоро десять лет, осуществляет самую жестокую тиранию, какую когда-либо только знала история. Нельзя далее забывать и то обстоятельство, что эти владыки являются выходцами из того народа, черты которого представляют смесь зверской жестокости и непостижимой лживости, и что эти господа ныне больше чем когда бы то ни было считают себя призванными осчастливить весь мир своим кровавым господством.

А. Гитлер. «Mein Kampf»

решения вопроса: кто же «хозяин» Европы? Ответ на этот вопрос был получен весной 1945 года с окончанием второй мировой войны и невозможным крахом «великого рейха»: «хозяином» Европы остался Иосиф Сталин.

Но идеи Гитлера живы. Их разлагающее воздействие на разум и чувства людей последующих поколений остается таким же мощным и необратимым, как и во времена Гитлера и Муссолини. Правда, обнаруживается один отрадный для толерантного мира нюанс: необратимость и глубина проникновения идей фашизма характерна, в

Это сказано более семидесяти лет назад (в 1924—1926 гг.) преступником, находящимся в тюремной изоляции за государственное преступление. Чуть позже (в 1933 году) этот уголовник, но уже не Адольф Шикльгрубер, а фюрер германской нации Адольф Гитлер, становится канцлером Германии, направив свою недюжинную волю и безграничную власть на милитаризацию страны (походя уничтожая своих соратников и евреев). Отношение Гитлера к России не было последовательным. Понимая, что в Европе два мощных тоталитарных государства (Россия и Германия), **которыми управляют** два диктатора (он и «отец всех народов» И. Сталин), Гитлер устремил вначале свою агрессивную потенцию²⁴⁸ на вальяжный и миротворческий Запад (Балканы, Франция, Бельгия, Скандинавия), прибегающая «колосса на глиняных ногах» для окончательного ре-

²⁴⁸ Психологи считают, что эта потенция есть форма сублимации либидо Гитлера.

основном, для малоцивилизованных этнических сообществ, в которых самозванные «мессии» проповедуют идеи Гитлера в форме национальной нетерпимости. Этот факт — шовинизм в маргинальной упаковке — порождает оптимизм тем, что обещает в цивилизованном будущем полное вытеснение шовинистических взглядов и чувств из общественного сознания всех народов. Но этот же факт *сейчас* порождает пессимизм тем, что толерантное будущее... так далеко от настоящего времени. За примерами далеко ходить не надо. Противостояние христиан и исламистов уже в современном мире несет черты воинствующей нетерпимости. Гитлер жив? Есть все основания полагать, что — да!

Русско-московская империя — это не просто чудовище, которое повинно в гибели целых народов, наций и государств. Это страшное явление представляет непредсказуемую угрозу всей планете...

России, как национального русского государства, никогда не было, поэтому идет нормальный процесс обретения завоеванными народами самостоятельности, независимости своей земли, родины...

Алкоголизм русского народа — самое слабое место, которое мы должны в полном объеме использовать против них. Все на войну с империей. Все на войну с русскими.

М. Толбоев. «Добровольческая армия Имама»²⁴⁹

Итак, перед нами тексты фашиствующих идеологов, прямое прочтение которых ничего, кроме мерзости, не вызывает. Но психо-

Это уже произнесено и распространено массовым тиражом в последних годах XX века. И не имеет значения, что столь варварская ксенофобия проявила себя в период последних чеченских войн. Северокавказский вооруженный конфликт стал лишь мощным ударом, который сорвал с толерантной цепи якорь национальной нетерпимости. Характерной чертой современного этнического противостояния является тесное сближение религиозных и национальных мотивов, что во много раз усиливает действия по превращению в жизнь этих человеконенавистнических установок. Достаточно напомнить многолетнюю жестокую войну в Северной Ирландии, или же, потрясший мир своей жестокостью, передел Югославии.

²⁴⁹ Цит. по: Котляр Э. Сколько еще домов в Москве взлетит на воздух? Откровения фюрера с гор. // «Московская правда», Выпуск № 21 (88), 9 декабря 1999 г., с. 3, 5.

По ту сторону Слова

лог интересуется не только и не столько очевидным смыслом текста, сколько тем, что за этой очевидностью скрывается. Что может скрываться за «очевидностью» текста? Его истинный смысл, или то, что А.Н. Леонтьев называл *личностным смыслом* вербального действия. Не очень трудно догадаться, что «очевидность» смысла воспринимаемого текста многозначна — истина одна, а пониманий, толкований, интерпретаций много. Но как приблизиться к истинному смыслу текста? Один из подходов к этому нам указывает *герменевтика*, но только в той сфере, которая касается *психологии* автора.

Закономерен вопрос: достоверны ли будут результаты исследования для более или менее обширных выводов? Здесь уместно опереться на авторитет Э. Фромма: «Многие читатели могут спросить, можно ли применять для психологического изучения целых групп открытия, полученные при наблюдении индивидов. Мы ответим на этот вопрос подчеркнутым «да». Любая группа состоит из индивидов, и только из индивидов; таким образом, психологические механизмы, действующие в группе, могут быть лишь теми же, что действуют в индивидах».²⁵⁰

Напомним, что «овладеть образом персонажа путем идентификации с ним означает подвергнуть самого себя игре созданных воображением изменений, которые становятся созданными воображением изменениями самости».²⁵¹ В этом чрезвычайно глубоком суждении лежит ответ на вопрос о *самосознании* человека.

Здесь целесообразен короткий комментарий: реальные изменения самости (здесь — изменения в психологическом статусе) могут и не произойти; важен лишь факт утверждения потенциальной возможности таких, созданных воображением, изменений; только возможности, но которая все же способствует хоть какому-то пониманию парадоксального заявления А. Рембо, вынесенного в эпиграф обсуждаемой работы. Говоря об истинности смысла, сошлемся на императив П. Рикёра: «Нет более вопроса об определении герменевтики через примат субъективности того, кто читает текст.»²⁵²

Проблема текста в ракурсе обсуждаемого исследования имеет свои особенности.

С одной стороны, скрытое в тексте (в частности, его истинный смысл) конституирует личность *автора* текста. С другой стороны, воспринимаемый каким-то субъектом текст становится источником

²⁵⁰ Фромм Э. Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1990, с. 121.

²⁵¹ Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика.—М., АО КАМИ, АКАДЕМИА, 1995. с. 34

²⁵² Цит. по: Рикёр П. Герменевтика... с. 155.

изменений самости *воспринимающего* субъекта. Тогда психологическая проблема текста может быть сформулирована следующим образом: *каковы психологические свойства автора текста, и какие из этих свойств становятся источником изменений самости воспринимающего этот текст субъекта?* Повторим, что эта *психологическая* проблема текста здесь рассматривается в контексте *социальной* проблемы шовинизма. Акценты проблемы, которые выделены курсивом в последнем абзаце, имеют своего вдохновителя в лице Э. Фромма: «Если отвлечься от таких факторов, как особые способности лидера к мышлению и действию, то склад его характера оказывается, как правило, специфическим и для тех людей, кому адресовано его учение. Причем в характере лидера эта специфичность выражена особенно выпукло и резко; он может более четко и ясно сформулировать определенные идеи, к восприятию которых его последователи уже подготовлены психологически.»²⁵³

Проблема, как она поставлена здесь, требует комментария. Дело в том, что предметом анализа служат тексты, созданные в разное время, тем самым принадлежащие *разным* поколениям. И если г-н Толбоев имел возможность (думается, что он ею воспользовался) ознакомиться сopusом г-на Гитлера, то последний не имел удовольствия прочесть откровения первого. Следовательно, обсуждая проекцию свойств Толбоева на психологический статус Гитлера, корректнее говорить о наблюдаемом в *виртуальном* мире.²⁵⁴ Практически это означает, что те психологические изменения, которые будут обнаружены в проекции статуса Толбоева на статус Гитлера, должны рассматриваться как имевшие возможность быть, но не *состоявшиеся*. В то же время, обсуждая обратную проекцию (статуса Гитлера на статус Толбоева) в том же виртуальном мире, можно вполне уверенно говорить о *состоявшихся* изменениях психологических свойств последнего, правда, если предположение о знакомстве «исламского фюрера» с «Mein Kampf» верно.

Ядром *теоретической* посылки настоящего исследования служит понятие, скрывающееся за такими словами, как «персона», «маска», «имидж», «лицедейство», которые являются стержневыми в обсуждаемых ниже психологических портретах.

²⁵³ Фромм Э. Бегство от свободы. — М.: Прогресс. 1990, с. 64. В этой — первой — своей книге известный психоаналитик касается именно проблем социальной психологии *подчинения*.

²⁵⁴ Вопросы, решаемые в языковом пространстве («языковой действительности» по М.М. Бахтину), принадлежат проблеме виртуального мира. Но эта самостоятельная и чрезвычайно не простая проблема лежит вне рамок обсуждаемого исследования.

По ту сторону Слова

Персона — облик (или, как сейчас принято говорить, имидж), который принимает человек, оказываясь во внешнем мире. Персона может относиться к половой идентификации (я — мужчина, или я — женщина), стадии развития (например, я — юноша), социальному статусу (например, я — крестьянин), работе или профессии (например, я — артист). На протяжении своей жизни человек может сменить множество разных персон в себе, а некоторые из них могут в какой-то момент комбинироваться. Персона представляет собой архетип, и, следовательно, ей присущи неизбежность и вездесущность. Внешние формы, в которых функционирует персона, могут быть самыми различными и зависят от исходной установки личности. Причины возникновения персоны?

В любом обществе необходимы способы и средства, облегчающие взаимоотношения между людьми, и в частности для обмена информацией между ними. И эта функция во многом реализуется посредством персоны субъекта общения. Различные культуры устанавливают различные критерии для персоны (например, внешние атрибуты для чиновника — костюм и галстук, императив его поведения — деловая этика). Персона изменяется под воздействием ситуативных внешних и внутренних факторов, а также эволюционирует во времени, поскольку архетипический образец, лежащий в основе персоны, подвержен бесчисленным вариациям.

Вполне допустимо рассматривать персону и как социальный архетип, предполагающий различные компромиссы, соответствующие нормам жизни в данном сообществе. Например, персона чиновника финансовой сферы деятельности отличается от персоны чиновника государственного сектора управления. Но имеет место очень важный момент: существует риск патологии, когда человек слишком полно идентифицирует себя со своей персоной. Это происходит тогда, когда человек в ипостаси персоны недостаточно четко осознает реалии окружающего мира, лежащего за пределами социальной роли (например, роль «крутого парня» играет во всех без исключения жизненных ситуациях: и на улице, и на работе, и в семье); или же человек неадекватно относится к ролевой идентификации по полу (например, роль «сестры» распространяется на отношения со всеми людьми, хотя призвана к «игре» только в родственных отношениях); или, наконец, когда проявляется неспособность к осознанию достижения зрелости (например, когда очевидна неудача с обретением навыка быть взрослым). Запредельная идентификация с персонной ведет к тому, что бессознательное бесконтрольно врывается в сознание, тогда как в норме оно проявляется только под управле-

нием Я. Причин подобного запредельного отождествления Я с персоной много. Одна из психологических заключается в том, что идентификация с персоной облегчает субъекту установку преимущественно на внешнюю ориентацию, без чего, в конечном итоге, человек не может формироваться как личность. В этом случае прорыв бессознательного «слеп» по отношению к происходящему внутри личности и, следовательно, субъект теряет способность реагировать на внутренние события (например, на состояние здоровья). Отсюда следует, что человек может оставаться бессознательным к своей персоне. Правда, надо иметь в виду, что полное слияние Я и персоны — достаточно редкое явление, которое *немаскируемо* обнаруживает себя только в больничном стационаре. Но современные методы психологического анализа — в том числе и ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС — позволяют обнаружить *маскируемую* аномалию персонификации (точнее, аутоперсонификации) в субъектах, которые по разным причинам избежали клинической изоляции.

Итак, персона в структуре психики выступает как посредник между Я и внешним миром, персона связана с адаптацией к сознательному и коллективному. Следует повторить: персона — *неотчуждаемый* атрибут психической организации человека; персона — то, что есть, а не то, что создается; персона — то, что, собственно, делает человека человеком.

Гипотеза исследования: реальный психологический статус человека, искренне исповедующего идеи шовинизма, эквивалентен образу «идола» этой идеологии, и все осваиваемые идеи имеют приоритет над существующими...

Результат исследования — психологическая палитра исследованных текстов — представлен в табл. 15.

Таблица 15

Характеристика	Гитлер	Толбеев	Гитлер о Толбееве	Толбеев о Гитлере
Интровертирован	+	+		+++
Замкнут	+	+		+++
Экстравертирован	+		+++	+
Несдержан	+	++	++	+
Гипоманиакален	+++	++	+	+++
Настойчив	+	+	+	+
Гиперманиакален	+	+	+	+
Маниакален	+	+	+	+

По ту сторону Слова

Продолжение табл. 15

Характеристика	Гитлер	Толбеев	Гитлер о Толбееве	Толбеев о Гитлере
Сдержан	+			
Патологичен		+	+	
Шизотимичен	+++	+++	+++	++ +
Аутичен	+	+		++
Нереалистичен			+	
Психотичен		+	++	
Экстравагантен	+++	+++	++	+++
Эпатажен	+++	++	+	+++
Тревожен		+	++	
Озабочен			+	
Психопатичен		+	+	
Назойлив		+	++	
Решителен	+++	++	+	+++
Новатор	++	+		++
Злопамятен			+	
Делинквентен			+	
Целеустремлен			+	
Осторожен	+++	+++	++	+++
Патриотичен		+	++	
Этноцентричен			+	
Персонифицирован	+++	++	+	+++
Маргинален	++	+		+++
Перформансирован	+++	++	+	+++
Закомплексован		+	+	
Девиантен		+	+	
Истеричен	+++	+++	++	+++
Криминогенен		+	+	
Артистичен		+	+	
Фанатичен	+++	++	+	+++
Депрессивен	++	+		+++
Рефлексивен	++	+		++
Ажитирован	++	+		+++
Инфантилен	+	++	++ +	+
Продуктивен	+++	+++	++	+++

Примечание к таблице, свойство выражено: + слабо; ++ средне; +++ сильно.

Приведенные в таблице данные требуют пояснений.

Во-первых, результат *проекции* (столбцы 4 и 5) обозначен как «о...», чему есть весомые основания: вернувшись к сказанному о возможных изменениях в психологическом статусе, напомним, что эти изменения, если и происходят, то только *после* акта восприятия текста. В то же время, рефлексивная картина этих изменений представлена самому субъекту восприятия как *представление* о личности автора текста. Например, если текст несет заряд агрессии, превышающий собственный потенциал агрессивности воспринимающего, то последний не только аккумулирует этот заряд в бессознательном, но и *узнает*, что автор весьма агрессивен. Если же агрессивный заряд текста ниже собственного агрессивного потенциала воспринимающего, то для последнего автор — мягкий, добрый, необидчивый и беззлобный.

Во-вторых, сказанное выше заставляет более подробно рассмотреть психологические отношения между понятиями «норма» и «индивидуальный психологический статус».

Известно, что все психологические методы в процессе своей разработки *нормализуются*, то есть проходят адаптацию к исследуемой аудитории. В результате такой адаптации получают различные нормы (норма для детей, норма для взрослых и пр.). Введение в анализ «нормы» означает, что индивидуальные и/или групповые особенности респондентов рассматриваются в ракурсе среднестатистического представителя той или иной выборки.²⁵⁵ Именно с этой позиции надо рассматривать результат, представленный в столбцах 2 и 3 таблицы.

Но, очевидно, существует и «внутренняя норма», или индивидуальный психологический статус каждого отдельного индивида, то есть уникальное сочетание общечеловеческих психологических признаков, которое, кстати, открыто сознанию Я только в акте индивидуальной рефлексии. Тогда восприятие «не-Я» есть проекция внутренней нормы «не-Я» на внутреннюю норму Я. И уже с этой позиции надо рассматривать результат, представленный в столбцах 4 и 5 таблицы.

Эмпирически полученная информация — база для дальнейшего анализа, который должен быть подчинен плану в соответствии с замыслом исследования.²⁵⁶ Замысел настоящей работы — психоло-

²⁵⁵ В примененной программе ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС такой нормой являлся среднестатистический россиянин, в возрасте от 18 до 65 лет, для которого (и это единственное обязательное условие) русский язык — родной.

²⁵⁶ Таких планов может быть очень много, и некоторые из них, возможно, будут предложены и реализованы читателями этой работы.

По ту сторону Слова

гические особенности шовинизма — диктует план анализа, в результате которого проявились бы (или не проявились) черты патологической *нетерпимости* в психологическом статусе авторов исследуемых текстов, содержание которых, в свою очередь, указывает на *объект* названного отношения.

Зафиксируем следующие этапы анализа.

Первый этап. Насколько близки между собой психологические портреты «фюреров»? Насколько соответствует образ того и другого реальному портрету? Для ответа на эти вопросы необходимо показать связь между палитрами психологических характеристик для всех четырех позиций наблюдения. Связь между наблюдениями, если они выражены в числовой форме, обычно оценивается коэффициентом корреляции.

Первый этап предусматривает корреляционный анализ шести пар отношений:

1) Коэффициент корреляции между психологическими палитрами «фюреров» (столбцы 2 и 3) равен $+0,74^{237}$, что указывает на явную *близость* их психологических статусов. Иными словами, перед нами — «психологические двойники». ²³⁸

2) Но уже — и это весьма примечательно — связь между психологическим образом Гитлера и психологическим образом Толбоева (столбцы 2 и 4) практически отсутствует (коэффициент корреляции равен $-0,03$). Это означает следующее: *если бы* Гитлер был знаком с Толбоевым или хотя бы знал о его существовании на основе его книги, то представления первого о последнем исключали какую бы то ни было идентификацию. Иными словами, Гитлер даже не мог бы и помыслить об отождествлении своей личности с личностью Толбоева.

3) Образ Гитлера в восприятии Толбоева адекватен действительному психологическому портрету (столбцы 2 и 5), о чем бесспорно говорит их близость (коэффициент корреляции равен $+0,96$). Этот факт, что очень вероятно, свидетельствует не только о знакомстве кавказского «фюрера» с книгой Гитлера, но и о том, что эта книга стала мощным фактором в формировании личности Толбоева.

4) Насколько похож Толбоев на свой образ в виртуальном восприятии Гитлера (столбцы 3 и 4)? Весьма похож (коэффициент

При 1%-ном уровне значимости критическое значение коэффициента корреляции для 42 переменных равно 0,39.

²³⁸ Подробнее о «психологических двойниках» см. в главе «Великие». Великие Последние Великой России...

корреляции равен +0,45), что говорит о «проницательности» Гитлера. Интерпретировать этот факт можно следующим образом: *если бы* Гитлер имел возможность общаться с Толбоевым (хотя бы на почве знакомства с текстами последнего), то образ Толбоева вполне *соответствовал бы* действительной картине, что, учитывая «нежелание» идентифицироваться с этим образом, характеризует фашиста № 1 как знатока человеческих душ.

5) Очень любопытен результат связи психологического статуса Толбоева с образом Гитлера (столбцы 3 и 5). Значимая положительная связь (коэффициент корреляции равен +0,70) недвусмысленно свидетельствует о том, что г-н Толбоев создает образ Гитлера... по себе.

6) Пожалуй, самый интересный результат в контексте настоящего исследования демонстрирует связь двух образов (столбцы 4 и 5). Незначимая (коэффициент корреляции равен —0,15), к тому же еще и отрицательная связь говорит о том, что в виртуальном мире образы Гитлера и Толбоева психологически независимы, тогда как в том же виртуальном мире их реальные психологические статусы очень близки. Из этого следует по крайней мере один возможный вывод: сам по себе образ не представляет какого-либо значения, но он представляется весьма значимым в отношении к реальному статусу воспринимающего лица; то есть образ служит как бы питательной средой для интенсивного развития тех психологических качеств, которые уже существуют в реальном статусе и «созвучны» тем же качествам сформированного образа. Исключая «погружение» в виртуальность, можно утверждать, что такой питательной средой служат откровения Гитлера для местечкового «фюрера» Толбоева.

Второй этап. Необходимо каким-то образом реструктурировать исходные эмпирические данные, для того чтобы рельефнее выразить ответ на вопрос о психологической специфике шовинистической установки.

Реструктурировать данные таблицы, равно как и отразить их, можно разным способом. Здесь использована группировка характеристик в кластеры, психологическое содержание которых совпадало с одноименными факторами нормализованного и широко распространенного в России теста ММРІ. Результат приведен на рис. 20.

Рисунок прекрасно демонстрирует прозорливость Э. Фрома в отношении «резонансного» характера подчинения авторитарным доктринам.

Кластеры на гистограмме упорядочены по величине образа, и тому есть весомые причины.

По ту сторону Слова

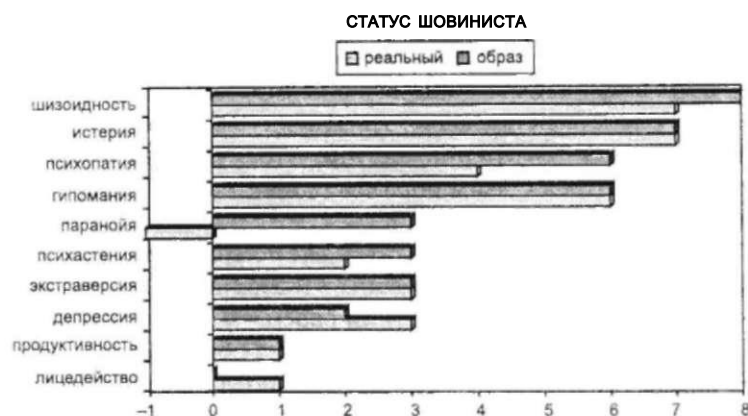

Рис. 20

Рис. 20

«Персона в бессознательном» — лишь питательная среда для прорастания девиантных, в том числе и шовинистических, свойств личности. Чтобы шовинизм дал всходы, необходимы условия психотонического резонанса: совпадение ряда психологических характеристик, присутствующих как в психологической ткани текста, так и в психологической палитре воспринимающей этот текст личности.

К таким характеристикам следует отнести:

— **шизоидность** — ограничение внешнего доступа в Я, при гибкости, а главное — нетривиальности мышления. Патологическое развитие этой черты — шизофрения, хорошо известное психическое заболевание. В норме — шизотимия, это острый, оригинальный, новаторский ум, при некоторой отстраненности от внешнего мира с его суетливой будничностью и незначительностью. Такие люди — чудаки, «белые вороны», но обычно не претендующие на роль лидера, предпочитающие оставаться в тени;

— **истероидность** — эмоциональное (и весьма продуктивное) вытеснение негативных внешних воздействий, как бы забывание плохого, при склонности к игре, театральности, артистизму. В патологии (истерия) вовлеченность в «игру» нередко приводит к эмоциональному срыву в форме коматозных припадков и различных амнезий;

— **психопатию** — патологическое развитие личности, при котором наблюдают поведение, не соответствующее общепринятым юридическим и нравственным нормам. Люди со склонностью к психопатии, но до экстремальной фазы ее развития, воспринимаются как реформаторы, революционеры и неконформисты;

— *гипоманию* — повышенную активность и продуктивность, как в интеллектуальной сфере, так и в сфере общения. Правда, широта и интенсивность общения не обязательно обуславливает прочность и глубину межличностных контактов.

Национализм — детская болезнь, корь человечества.

А Эйнштейн

Эйнштейн знал, что говорил, он на собственной судьбе испытал ужас крайнего национализма. Великий физик и в этой короткой фразе гениален: да, корь — действительно детская болезнь, но болезнь смертельно опасная, «выкосившая» миллионы жизней до изобретения вакцины; к сожалению, сегодня человечество еще не изобрело вакцины против национализма. Для Эйнштейна «болезнь» — лишь печальная метафора, для нас же — реальность психологического представления.

Итак, *психологический* процесс становления шовиниста содержит следующие этапы:

1) Общительный и склонный к театральности человек, предрасположенный к запредельной идентификации со своей социальной маской, к тому же несущий черты оригинального новатора, знакомится (инфицирование) с текстом, смысловое содержание которого — этноцентризм и/или шовинизм, а психологический контекст несет признаки, перечисленные выше.

2) Подобное знакомство неизбежно приводит к тому, что простое *усвоение* смысла превращается в *присвоение* воспринимаемых идей (заражение), то есть воспринимающий начинает относиться к чужим, но сопереживаемым, идеям, как к своим собственным.

3) Зараженный шовинистической идеей становится сам источником этой инфекции в силу активности и противоправности своей личностной установки.

4) Имея в виду, что людей с приведенными психологическими чертами достаточно много, следует сделать вывод об *эпидемическом* характере распространения шовинистической аномалии. Правда, в цивилизованном обществе эта эпидемия затрагивает лишь отдельные маргинальные сообщества, сплоченные единым этносом и/или религией.

Теперь становится ясным, что ликвидация шовинизма лежит на пути физического истребления всех его носителей, то есть на пути, неприемлемом для демократического государства.

Можно ли *психологически* бороться с этим явлением? Да, но...

По ту сторону Слова

Необходимо *проектировать* антишовинистические тексты, которые бы на содержательном уровне несли идеи этнической, национальной, политической и религиозной терпимости, а на психологическом уровне моделировали бы приведенные характеристики. Понятно, что эта задача не для сегодняшнего дня России.²⁵⁹

²⁵⁹ Посильная работа по проектированию вербальной информации ведется в Институте культурологии МК РФ

ИЗГОИ

РУССКАЯ ДИАСПОРА: ЛИТВА, ТАТАРСТАН, БУРЯТИЯ... ДАЛЕЕ ВЕЗДЕ

*Самый распространенный вид гордости —
национальная гордость.*

А. Шопенгауэр

Из когда-то, возможно, и «глиняного», но все же колосса, Россия превратилась в страну «третьего» мира, с которой продолжают якобы считаться только цивилизованные государства, да и то в рамках дипломатического этикета, отдавая дань, возможно, великому прошлому нашей страны. Один из многочисленных, но унижительных для любого народа фактов, провоцирующих пренебрежение к нам — наплевательское отношение к своим соплеменникам, оставшимся в бывших губерниях «великой и неделимой». Журналистские расследования мужественно высвечивают в лучшем случае отдельные, от-себя-виденные эксцессы подавления русского духа в уже суверенных регионах. И это для них бывает сопряжено со смертельным риском, хотя добытый ими материал весьма часто подвергается сомнениям. А что об этом говорят общественные науки, науки о человеке?

Разумеется можно теоретизировать по поводу гипотетического развития событий и находить при этом неординарные научные решения. Но, несомненно, эти решения были бы намного эффективнее в практическом отношении, если бы ученый анализировал не отдельные случаи выплескивания национализма, а располагал общей картиной отношений между различными этническими субкультурами данного региона. А в конечном итоге хотелось бы иметь (и не только ученым) электронную карту регионов мира с русской диаспорой, на которой отслеживались бы (с той или иной периодичностью) характер и уровень взаимоотношений между русскими поселенцами и аборигенами. Но, к сожалению, сколь-нибудь представительное исследование в «горячих точках» невозможно в силу тех же обстоятельств — высокой степени риска для жизни исследователей.

Предлагаемый материал, хочется верить, и есть первый опыт на пути создания такой карты этнопсихологической напряженности в национальных автономиях.

По ту сторону Слова

Подход к изучению этнопсихологической напряженности в национальных автономиях основан на очевидных и давно известных приемах анализа информации в прессе и электронных СМИ. В частности, этим давно и успешно занимаются различные спецслужбы всех развитых стран. Правда, результаты их деятельности с устрашающими грифами, по понятным причинам, попадают на стол только большому государственному вельможе. Но если в «докомпьютерную» эпоху контент-анализ больших массивов вербальной информации требовал действительно значительных затрат, определяющих государственное участие, то сегодня подобную работу может проделать любая заинтересованная организация. Да и сами методы контент-анализа (в основе которых лежат различные принципы подсчета частоты встречаемости тех или иных речевых единиц) не стоят на месте, совершенствуясь как в техническом плане (программирование), так и в направлениях поиска своего применения.

Метод, использованный в обсуждаемой работе, был разработан и апробирован автором уже более двадцати лет назад. Этот метод известен психологам как компьютерная программа ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС.

Программа ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС отвечает на запросы тех, кому требуется в сравнительно короткие сроки иметь данные о психологических особенностях как отдельных лиц, так и любой по численности группы, или об отношениях между названными субъектами взаимодействия в условиях бесконтактного получения информации. Понятно, что программу целесообразно эффективно использовать и в мониторинговых исследованиях. Объем получаемой психологической информации эквивалентен информации, получаемой с помощью традиционных многофакторных личностных тестов (ММРІ, Кэттелл и др.).

Источником для оценки этнопсихологической напряженности служила региональная русскоязычная пресса соответствующей национальной автономии за период: вторая половина 1994 г. — первая половина 1995 г. К счастью, практически пока еще на всей территории бывшей Великой России в основном говорят по-русски: и русские (теперь уже «поселенцы»), и коренное население национальных областей. Это позволяет, при определенном подборе материалов массовой печати данного региона, получить сведения этнопсихологического порядка, то есть сведения о психологических особенностях как русских, постоянно проживающих в этом регионе, так и коренных жителей, а также об их взаимоотношениях. Разумеется, из числа

коренных жителей могут быть учтены только те, которые владеют русским языком, точнее, для которых русский язык, по определению А.А. Леонтьева,²⁶⁰ — родной язык.

Регионы выбраны в направлении «запад-восток»: Литва (христианство) [Источник: «Эхо Литвы»]; Татарстан (ислам) [Источник: «Республика Татарстан», «Известия Татарстана»]; Бурятия (буддизм) [Источник: «Правда Бурятии». «Бурятия»].

Качественный состав контингента авторов представляет собой следующее: во-первых, русские, постоянно проживающие в регионе, и коренные жители (для которых, подчеркнем, русский язык — родной); во-вторых, мужчины и женщины; в-третьих, профессиональная отнесенность: политики, литераторы, предприниматели, госслужащие, религиозные деятели, ученые, врачи, учителя, артисты, военные. По каждому региону отбиралось около 100 текстов.

Получено несколько «психологических портретов» двух групп (поселенцы и аборигены) населения региона. Первый — русские поселенцы с точки зрения российских русских. Второй — аборигены с точки зрения тех же российских русских. Третий — русские поселенцы с точки зрения аборигенов. Четвертый — аборигены с точки зрения русских поселенцев. Пятый — население региона в целом с точки зрения «материнской» России. В настоящей работе представлен материал по третьему и четвертому портретам.²⁶¹

Небольшой комментарий к психологическим характеристикам, описывающим этнопсихологическую напряженность. Здесь различие между «агрессивностью» и «враждебностью» состоит в активной насильственной форме первого (действие) в отличие от пассивности второго (чувство). Термины «тревожны» и «лидеры» комментариев, по-видимому, не требуют. Когда же речь идет о «конформизме», имеется в виду способность осознавать и, главное, контролировать и корректировать свое поведение в направлении принятых в данном сообществе норм и правил, то есть буквально соответствовать без каких-либо усилий образу законопослушного гражданина. Когда же приходится преодолевать себя, в случае если эти правила не разделяются, или когда усилия направлены на преодоление состояния фрустрации (расстроенное™, разочарованности невозможностью осуществить что-либо весьма значимое) путем снижения мотивации.

²⁶⁰ Леонтьев А.А. Языковые права человека и межнациональные отношения. // «Мир психологии и психология в мире». 1995. № 1.

²⁶¹ Подробности см.: В. Батов. Четыре портрета из Бурятии. // «Новое время». 1994, № 26 (июль).

По ту сторону Слова

то следует говорить о «сдержанности». Наконец, «общительны» те люди, у которых широкий круг знакомств и установить коммуникационный контакт для которых не представляет особого труда.

В графической форме результат обработки текстов региональной прессы, показывающий только некоторые общие стороны этнопсихологического взаимоотношения между коренными жителями и русскими, приведен на рис. 21.

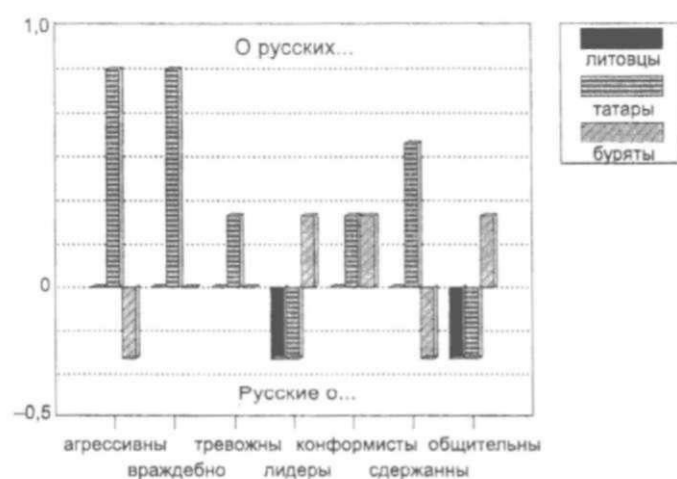

Рис. 21

Степень выраженности характеристики в чертах взаимодействующих популяций отмечена длиной бара на графике. Различия в штриховке баров соответствуют регионам. Присутствие бара в верхней части графика (линия разделения отмечена «О») отражает мнение аборигенов о русских поселенцах (О русских...) в направлении качества соответствующей психологической характеристики, наличие бара в нижней части графика (Русские о...) отражает мнение русских поселенцев о коренных жителях региона. Например, агрессивными русских поселенцев считают татары, тогда как русские поселенцы в Бурятии считают агрессивными коренный жителей. В Литве же мнения об агрессивности той и другой стороны уравновешены, и потому отражение этой характеристики отсутствует.

Итак, каковы же действительные отношения между русской диаспорой и аборигенами?

Вначале несколько общих наблюдений.

Во-первых. Явно просматриваются вполне равнозначные (что не означает, однако, их благоприятственность) отношения между литовцами и русскими в Литве: русские поселенцы «отвечают» теми же представлениями о литовцах, что и литовцы о них. И все же, русские в Литве отдают «лидерство» коренным жителям, и это понятно: командные посты от политики до бизнеса в основном занимают «легальные» граждане суверенной Литвы. Русские поселенцы отдают приоритет аборигенам также и в «общительности», и это тоже объяснимо: незнание литовского языка лишает русских «литовцев» возможности общаться на равных с коренным населением, но в то же время аборигены в значительной своей части владеют русским языком, что, естественно, значительно расширяет для них границы межличностного контакта.

Во-вторых. Очень заметны различия во взаимоотношениях между поселенцами в Татарстане и коренными жителями: первые русские «татары» значительно более благосклонны к своим землякам, чем аборигены к поселенцам. Портреты, которые «рисуют» те и другие, похожи с точностью до «наоборот». И это примечательно, ибо Татарстан в начале перестройки являлся фактическим лидером в неумном стремлении к абсолютной самостоятельности, тем самым разрушая конгломерат «дружной семьи народов» России. А цементирующим «дружбу» фактором служила Россия, и, следовательно, первым и главным «стрелочником» стала она же.

В-третьих. «Промежуточные» (между двумя обозначенными выше) отношения существуют в Бурятии. Достаточно равные отношения между поселенцами и аборигенами характеризуются (в отличие от таких же равных, но с негативной окраской, в Литве) менее выраженной негативностью. А если сравнивать с Татарстаном, то весьма заметен даже некоторый пиетет перед русскими поселенцами.

Переходя к более детальному описанию взаимоотношений в регионах, хотелось бы отметить следующее.

Качество отношений в Литве весьма колоритно. Противостояние между русскими «литовцами» и коренным населением достаточно напряженно, и степень готовности к возможному конфликту осознается как той, так и другой стороной. Но именно эта взаимосознаваемая напряженность служит, пусть и малоутешительной, но страховкой от перехода к открытому насильственному конфликту. Наличие такой страховки подтверждает и то обстоятельство, что пока (на период настоящего анализа) и те и другие весьма сдержанны. Общее впечатление таково: коренное население, если и не вполне, то в гораздо большей степени, чем русские поселенцы, удовлет-

По ту сторону Слова

ворено создавшимся положением в Литве. Поселенцам же отведена (и вполне осознается и, больше того, принимается ими) роль пассивного несогласителя с существующим «статус-кво».

Содержание взаимоотношений между коренными жителями Татарстана и русской диаспорой явно «несимметрично». Со стороны татар заметно пренебрежение к русским: последние и более агрессивны, и более враждебно настроены, и более напуганы, и менее общительны, и менее деловиты. Но, в то же время, русские в Татарстане терпеливы и лояльны к власти. Странно, но русские «татары» считают коренных жителей во всех отношениях благоприемлемыми земляками: татары и не агрессивны, и не враждебны, они настоящие лидеры, и к тому же весьма общительны. Такой «расклад» взаимоотношений дает основания исключить какой бы то ни было активный конфликт между этническими сообществами в этом регионе.

Отношение коренных жителей Бурятии к русской диаспоре напоминает «лучшие времена» советской империи: русские, хотя и враждебно-тревожны (в той же мере, кстати, что аборигены Бурятии с точки зрения поселенцев,) но не агрессивны (чего нельзя сказать о бурятах), они лидируют в регионе, удовлетворены существующим положением и к тому же достаточно общительны. Поселенцы отвечают аборигенам вполне адекватно, демонстрируя отношения старшего брата к младшему. Здесь также пока не приходится ожидать сколь-нибудь активного обострения отношений.

*Большая империя, как и большой пирог,
легче всего объедается с краев.*

Б. Франкин

Какой же вывод можно сделать? Рассматривая взаимоотношения только под одним углом зрения — возможно ли возникновение межэтнического конфликта в регионе — нужно сказать следующее: наиболее напряженная обстановка складывается в Литве; менее напряженная, но более унижительная для русских поселенцев — в Татарстане; благоприятная для поселенцев обстановка — в Бурятии (для сведения потенциальных мигрантов русского происхождения). О возможности возникновения насильственного конфликта в этих регионах вывод пока — в меру утешительный: такого конфликта в ближайшее время не предвидится.

Изложенное достаточно убедительно показывает, что создание электронной карты этнопсихологической напряженности в национальных автономиях — дело уже сегодняшнего дня. Практически без большого напряжения можно отслеживать взаимоотношения ежеме-

Изгой

сячно. поквартально, а условием для этого является доступность региональной прессы и... компьютер. Используя как основу любой географический атлас и раскрасив в соответствующие цвета исследуемые регионы (например, красный — высокая степень взаимоотношенности, зеленый — отсутствие взаимоотношенности и т.д.), мы получим компьютерную карту этнопсихологических взаимоотношений, которая станет доступной любому заинтересованному лицу или организации. Очевидно, что эта оперативная информация просто обязана будет заставить компетентные организации подходить к вопросу о «зарубежных» русских с большей ответственностью.

СУИЦИД

С. ЕСЕНИН и В. МАЯКОВСКИЙ: ПСИХОГЕРМЕНЕВТИКА ПОСЛЕДНИХ ТЕКСТОВ

*cogito, ergo sum*²⁶²

Очевидцев самоубийства, как правило, не бывает. Возможно, что поэтому столь трагически необратимый поступок человека так плохо изучен психологически. Однако весьма нередко источником хоть каких-то сведений о причинах суицида могут служить предсмертные тексты самоубийц. *Психогерменевтика* и есть та научная дисциплина, которая изучает психологическую составляющую в речевом продукте.²⁶³

Как и любое действие, самоубийство «погружено» в событийность текущего времени, тесно связано с эпохой, то есть с *культурой*. З. Фрейд был несомненно прав, заявляя, что «...термин «культура» обозначает всю сумму достижений и институций, отличающих нашу жизнь от жизни наших предков из животного мира и служащих двум целям: защите человека от природы и урегулированию отношений между людьми».²⁶⁴ Но в то же время культура скрывает и опасности для благополучной жизни человека: «Большую долю вины за наши несчастья несет так называемая культура: мы были бы гораздо счастливее, если бы от нее отказались и восстановили первобытные условия».²⁶⁵ Относимо ли это утверждение к феномену суицида? Вопрос, разумеется, требует сделать хотя бы набросок той эпохи, которая «повинна» в потере таких талантливейших поэтов России, как Сергей Есенин и Владимир Маяковский.

Абрис маяковско-есенинской эпохи

Двадцатые годы — годы коммунистического правления в России — не только политическая и экономическая революция, эти

²⁶² Мыслю, следовательно, существую. (Р. Декарт)

²⁶³ Батов В. Зачем А.С. Пушкину рисунок? // «Прикладная психология и психоанализ», 1999, № 3, с. 11—28.

²⁶⁴ Фрейд З. Избранное. Т. 1. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 19'9, с. 280.

²⁶⁵ Там же, с. 277.

годы — революция *в культуре*, следовательно, в образе жизни, миропонимании, обычаях и традициях народа. Более того, герои излагаемого исследования — одни из последних гениальных представителей «Серебряного века» русской культуры. Возможно, что на пересечении этих двух «гениальностей» — последнего в XX веке «всплеска» общечеловеческого значения русской культуры и трагической судьбы двух великих творцов этого значения — и лежит ответ на вопрос о самом потаенном в человеческой жизни.

Вот лишь некоторые штрихи к «портрету» той эпохи.

Об идеале, о духе времени:

«...мы ищем и находим сущность прекрасного в катастрофических потрясениях современного духа, в опасностях Колумбова плаванья к новым берегам нового мирозерцания? Так понимаем мы революцию.»²⁶⁶

Интересный был век! Молодой, горячий, буйный и философский».²⁶⁷

«Не помяни нас лихом, революция!

Тебя встречали мы, какой умели, песней.

Тебя любили кровью —

Той: что течет от дедов и отцов,

С поэм снимая траурные шляпы —

Провожаем».²⁶⁸

О «протестной» форме самовыражения:

«Только в моем веке красные штаны, привязанные к шесту, являлись сигналом к буре в зале бывшего Благородного собрания.

Только в моем веке расписывались стены монастыря дерзкими, богохульными стихами.

Только в моем веке тыкали пальцем в профессора Ю. Айхенвальда и говорили: «Это Коган!»²⁶⁹

Только в моем веке знаменитый поэт²⁷⁰ танцевал чечетку в кабинете главного бухгалтера, чтобы получить деньги!

Только в моем веке террорист²⁷¹ мог застрелить человека за то, что он вытер портьерой свои полуботинки.

²⁶⁶ Мариенгоф А. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги.—Л: Художественная литература, Ленинградское отделение, 1988, с. 346.

²⁶⁷ Там же, с. 34.

²⁶⁸ Там же, с. 346.

²⁶⁹ В. Маяковский.

²⁷⁰ В. Маяковский.

²⁷¹ Я. Блюмкин.

По ту сторону Слова

Только в моем веке председатель Совета Народных Комиссаров и вождь мировой революции накачивал примус, чтобы подогреть суп».

И даже внешний имидж одного из «духовных пастырей» того времени, хотя и карикатурен, но вполне соответствует духу эпохи: «Тут неожиданно явился Мейерхольд. Он был в кожухе, подпоясанном красноармейским ремнем; в мокрых валенках, подбитых оранжевой резиной; в дворницких рукавицах и в буденовке с большой пятиконечной звездой. Только пулеметной ленты через плечо и не хватало.»²⁷²

И, конечно же, не могло обойтись без полемических страстей, накал которых соответствовал времени и убежденности: «Имажинисты находились в непрерывной полемике с Маяковским. Острие словесной рапиры тогда не было притуплено гуманным деревянным шариком, как это принято у спортсменов сегодняшних дискуссий. Поэтому чуть ли не ежевечерне горячая, но невидимая кровь лилась ручьями. Все, что касается души, к сожалению, невидимо. А может быть, это к счастью.»²⁷³ Вот лишь пример из достаточно «благопристойных» характеристик: «Маяковский словно старый царский генерал, который боится снять штаны с красными лампасами. А вдруг без этих штанов и генералом не окажется!»²⁷⁴ О предсмертном письме Маяковского те же имажинисты: «Рапповцы, Ермилов... Ушел с дерьмом на подметках!»²⁷⁵ Революционная совесть подвергает сомнению даже такую святыню, как любовь: «...сегодня Вероника Полонская опоздала на репетицию... Полонская стала оправдываться: «Простите... Только что застрелился Маяковский... Я прямо оттуда.» И осталась репетировать.»²⁷⁶

Художественно-идеологические бунтари «громили» не только оппонентов, шпильки зависти и даже откровенные инсинуации доставались и своим кумирам. Так, злопыхательство по поводу пьянства Есенина порождало слухи о неизбежности суицида (правда, по свидетельству другого источника, эти слухи малодостоверны²⁷⁷): «К концу года²⁷⁸ решение «уйти» стало у Есенина маниакальным. Он

²⁷² Мариенгоф А. Роман без вранья. Циники. Мой век, моя молодость, мои друзья и подруги.—Л: Художественная литература, Ленинградское отделение, 1988, с. 319.

²⁷³ Там же, с. 330.

²⁷⁴ Там же, с. 333.

²⁷⁵ Там же, с. 340.

²⁷⁶ Там же, с. 341.

²⁷⁷ Ройзман М. Все, что помню о Есенине.—М.: Советская Россия, 1973.

²⁷⁸ 1925 года.

ложился под колеса дачного поезда, он пытался выбростись из окна пятиэтажного дома, пытался перерезать вену обломком стекла, заколоть себя кухонным ножом».²⁷⁹

И как завершение абриса маяковско-есенинской эпохи русской культуры приведем весьма нелицеприятное мнение выдающегося композитора XX века Георгия Свиридова о Маяковском, именно потому, что в этом мнении присутствует оценка...«ума» поэта: «Маяковский был поэтом Революции, и не он один, то же — Блок, Есенин, А. Белый, но только он один стал поэтом Власти. Это был по своему типу совершенно законченный фашист... Сгнивший смолу, он смердел²⁸⁰ чем дальше, тем больше. Злобе его не было предела. Он жалил как скропион... Наконец, в бешенстве, изнемогая от злобы, он пустил жало в свою собственную голову. На его примере видно, как опасен человек без достаточного своего ума, берущийся за осмысление великого жизненного процесса, который он не в состоянии понять, ибо живет, «фаршированный» чужими идеями».²⁸¹ И это несмотря на то, что Свиридов писал музыку на произведения Маяковского.²⁸²

Да, повторю, «интересный был век», но... жестокий. И казалось бы, что у Фрейда есть достаточно оснований «сваливать» все несчастья человека на культуру. А самоубийство гения — гораздо больше, чем несчастье, это — общенациональная трагедия.

Концепция

Методологический принцип этой работы опирается на простое и великолепное утверждение М. Хайдеггера: «Неповторимое, редкое, простое, словом, великое в истории никогда не самопонятно и потому всегда необъяснимо. Историографическое исследование не отрицает величия в исторических событиях, но объясняет его как исключение. При таком способе объяснения великое измеряется обычным и средним. Никакого другого объяснения истории не существует, пока объяснением считается приведение к общепонятности и пока история есть исследование, то есть объяснение.»²⁸³ Величие

²⁷⁹ Ройзман М. Все, что помню о Есенине, с. 386.

²⁸⁰ Намек Г. Свиридова на «ассенизацию» Маяковского.

²⁸¹ Свиридов Г. Разные записки. // «Наш современник», 2000, № 12, с. 102.

²⁸² Я уже не буду останавливаться на идеологических «разгромах» художественно-литературных произведений ведущими политиками того времени. примером чего служит «суд» Н. Бухарина (в «Злых заметках») произведений Есенина.

²⁸³ Хайдеггер М. Время и бытие.—М.: Республика, 1993, с. 45—46. Очевидно, что это утверждение в полной мере относимо и к психогерменевтике.

По ту сторону Слова

суицида проявляется в том, что этот, и только этот поступок уподобляет человека... Богу. Вырвать собственную *жизнь* из настоящего, из бытия, из сущего — кто, как не Бог обладает такой властью.²⁴⁴ Но люди — не боги, и объяснять приходится из «обычного».

Принято считать, что акту самоубийства предшествует глубокая депрессия, подавленность, угнетенность, безысходность. Да и психиатрическое изучение несостоявшихся самоубийц обнаруживает у них признаки меланхолии и как бы дисгармонию между эмоционально-волевой и интеллектуальной составляющими личности. Так или иначе, но наиболее распространенным является мнение, что самоубийство есть результат доминирования отрицательного эмоционального тона над рациональным мышлением, что действия самоубийцы полностью подчинены аффекту самоуничтожения на фоне сумеречного сознания, и поэтому суицид — прерогатива психиатрии. В свою очередь, безысходность есть результат «гнета» культуры. Но так ли это?

Во-первых, о недоразумении, связанном с отнесением суицида к компетенции психиатрии. Заключение о психическом состоянии несостоявшихся самоубийц выносятся *postfactum*, что означает констатацию состояния как эмоциональной реакции на неудавшееся действие. Но реакция человека на любое (и далеко не столь ответственное) желаемое, но несостоявшееся действие вызывает у него, если не мрачную тоску и подавленность, то уныние, то есть ту же депрессию. И если даже предположить, что депрессия *предшествует* самоубийству (в соответствии с ортодоксальной точкой зрения), то как можно объяснить, что *волевое* действие лишения себя жизни обусловлено... снижением эмоционально-волевого тона?²⁴⁵

Далее, очевидно, что большую часть информации о другом человеке люди черпают из своих наблюдений и сказанного этим другим. Но известно, что наши *наблюдения* в корне ошибочны, а поправить их и призвана наука. Со *сказанным* же несколько сложнее: «Мы всегда говорим больше, нежели только ЭТО.²⁴⁶ Меня в моих книгах особенно интересует именно то, что я, сам не подозревая, вложил в них, — та доля бессознательного, которую я мог бы назвать долей Бога.»²⁴⁷ Подчеркнем: человек выражает в языке больше (и часто — значительно больше) того, что понимается другими, то есть больше, чем очевидное ЭТО. И ЭТО возвращает нас к про-

²⁴⁴ Возможно, что в познании и обретении такой власти и есть тайна запретного плода эдемского сада. И если это так, то суицид... интеллектуальное действие, опирающееся на *мыслимую* антитезу «добра и зла».

²⁴⁵ Ведь «де-прессия» может означать и «без-действие».

²⁴⁶ Выделено автором цитаты.

²⁴⁷ Жид А. Яства земные. Избранная проза.—М.: Вагриус, 2000, с. 95.

блеме «психиатрии суицида» в высказывании ближайшего друга Есенина — Анатолия Мариенгофа (мир полон «мистических» совпадений, хотя бы потому, что автор приводимого фрагмента вряд ли был знаком с упомянутым произведением А. Жида):

«Мне думается, человек не часто самовольно уходит из жизни из-за чего-то одного. Тут существует страшный круг, смыкающийся постепенно.

— Это ужасно, — говорит человек.

Потом:

— **И это!**

— И это... И это...

И убивает себя. Не слишком задумывающиеся люди принимают за причину наиболее доступное их пониманию — «Это».²⁸⁸

«Не слишком задумывающиеся люди» — это все мы, в том числе и психиатры.

Во-вторых, трудно отрицать, что окончательный уход из данной нам жизни есть... вход в Ничто. Здесь Ничто я придаю хайдеггеровский смысл: «Ничто есть полное отрицание всей совокупности сущего».²⁸⁹ Я согласен также с ним и в отношении того, что нас приближает к Ничто, к не-существованию: *...существование* переживаний, чувств, эмоций, то есть то, что принято называть настроением. Чем сильнее переживание, тем выше барьер, порог, запрет, который воздвигнут перед Ничто. «Ужасом приоткрывается Ничто», — заявляет Хайдеггер.²⁹⁰ Отпугивающее действие ужаса — сильнейший из психических феноменов, который предупреждает о *неприкасаемости* к Ничто. В то же время, рациональное, разумное, мыслимое всячески пытается преодолеть этот порог. И чем мощнее *мыслимое*, и чем слабее чувство (независимо от его качества), тем более вероятно преодоление порога в Ничто. Достоверность и даже очевидность сказанного следует хотя бы из того, что человеку дано только *мыслить* Ничто, но не пребывать в нем, следовательно, не ощущать его. К Ничто можно лишь бесконечно *чувственно* приближаться, а войти в него можно только с помощью *разума*. Что и делают пока только самоубийцы.²⁹¹ Если согласиться с вышеизло-

²⁸⁸ Мариенгоф А. Роман без вранья... с. 42.

²⁸⁹ Хайдеггер М. Время и бытие.—М.: Республика, 1993, с. 19.

²⁹⁰ Там же, с. 21.

²⁹¹ Этой фразе целесообразно придать три комментария. Первый: слова «пока только самоубийцы» следует понимать **в** том смысле, что *сравниться* с Богом в будущем, возможно, сможет любой человек без столь необратимых последствий. Второй: разумеется в этой работе речь не идет о каком бы то ни было внушающем или наркотическом воздействии со стороны на самоубийцу. Третий: *разумность* самоубийства подтверждается многочисленными и изощренными способами достижения цели.

По ту сторону Слова

женным, то бессмертное высказывание Декарта, поставленное в эпиграфе, оправдывает свое место в этой работе, но требует некоторого переосмысления и уточнения.

Обычно принято считать, что Декарт этой фразой воспел гимн науке, разуму. Да, но далеко не только это! «У Декарта речь шла о том, чтобы выявить такую мысль, которая была бы наиболее общей формой любой мысли, даже ошибочной или ложной... Напротив, в современном *cogito* речь идет о том, чтобы понять все значение того промежутка, который одновременно и отделяет, и вновь соединяет сознающую себя мысль и ту ее часть, которая укореняется в неммыслимом. Современному *cogito* приходится... охватывать, воссоздавать, оживлять в четкой форме это сочленение мысли с тем, что в ней, под ней и вокруг нее не является собственно мыслью, но и не вовсе отрешенно от нее предельной и непреодолимой внеположностью. *Cogito* в этой своей новой форме будет уже не внезапным прозрением, что всякая мысль есть мысль, но постоянно возобновляемым вопрошанием о том, как же мысль может обретаться одновременно и вдали и близ себя, как может она *быть*²⁹² под видом неммыслимого. Современное *cogito* приводит бытие вещей к мысли, лишь разветвляя бытие мысли вплоть до тех пассивных волоконцев, которые уже не способны мыслить.

Это свойственное современному *cogito* двунаправленное движение объясняет, почему «я мыслю» не приводит с очевидностью к «я существую...»²⁹³

Если мыслимое *выражает* существующее, то мыслимое же и определяет *существование* существующего. Иначе: человек действительно существует пока мыслит, но именно разумное, то есть мыслительное действие может прекратить это существование, открыв перед человеком перспективу бытия в *уже-не-мыслимом*, следовательно, в *уже-не-существующем*.

Так что же такое суицид? Пока мы только обнаружили, что суицид — это, во-первых, не прерогатива психиатрии²⁹⁴, во-вторых, — это *мыслимый* психический акт, обладающий «кинетикой», достаточной для преодоления границы уже-не-существующего. Но *зачем* существующему преодолевать барьер несуществования?

Вернемся к вопросу о «негативном» воздействии культуры на человека. История цивилизации знает много «культур». Тогда естественно допустить, что неравноценность культур приводит и к нерав-

²⁹² Курсив автора цитаты.

²⁹³ Фуко М. Слова и вещи.—М.: Прогресс, 1977, с. 416.

²⁹⁴ То есть суицид *не должен* быть отнесен к патологическим психическим явлениям.

нозначности условий жизнедеятельности человека. Однако, применительно к суициду мы этого не обнаруживаем; во все времена суицид оставался «верен себе»: и в отношении национальности и вероисповедания самоубийц, и в отношении их возраста и социального статуса, и в отношении их способностей и профессий, и, наконец, в отношении способов²⁹⁵ достижения цели.

Принимая хайдеггеровский принцип «простоты» объяснений, вполне можно предположить, что *суицид — это не ответ на воздействие культуры, а элемент создания культуры*. Другими словами, не культура служит причиной, а суицид — следствием; наоборот: причина — суицид, а следствие — культура. Разумеется, суицид не единственный созидающий элемент культуры, он рядоположен с другими элементами, такими, как наука, экономика, политика, образование и пр.

Суицид необходимо рассматривать с двух противоположных позиций: суицид как *вне* конкретно-культурное явление, так как это созидающий элемент *любой* конкретной культуры; и суицид как конкретно-культурное явление, так как им *обозначаются* конкретные общественно-культурные события именно данной исторической эпохи.²⁹⁶ Здесь важно подчеркнуть, что суицид, как его рассматривали до сих пор, действительно является *признаком* культуры, но этот его «лик» вовсе не основной. Главная функция суицида состоит в том, чтобы служить одним из структурных элементов вновь и вновь зарождающихся культур. Функция же обозначения — это вторичный процесс, целиком определяемый сообществом людей *уже* живущих в созданной (в том числе и суицидом) культуре. Метафорично: *суицид — это кирпич мироздания, строящегося в сущем*.

Что же тогда представляют собой «носители» суицида, то есть самоубийцы? Так как речь идет о *психологии* личности, то естественно предположить, что в их психическом статусе присутствуют какие-то «аномалии», отражающие столь не простое «призвание». Выше уже было сделано одно предположение о доминировании мыслительной деятельности над эмоциональной, по крайней мере в период, непосредственно предшествующий суициду. Но, думается, что это не единственное психологическое качество самоубийцы. В психоаналитической доктрине Фрейда привлекает внимание один из центральных феноменов — *нарциссизм*, роль которого в суициде может оказаться весьма примечательной.

²⁹⁵ Кстати, повторим, изощренность способов самоубийства свидетельствует в пользу «интеллектуальной» гипотезы суицида.

²⁹⁶ Одним из таких обозначений эпохи «пролетарской культуры» стали Есенин и Маяковский.

По ту сторону Слова

Метод. Тексты. Результаты

Первичным методом анализа служила компьютерная программа ЛИНГВА-ЭКСПРЕСС, которая позволяет выявить психологическую составляющую, имплицитно присутствующую в тексте.

Основные функциональные блоки программы, задействованные в этом исследовании, реализуют следующий алгоритм:

- анализ и кодификация *формальных* признаков текста;
- анализ *частот* кодифицированных признаков;
- обращение кодов признаков к базе-тезаурусу *психологических* характеристик программы;
- операция перевода частот кодов в *значения* психологических характеристик;
- текстовый и графический *синтез* результатов первичного анализа текста.

Ниже даны тексты и их первичный анализ (табл. 1' и 17).

Сергей Есенин

Таблица 16

До свиданья, друг мой, до свиданья.	Палитра Есенина	Вес
Милый мой, ты у меня в груди.	Интровертирован	0,12
Предназначенное расставанье	Экстравагантен	1,01
Обещает встречу впереди.	Лицедей	0,41
	Оригинален	0,92
	Эпатажен	1,05
До свиданья, друг мой,	Решителен	0,30
без руки, без слова,	Мужествен	0,01
Не грусти и не печаль бровей, —	Истеричен	0,41
В этой жизни умирать не ново,	Амбивалентен	0,76
Но и жить, конечно, не новей.	Подавлен	0,58
	Активен	0,50
	Рационален	0,92
1925.12.28	Новатор	1,12
	Осторожен	0,82
	Блокирован	0,5'
	Фанатичен	0,5'
	Застенчив	0,5'
	Рефлексивен	1,08
	Раним	0,70
	Продуктивен	1,0'
	Циклотимичен	1,20

Последнее стихотворение, написанное (в отсутствии чернил — кровью) за несколько часов до самоубийства. Сомнений в *авторстве* никогда возникало. Адресат явно не обозначен, но вполне допустимо, что для Есенина он существовал. Самоубийство произошло в ленинградской гостинице «Англетер», в номере, где раньше Есенин бывал с Айседорой Дункан. «С вечера он был один. Ночью Сергей стучался в дверь номера своих хороших друзей Устиновых, но они крепко спали. А Вольф Эрлих, которому Есенин передал накануне свое стихотворение «До свиданья, мой друг, до свиданья...» прочитал его только на следующий день, после смерти Сергея.»³⁹

Владимир Маяковский.

Таблица 17

	Палитра Маяковского	Вес
Всем	Интровертирован	0,13
В том, что я умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.	Асоциален	0,14
Мама, сестры и товарищи, простите — это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.	Экстравагантен	0,25
Лиля — люби меня.	Лицедей	0,04
Товарищ правительство, моя семья — это Лиля Брик, мама, сестра и Вероника Витальевна Полонская. Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо.	Сдержан	0,2'
Начатые стихи отдайте Брикам, разберутся.	Оригинален	0,25
Как говорят —	Эпатажен	0,25
«инцидент исперчен», любовная лодка	Решителен	0,03
разбилась о быт.	Мужествен	0,03
Я с жизнью в расчете	Психопатичен	0,03
и не к чему перечень взаимных болей,	Истеричен	0,03
бед и обид.	Амбивалентен	0,27
	Замкнут	0,30
	Активен	0,04
	Рефлексивен	0,28
	Фрустрирован	0,36
	Новатор	0,36
	Осторожен	0,13
	Блокирован	0,2'
	Девиантен	0,25
	Упрям	0,05
	Импульсивен	0,04
	Фанатичен	0,05

Ройзман М. Все, что помню о Есенине.—М.: Советская Россия, 19'3, с. 260.

По ту сторону Слова

Продолжение табл. 17

Счастливо оставаться,
Владимир Маяковский
12/04.30 г.
Товарищи Рапповцы, не считайте меня малодушным.
Сириозно — ничего не подлаешь.
Привет.
Ермилову скажите, что жаль — снял лозунг, надо бы доругаться.

В.М.

В столе у меня 2000 руб. — внесите в налог.
Остальное получите у Гиза.

В.М.

Палитра Маяковского	Вес
Застенчив	0,27
Рационален	0,36
Раним	0,27
Продуктивен	0,29
Циклотимичен	0,40

Предсмертное письмо написано за два дня до самоубийства. За несколько минут до трагического события из квартиры Маяковского вышла Полонская (по ее же свидетельству, она еще успела услышать выстрел).

Сомнений в действительном авторстве предсмертного письма, так же как и с есенинским стихотворением, никогда не возникало.

Известно, что Маяковский резко отрицательно отнесся к последнему поступку Есенина. И в то же время, заставляет задуматься о действительном отношении Маяковского к самому акту самоубийства такой факт: «Н.Ф. Рябова вспоминает, что в Киеве в начале 1921 года, когда он писал стихотворение «Сергею Есенину», Маяковский без конца твердил, шагая по комнате:

Предначертанное расставанье

Обещает встречу впереди.

Она сказала ему:

— Владимир Владимирович, не «предначертанное», а «предназначенное».

Маяковский ответил:

— Если бы Есенин доработал стихотворение, было бы «предначертанное».²⁹⁸

²⁹⁸ В. Маяковский в воспоминаниях современников. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1973, с. 351—352.

Поэт-проходчик «тонн словесной руды» вполне мог пристальнее взглянуть в смысл сказанного Есениным, относя это исключительно к себе: ведь пред-назначение — это только *возможность* исполнить что-то, а пред-начертание — это повеление к *исполнению* чего-то. Не думал ли уже тогда Маяковский и о предначертании своей судьбы?

Интерпретацию формализованных данных, представленных в таблицах, целесообразно начать с попытки ответить на вопрос: находит ли подтверждение широко распространенное мнение о депрессивном характере психических процессов, обуславливающих суицидальное действие? Вопрос правомерен уже потому, что Есенину прямо ставши такой диагноз. «Ко мне пришел домой врач А.Я. Аронсон... Я спросил, чем, собственно, болен Сергей. Доктор объяснил: что профессор Ганушкин поставил точный, проверенный на больном диагноз: Есенин страдает ярко выраженной меланхолией.»²⁹⁹ Об этом не могли не знать литературные деятели того времени, в том числе и Маяковский. Тогда можно предположить, что брошенные им фразы, типа: «В царской России были такие условия, такое производство и такой бытовой уклад, которые выращивали поэтов — меланхолических лириков. Колоссальная индустриализация Советского Союза уничтожит всякую меланхолическую лирику»,³⁰⁰ — выразили, во-первых, его удовлетворенность тем, что даже ученые констатируют *слабость* имажинистов перед силой футуристов, и, во-вторых, они делают прозрачными намерения самого Маяковского — «уйти» по совершенно *другим* мотивам. Мы этих мотивов не знаем, да это и не важно, так как главное в том, что Маяковский до последнего времени *мыслил* акт «уничтожения» (возможно, в форме самоубийства) по этому поводу.

Пестрая палитра психологических характеристик, что показаны в таблицах³⁰¹, должна быть классифицирована (с учетом поставленных вопросов) на две категории: *депрессивность* — отражение чувственного начала психики, *рациональность* — отражение интеллектуального начала психики. К первым, очевидно, могут быть отнесены такие характеристики: подавленность, ранимость, блокированность; ко вторым — новаторство, рефлексия, активность, эпатажность. Но, как показывают приведенные в таблицах данные, двухкатегориальная классификация в содержательном плане далеко не исчерпывает палитры выделенных характеристик.

²⁹⁹ Ройзман М. Все, что помню о Есенине... с. 258.

³⁰⁰ В. Маяковский в воспоминаниях современников, с. 603

³⁰¹ Выделенные палитры в рамках одной работы, разумеется, не могут быть исчерпывающе проанализированы.

По ту сторону Слова

Во-первых, оба персонажа настоящего исследования должны быть отнесены к одному психологическому типу — циклотимическому.³⁰² Это означает, что *мысль* и *чувство* их личностного уклада должны рассматриваться в проекции на периодические изменения жизненного тонуса. При этом, как показывают те же результаты, интенсивность погружения в ту или иную фазу у них различается весьма заметно. Следовательно, более корректное представление о соотношении мысли к чувству в их личностном статусе требует «пересчета» на фон циклотимии.

Во-вторых, оба персонажа — лицедеи... несущие маску... играющие роль. Да, все люди в той или иной степени — лицедеи. Также понятно, что кумиры — лицедеи по определению. А *гениальные* кумиры уже не столько играют роль, сколько живут в ней. Это прекрасно видят близкие к ним люди. Так, А. Мариенгоф говорит (и вполне справедливо) о Есенине: «Маска для него становилась лицом и лицо маской».³⁰³ И эта глубокая интериоризация роли (по А.Н. Леонтьеву), или запредельная идентификация Я с ролью (по К. Юнгу), для гения представляет немаловажную жизненную проблему. Следовательно, именно здесь, наравне с *мыслью* и *чувством*, необходимо рассмотреть «вес» *маски* в психическом укладе персонажей данного исследования на фоне индивидуальной циклоидно-™ характера.

Изложенные соображения отражает рис. 22.

Рис. 22

Что мы видим? Приоритеты психического у Есенина убывают так: маска — чувство — мысль; у Маяковского: мысль — чувство — маска. Во всяком случае, видно, что *чувство* (эмоции, переживания,

³⁰² По типологии К. Юнга.

³⁰³ Мариенгоф А. Роман без вранья... с. 48.

аффект, то есть то, что называется настроением) устойчиво занимает *не* первое место в психическом состоянии исследуемых персонажей в момент пребывания в экстремальной точке жизни.

Но и этот результат — не исчерпывающий. Маяковский (в отличие от Есенина) показал явную выраженность психопатических черт: *асоциален*,³⁰⁴ *психопатичен*, *девиантен*, *импульсивен*. Но эти черты находятся под не менее сильным гнетом «сверх-Я», то есть они *блокируются*, оставляя единственный социально-приемлемый выход личности вовне — законопослушание. Ведущую роль в этом играет как раз интеллектуальные акценты психики Маяковского, подтверждение чего нетрудно найти у Фрейда.³⁰⁵

Интерпретация. Выводы

Понятно, что избранная тема не может быть исчерпана кем бы то ни было и когда бы то ни было, но... вопрос поставлен, и на него нужно ответить. Я отвечаю суждениями психоаналитиков. Почему именно здесь их взгляды мне кажутся адекватными? Суицид — соперничество с Богом, и оно происходит в том пласте психики, которое мы, вслед за психоаналитиками, называем бессознательным.³⁰⁶

Вряд ли вызовет сомнение то обстоятельство, что «жизнь, как она нам дана, слишком тяжела для нас, она нам приносит слишком много боли, разочарований, неразрешимых проблем. Для того чтобы вынести такую жизнь, мы не можем обойтись без средств, дающих нам облегчение.» [Фрейд 3. Избранное. Т. 1. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 19'9. с. 266] Среди этих средств — литература и искусство: «Такие заменители удовлетворения, как те, что предоставляются искусством, хотя и являются иллюзией, а не реальностью, психически не менее действенны, — благодаря роли, которую заняла фантазия в душевной жизни человека.» [Фрейд 3. Избранное. Т. 1. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 19'9, с. 2'7] Есенин и Маяковский избрали именно этот путь канализации удовлетворения.

³⁰⁴ Здесь асоциальность рассматривается не как законо-не-послушание, а как критическое противостояние принятым нормам.

³⁰⁵ Разум служит защитой от окружения: «Больше всего можно добиться при умении достаточно повысить интенсивность наслаждения из источников психической и интеллектуальной деятельности. Тогда судьба мало чем может повредить.» [Фрейд 3. Избранное. Т. 1. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1969, с. 271]

³⁰⁶ Даже гениальность Ф. Ницше открывает ему путь осознанного соперничества с Богом только после утверждения: «Бог умер.»

По ту сторону Слова

Следует учесть еще один важный момент: те, кто избрал своим поприщем литературу и искусство, избрали фактически путь свободы. Но: «Индивидуальная свобода не есть достижение культуры. Она была максимальной еще до всякой культуры, правда, тогда она не имела большой пены, так как единичный человек едва ли был в состоянии ее защитить. Развитие культуры налагает ограничения на эту свободу, а справедливость требует, чтобы от этих ограничений никому нельзя было уклониться».³⁰⁷ И об этом часто забывают (а многие и не знают этого императива культуры) те, кто стремится себя выразить в художественном образе, *свобода* которого в самом этом образе, но отнюдь не для его создателя.

Для ответа на вопрос о том, что же собою представляет «человек суицида», целесообразно поискать «тип» персонажей обсуждаемого исследования. Психоаналитики предлагают три типа: «Человек преимущественно эротический поставит на первое место эмоциональные взаимоотношения с другими людьми; человек скорее самодовольного, нарцисстического характера будет искать удовлетворение, в основном, в своих внутренних душевных процессах; человек действия не оставит внешний мир, на арене которого он может испытывать свои силы.»³⁰⁸ В свете этих соображений. Есенин должен быть отнесен к человеку эротического плана³⁰⁹, Маяковский — к нарцисстическому;³¹⁰ человека действия здесь нет. Я хочу подчеркнуть: персонажи настоящего исследования не могут быть отнесены к людям *действия*, так как *оставили* внешний мир в тщетной попытке еще раз испытать свои силы. Уже само стремление к самоуничтожению обусловлено отказом от борьбы за существование в этой жизни.³¹¹ И хотя избранный ими способ канализации удовлетворения, казалось бы, достаточно эффективный, «но даже... этот способ не обеспечивает полной защиты от страданий; он не дает им брони, непроницаемой для стрел судьбы, и обычно перестает помогать, когда источником страдания становится собственная плоть.»³¹²

Фрейд З. Избранное. Т. 1 London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1969, с. 286.

³⁰⁸ Там же, с. 2'5.

³⁰⁹ «Перманентное» супружество — характеризует любвеобилие Есенина.

³¹⁰ Вспомним: «Сегодня я — Наполеон!... Сравните: я и — он!» (из стихотворения Маяковского «Я и Наполеон»).

³¹¹ З. Фрейд считает, что «...ограничения агрессивности вовне должны были бы усиливать и так уже идущие сами по себе процессы самоуничтожения.» [Фрейд З. Избранное. Т. 1... с. 306] «Агрессивность вовне» и есть обычная форма борьбы за существование.

³¹² Фрейд З. Избранное. Т. 1... с. 2'1-2'2.

Понимая выражение «собственная плоть» как метафору, действительно нетрудно найти даже в привычках и обыденном поведении обоих персонажей *либидозную* озабоченность,³¹³ из чего следует, что Я становится источником повышенной обеспокоенности, как для эротической, так и для нарцисстической личности. Итровертированность того и другого, погруженная в аутизм *{замкнутость* у Маяковского, *подавленность* у Есенина), порождает эгоцентризм. Если же Я — последний барьер перед ударами судьбы,³¹⁴ и этот барьер начинает ломаться, то следует ожидать полного уничтожения личности. Э. Фромм, говоря о нарциссизме, как будто характеризует Маяковского: «Причиной... мрачного поворота мыслей скорее всего является состояние неумолимого и невыносимого одиночества, вызванного нарциссизмом: раз уж для нарцисса не существует теплых, радостных отношений с матерью, то по крайней мере одна возможность к сближению с ней, один путь ему не заказан — это путь к единению в смерти.»³¹⁵ Следует отметить, что психологические типы Есенина и Маяковского — это абсолютно *разные* типы; нарциссизм вполне может обойтись без эротической окраски: «Но даже тогда, когда он выступает без всяких эротических намерений, когда он себя проявляет в самом слепом разрушительном бешенстве, нельзя не заметить, что его удовлетворение связано с исключительно сильным нарцисстическим наслаждением...»³¹⁶

Пожалуй, наиболее рельефно можно охарактеризовать *отношение* механизмов самоуничтожения в личности наших персонажей словами Фрейда: «Я признаю, что в садизме и мазохизме мы всегда обнаруживали сильно сплавленные с эротикой проявления разрушительного первичного позыва, направленного как наружу, так и внутрь, но никак не могу понять, как могли мы просмотреть вездесущность неэротической агрессивности и разрушительности и не

³¹³ Вспомним шляпы Есенина и чистые рубашки Маяковского.

³¹⁴ А «удары» культурной революции весьма ощутимы для гения: «Надвигается на нас и опасность другого состояния, которое можно было бы назвать «психологической нищетой масс». Эта опасность в наибольшей мере грозит там, где общественные связи осуществляются главным образом путем идентификации участников друг с другом, в то время как ведущие личности не приобретают значения, которое должно было бы выпасть на их долю при формировании массы.» [Фрейд З. Избранное. Т. 1... с. 304]

³¹⁵ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика. 1994. с. 313. Одиночество Владимира Маяковского отмечается многими современниками той эпохи.

³¹⁶ Фрейд З. Избранное. Т. 1... с. 308. Кстати, достаточно напомнить скандальные публичные выступления Маяковского.

По ту сторону Слова

предоставить ей подобающее место в толковании жизни».³¹⁷ Понятно, что первая часть цитаты может быть отнесена к Есенину, вторая — к Маяковскому.

И последний любопытный штрих, обнаруживающий, на мой взгляд: 1) типичное, 2) неадекватное, 3) презрительное отношение *будущих* самоубийц к уже *состоявшимся*: «...умер звонкий забулдыга подмастерье...», или: «...Ваше имя в платочки рассоплено...»³¹⁸ Презрение — часто обратная сторона... зависти, так как служит замещением желаемого эффекта презрения.

Попробуем резюмировать изложенное в нескольких фразах.

1. Суицид — это не следствие функционирования культуры, это — элемент культуры, необходимо включенный в процессе возникновения, развития и функционирования самобытной³¹⁹ культуры. Суицид — неотъемлемый атрибут *любой* самобытной культуры. Как элемент функционирования культуры, суицид несет индикативную функцию, обращая внимание современников на «гнилость» текущей эпохи, неблагополучие в социальном, экономическом и политическом укладе.

2. Акт самоубийства — интеллектуальное действие, погруженное в **негативное эмоциональное состояние. Энергия мыслительного акта превышает энергию эмоции ужаса перед Ничто.**

3. Психологический процесс, ведущий к самоубийству, — это постепенное, но необратимое замыкание границ Я, когда гетероагрессия превращается в аутоагрессию. Провоцирующим и усиливающим (но вторичным, необязательным) фактором служит, разумеется, внешнее воздействие, преодоление силы которого «лежит» в целостности (недеструктивности) личности.

Коротко, но гениально сказал Г. Рейналь:

«Всякая крайность требует крайней решительности

³¹⁷ Фрейд З. Избранное. Т. 1... с. 30'.

³¹⁸ Маяковский В. Стихотворения и поэмы. Т. 3.—Л.: Советский писатель, 1951, с. 10-11.

³¹⁹ Имеется в виду: время, политическое устройство, расклад социальных сил и пр.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ДРУГОМУ КАК ПОНЯТЬ ТЕБЯ

*Каждый видит, каким ты кажешься,
мало кто чувствует, каков ты есть.*

Н. Макиавелли

Итак, что такое *психогерменевтика*? Что-то, понятно, связанное с герменевтикой. Повторим, что герменевтика — это искусство и теория истолкования, имеющего целью выявить смысл текста, исходя из его объективных (значения слов и их исторически обусловленные вариации) и субъективных (намерения авторов) оснований. Отсюда, психо-герменевтика — это та *часть* общей (принято говорить — философской) герменевтики, которая посвящена анализу *субъективных оснований* истолкования смысла текста. Специально обратим внимание на то, что психогерменевтика призвана к изучению *не* понимаемого смысла текста, а лишь к изучению субъективных *оснований* его истолкования. Проблема здесь в том, что «субъективные основания» смысла — действительные намерения автора, его социально-личностный и психологический статус — не лежат только в плоскости понимания *содержания* текста, то есть того, что осмысливается воспринимающим. Субъективные основания потому и называются *субъективными*, что принадлежат исключительно автору и, как правило, не эксплицируются в содержании. Более того: какая-то часть этих субъективных оснований даже не осознается самим автором, находясь в области *бессознательного* — большей и наиболее продуктивной части нашего Я.

Но, бесспорно, правомерен вопрос: возможно ли вообще изучать субъективные основания в отрыве от воспринимающего текст субъекта? Разумеется, нет, если изучается «понимание», так как это — процесс и результат, детерминированный, кроме прочего, двумя факторами: внутренне-субъективным (Я-автора) и *внешне-субъективным* (Я-воспринимающего), находящимися в неразрывном единстве. В преодолении этого утверждения и лежат основания для разработки *новой* научной дисциплины — «психогерменевтики».³²⁰

³²⁰ Вынужденность использования нового термина продиктована уважительным отношением автора и к ортодоксам отечественной психологии: «Предполагается, что понимание текстов имеет эзотерическую основу, и всегда существует круг тех, кому доступен «подлинный смысл» конкретного текста. Массы

По ту сторону Слова

Тогда поставим следующий вопрос: выражает ли²²¹ что-либо текст, «отлученный» от воспринимающего лица, то есть *никем* не прочитанный текст.²²² Безусловно, «да». И что же он выражает? По крайней мере — две *сущности*: личностное Я автора и личностный смысл текста. В целом же обе сущности выражают *самость*, «всеуровневое» Я автора.

Рассмотрим чуть внимательнее названные сущности. Можно допустить, что *личностное Я* принадлежит *только* и *сугубо* автору текста: «только» — потому, что здесь имеется в виду аутентично-индивидуальный текст²²³; «сугубо» — потому, что автор — индивидуум, то есть субъект, обладающий своим (и только своим) самосознанием, со всеми, отличающими его от других людей, особенностями жизнедеятельности, как психическими, так и биологическими. Личностное Я эксплицируется в тексте на уровне неосознаваемых в процессе порождения структур (например, на уровне грамматических структур). Понятно, что в таком случае личностное Я не полностью выражает Самость автора. Дополнением личностного Я до Самости автора служит личностный смысл текста. В то же время, *личностный смысл*, хотя, разумеется, *и* авторское «изобретение», но принадлежит не целиком автору, так как «сотворен»...историей.²²⁴ Но как же отделить «свое» от «чужого»²²⁵? Ответ тривиален: личностный смысл — принципиально *не-эксплицируем*. Это означает, что личностный смысл только тогда *возможно* будет выявлен, когда в его выявлении примет участие сам автор текста. «Возможно» — потому что уверенности в том, что автор справится с этой задачей, у нас нет. Но автор *уже* созданного текста экзистенциально отсутствует, его не существует, он уже не может вмешаться в борьбу толкований своего

склонны с доверием относиться к «авторитетным толкованиям», придавая им фактически большее значение, нежели самому содержанию доступных читателю текстов.» — отмечает пионер отечественной *психологической* герменевтики А.А. Брудный. В доброжелательной критике и этого положения также лежат основания *психогерменевтики*.

²²¹ Здесь следует обратить внимание на *слова*: употреблено слово «выражает», а не «означает».

²²² Примеры подобной ситуации даже излишне приводить, так как фонд непрочитанной литературы по крайней мере сравним с фондом прочитанной, а возможно даже превышает последний.

²²³ Коллективное соиздание текста не вносит принципиальных изменений в статус личностного Я, так как в этом случае аутентичность обретает характеристику «коллективного Я».

²²⁴ Вспомним лаконичную формулу А.Н. Леонтьева: «не значение в смыслах, а смысл в значениях».

²²⁵ «Чужое» — это исторический результат создания «значений».

Заключение

текста, он уже свободен от тех реализованных потенций, которые воплощены им в его тексте. Следовательно, личностный смысл созданного текста становится смыслом вообще, то есть достоянием понимания и интерпретации других, а значит толкованием посредством исторически обусловленных значений. Но значения, как было оговорено выше, — производные истории, то есть чего-то постоянно уходящего из авторского Я: значениями *овладевают*, но их не создают.

Каковы же отношения между личностным Я и личностным смыслом? Эти сущности — *неразделимы*, так как существование Я только и может быть выражено в исторически обусловленном личностном смысле текста. А раз личностный смысл исторически обусловлен, то он унифицирован в своих элементах, но не в их совокупности. Эта совокупность — как бы калейдоскоп из исторически сложившихся значений, целостная картинка которого собирается личностным Я. Например, ребенок до семи лет уже есть Я, но он не способен выразить себя, свое Я, свою сущность в языке. Для этого ему необходимо учиться, то есть овладевать общепонятными элементами и схемами выражения, или, что то же самое — учиться языку. Только в языке — «сплав» Я и смысла Я.

Если целостность личностного Я и личностного смысла выражают Самость автора, и в этом качестве является единственной сущностью текста, то, возможно, мы потеряли *сообщение* текста? Потеряли якобы основную сущность текста — быть сообщением чего-то кому-то, так как, казалось бы, основная функция текста — коммуникативная. Возразим: очевидно, что коммуникативная функция текста утверждается из *цели* коммуникации, а такая цель приписывается тексту воспринимающим субъектом. Чтобы автор поставил перед собою такую цель, он должен хотя бы приблизительно представить себе аудиторию воспринимающих. Можем ли мы утверждать, что автор такое представление имеет? Нет! Достаточно указать на тексты, которые пишутся «в стол» (Булгаков, Лосев, Бахтин и мн.др.). А поэты? Их творчество в принципе безадресно. Тогда, казалось бы, что журналисты, и прежде всего «пи-арщики» работают на аудиторию. Но и здесь ответ отрицательный: сейчас уже не подвергается сомнению, что цель тех и других — манипуляция общественным сознанием, то есть в конечном итоге их цель — это *их* цель, не совпадающая с декларированной для той же аудитории целью.³²⁶

³²⁶ Здесь уместно сослаться на мнение «нигилиста» В. Пелевина, что продажи — это побочный эффект; мы же на самом деле не «Тампакс» внедряем, а тревожность».

По ту сторону Слова

Вообще сообщать кому-то неведомому что-то — это паранойя, маниакальный бред, отягощенный галлюцинациями этого «неведомого». Скорее, правы психоаналитики: якобы осознаваемая автором аудитория — это **рационализация** неосознаваемой цели: выразить собственное Я. Нетрудно убедиться в этом даже на таких примерах, как творчество А. Марининой (которая, кстати, это признает) или вещание «трибуна» с трибуны (Нерон, Гитлер). Но окончательно убедить возможно, наверное, словами Ф.М. Достоевского, что если он пишет, как бы обращаясь к читателям, то ему легче писать...

Текст без обращения не имеет ни значений, ни смыслов, а лишь выражение Я. Но возможно пойти и дальше: любой текст вообще не имеет «адреса»: все, что мы говорим и пишем — «есть Я», безотносительно к кому бы то ни было. Речь (текст) — непреодолимое сознанием стремление выразить себя, свое Я, свою сущность, свое место в этом мире.

Что же показывает материал этой книги?

Имеется вербальный и/или иконографический текст, из которого мы вычерпываем психологическую информацию. **Понимаем** ли мы при этом данный текст? Да, несомненно. Но с одним непременным уточнением: мы понимаем текст как одну из сторон **Самости** человека. Что такое Самость? Здесь тот самый случай, когда целесообразно вернуться и/или начать издалека (хотя выше это понятие и было использовано) к исходному понятию.

«Индийцы считают очевидным, что Самость как духовная, изначальная основа не отличается от Бога и что человек, пребывающий в своей Самости, не только пребывает в Боге, но и есть сам Бог.»³⁷ Для европейского менталитета это утверждение звучит слишком «круто». И все же тенденция поступательного (хотя эта «поступь» и неравномерна для разных времен и народов) развития человеческого духа ведет к сближению мировоззренческих позиций Востока и Запада.

Но вернемся, однако, к началу этой книги: Человек есть Слово, следовательно в Слове присутствует Самость человека-автора. И эта Самость содержит в себе нечто **сверх** того, что составляет собственно Я (сознательное) человека. Об этом говорили основатели философской герменевтики. «Бытие мира, по Хайдеггеру, проявляется в языке, который гораздо богаче, полнее, чем его воплощение в речи. Эта скрытая часть языка и заключает в себе некий прафеномен понимания. Благодаря языку становится возможным понимание

Юнг К.Г. Йога и Запад. — М, Инициатива, Львов, 1994, с. 46.

мира, его объективного бытия».³²⁸ Даже не касаясь грандиозных теологических проблем, нетрудно увидеть в этом пласте сублично-го то, что Юнг называет «коллективное бессознательное», или — что то же — «психологический генотип» человека. Действительно: «В нашем понимании Самость — это квинтэссенция духовной целостности (то есть единство того, что сознательно, и того, что бессознательно), и тогда она действительно представляет собой цель духовного развития, независимо ни от каких сознательных суждений и предположений. Самость является содержанием процесса, который обычно протекает за пределами сознания, и который обнаруживает себя только впоследствии.»³²⁹ Тогда же как Сознательное (Я и «сверх-Я»), также присутствующее в Самости, выполняет достаточно «неблаговидную» роль с точки зрения *понимания* содержания сказанного как самим инициатором сообщения, так и воспринимающим его: «Мы должны научиться позволять всему происходящему в нашей психике происходить самому по себе. По сути дела, для нас это искусство, о котором мало кто что-либо знает: сознание постоянно вмешивается, помогает, поправляет, отрицает и никогда не оставляет в покое обычного развития психических процессов».³³⁰ В этом — ответ на вопрос о *принципиальной невозможности правильного понимания содержания когда-либо и кем-либо осознанно высказанного*.

Где же выход? В одновременном (или по крайней мере — параллельном) решении двух психологических проблем герменевтики. Одна (ортодоксальная) проблема — понимание текста на основе содержания *осознаваемого* — должна решаться в границах уже обозначившей себя дисциплины — «психологической герменевтики». Достижениями на этом поприще должны поделиться специалисты, активно (но, кажется, не очень глубоко) изучающие эту проблему.³³¹ Другая (неортодоксальная) проблема — понимание текста на основе содержания *бессознательного* — должна решаться в границах новой дисциплины — психогерменевтики. Попытка ее первого (а потому, возможно, не во всем удовлетворяющего кого-то из читателей) обсуждения осуществлена в этой книге.

Почему же мы не до конца понимаем текст? Теперь ответ очевиден: воспринимающий субъект не способен отделить сознаваемое содержание от неосознаваемой духовности текста; понимание будет

³²⁸ Шульга Е.Н. Указ. соч., с. 152.

³²⁹ Юнг К.Г. Йога и Запад... с. 47.

³³⁰ Там же, с. 115.

³³¹ В частности, см. указ. соч. А.А. Брудного.

По ту сторону Слова

исчерпывающим только при усвоении этих двух составляющих вербального или иконографического текста. Задача психогерменевтики, таким образом, состоит именно в раскрытии для сознания Я неосознаваемого изначально ни автором, ни воспринимающим субъектом психологической ткани воспринимаемого текста.

Как осуществляется экспликация неосознаваемого? На основе анализа *неосознаваемых* конструкций текста.

Какие конструкции текста не осознаются? Грамматические и стилистические. Первые не осознаются автором потому, что представляют собой *навык* пользования языком; вторые — потому, что служат *суб-основанием* для семантической (вербального дискурса) и композиционной (идеографического дискурса) осознаваемой организации сообщения. Итак, грамматика и стилистика — уровни организации любого дискурса, неосознаваемые автором.

Что означает *анализ* неосознаваемых структур действия? *Приписывание* им тех психологических отражений, которые выявлены экспериментально, и *интерпретация* роли этих отражений в психологической ткани текста.

Вопросы, здесь поставленные, в той или иной степени автор этой книги попытался решить. Насколько это удалось — решать тем, кто интересуется этими проблемами. Во всяком случае, автор глубоко сопереживает (иначе он не стал бы психологом) сократовскую идею:

Nosce to ipsum (Познай себя).

С Л О В А Р Ь

Т Е Р М И Н Ы П Р О Г Р А М М Ы

Л И Н Г В А - Э К С П Р Е С С ³³²

АВАНТЮРЕН — тревожность при высокой активности, рискованность и непродуманность поступков. Запоздалый анализ и сомнения в совершенном действии. Комплекс вины. Неустойчивость внимания.

АГРЕССИВЕН — неблокированная, разнохарактерная и разнонаправленная агрессивность. Высокая активность в поиске субъекта или предмета для реализации агрессивных намерений.

АДАПТИРОВАН — сочетание ориентации на актуальное поведение, на внешнюю оценку и одобрение, со склонностью строить свое поведение исходя из собственных принципов. Обеспокоенность своим социальным статусом.

АЖИТИРОВАН — «парадоксальное» сочетание активности, выраженной в основном суетливой подвижностью, и подавленности в эмоциональной сфере, что переживается как ощущение тревоги, обиды, вины.

АКТИВЕН — оптимизм, настойчивость в достижении цели, гедонизм. Разнообразие интересов, но переоценка своих возможностей. Эмоциональная незрелость. Обычны проявления ревности и агрессивные вспышки.

АМБИВАЛЕНТЕН — одновременное присутствие противоположных по воздействию на личность психологических проявлений. Часто такими проявлениями являются депрессия (угнетенность) и гипомания (повышенная активность), сопровождающие состояние алкогольной интоксикации.

АМОТИВЕН — отсутствие мотивов, определяющих изменение или преобразование социально неприемлемых форм социальных установок и поведения. Отсутствие чувства тревоги.

³³² Определение понятий — занятие неблагодарное, так как не обходится без разночтений, поэтому есть основания подчеркнуть, что многие из приводимых дефиниций *сконструированы* автором применительно к контексту настоящей работы. И еще: те характеристики, подробные определения которым даны в тексте, здесь не приводятся.

По ту сторону Слова

АРТИСТИЧЕН — артистичность, эгоцентризм, нарциссизм. Игривость и капризность. Возможна игровая демонстрация черт противоположного пола. Мышление конкретно и с высоким эмоциональным фоном.

АСОЦИАЛЕН — маскируемая асоциальность. Антиобщественная направленность под флером законопослушности. Твердое и последовательное движение к цели.

АСТЕНИЧЕН — побудительная функция мотивов снижена. Неспособность испытывать удовольствие, радость. Нередко возникает чувство вины. Низкая самооценка. В предельной форме — депрессивное состояние.

АУТИЧЕН — «уход в себя», замыкание границ общения. Оригинальность идей, содержание которых эгоцентрично. Кажущаяся извне непредсказуемость поступков, хотя им предшествует тщательный анализ возникшей ситуации.

БЕСПОКОЕН — неопределенные тревожные опасения. Пессимистическая оценка настоящего, мрачные перспективы. Ощущение собственной ненужности, низкая продуктивность, безынициативность.

БИСЕКСУАЛЕН — широкий спектр намерений к сексуальным контактам. Провоцирование в сексуальных отношениях агрессивности у партнера.

БЛОКИРОВАН — маскировка асоциальных тенденций; при возможности их реализации поступки обретают социально приемлемые формы. С психопатическим развитием состояния не исключена возможность суицида.

БОЯЗЛИВ — тревога и опасения проявляются в яркой и красочной демонстрации своего состояния. Стремление вызвать покровительственное отношение окружающих, подчеркивание своей беспомощности и беззащитности.

ГЕДОНИСТ — жизнелюбие и жизнерадостность. Спокойствие, ориентация в основном на положительные стимулы. Примат положительных эмоций. Инфантилизм и поверхностность мышления, опора на позитивно оцениваемые факторы; блокирование или игнорирование жизненно негативных факторов.

ГИПЕРМАНИАКАЛЕН — необычно высокая активность, направленная на достижение осознаваемой цели всеми доступными средствами.

ГИПЕРСЕКСУАЛЕН — агрессивность на сексуальной почве при продуманности мотивов и расчетливости поступков.

ГИПЕРТИМИЧЕН — приступы эмоционально яркой окраски с драматизмом, и реже — с истероидными чертами. Способность к длительным усилиям и эффективной деятельности стимулируется наличием доброжелательной аудитории.

ГИПЕРЦИКЛОИД — резкая смена настроения, маскировка повышенной активности. Поведение как при алкогольной интоксикации, отражающее ситуацию угрозы или неблагополучия. Самооценка обычно противоречит оценке окружающих.

ГИПОМАНИАКАЛЕН — высокая активность, но не переходящая границы данного психологического типа. Обычно этой чертой характеризуют состояние циклотимика в маниакальной фазе его жизненного цикла. Благоприятное психическое основание для творческой продуктивной деятельности.

ДЕВИАНТЕН — враждебность к окружающим, злобность и злопамятность, угрюмость. Ригидность мышления и подозрительность. Упрямство. Аллергические расстройства.

ДЕЗОРИЕНТИРОВАН — подавленность, беспокойство, растерянность, социальная неадекватность. Неумение сконцентрировать внимание. Низкая продуктивность. Отчужденность при эгоцентризме и необычности мышления.

ДЕЛИНКВЕНТЕН — неуспех порождает злобность. Асоциальные установки. Причины действий объясняются внешним воздействием. Настойчивое стремление к цели при аффективно-злобной установке.

ДЕПРЕССИВЕН — напряженность, нервозность, повышенная утомляемость, навязчивые страхи и бессонница. Низкая продуктивность, безынициативность, неуверенность в себе, конфликтность с близкими, самобичевание и самокопание.

ДИСТАНЦИИРОВАН — отдаленность, отчужденность в сочетании с ригидностью аффектов. Склонность обвинять окружающих в ухудшении отношений. «Сверхценные» идеи, злопамятность и мстительность.

ДИСТИМИЧЕН Глубокая депрессия при необычности мышления. Оригинальные и яркие образы окрашены в серые и черные тона. Невысокая активность. Возможно развитие суицида.

По ту сторону Слова

ДИСЦИПЛИНИРОВАН — стремление четко и полностью выполнять возложенные на себя обязанности, осознание долга, ответственность в решениях. Понимание этических норм. Надежность в дружбе. Возможны трудности в общении из-за принятого жесткого собственного кодекса норм.

ЗАКОМПЛЕКСОВАН — при избыточной решительности навязчивые размышления о сделанном и сказанном, склонность к самобичеванию. Поступки с низким самоконтролем, но на высоком уровне активности. Осознанный альтруизм и сожаления о сделанном.

ЗАМКНУТ — озабоченность чем-либо, что определяет осторожность в поступках из-за непредсказуемости их результатов. Нежелание вступать в контакты, «проигрывая» собственные сценарии текущих событий.

ЗАСТЕНЧИВ — склонность к грусти, застенчивость. Неудовлетворенность собой переходит в душевный дискомфорт. Латентные тенденции к суициду. Заторможенность, мрачность, молчаливость при высоком самоконтроле и самокопанию.

ИГРОК — склонность к соперничеству и доминированию реализуется в игровой деятельности, требующей аудитории и положительного подкрепления в форме одобрения и поддержки со стороны окружающих.

ИЖДИВЕНЕЦ — чувство необходимости в поддержке. Истероидные формы требований соучастия в своей жизни со стороны окружающих. Цель оправдывается привлекаемыми средствами ее достижения.

ИНВЕРТИРОВАН — подавление и маскировка стремления к инверсии черт своего пола.

ИНДИФФЕРЕНТЕН — безразличие к состоянию собственного здоровья. Энергичность и деятельность, инициативность и живость характера. Успешно решаются трудоемкие задачи. Плохое самочувствие вытесняется работой.

ИНТРАВЕРТ — скрытность, склонность жить внутренним миром, когда внешний мир кажется враждебным и/или неинтересным. Высокий творческий потенциал.

ИНТРОСПЕКТИВЕН — сдерживание стремления к соперничеству, доминированию и демонстрации характерологических черт, присущих своему полу. Явная склонность к самоанализу и способность к рефлексии.

Словарь

ИНФАНТИЛЕН — жизнерадостность, безоглядная решительность, несдержанность, самоуверенность, эгоистическая властность, инфантильный цинизм.

ИПОХОНДРИК — сверхзабоченность состоянием своего здоровья (наблюдается у женщин и у мужчин с женскими чертами характера.) Ипохондрическая симптоматика с выраженными истероидными чертами. Пассивное отношение к конфликтам, уход от решения неприятных проблем.

ИПОХОНДРИЧЕН — частые и неопределенные жалобы на самочувствие. Обостренное внимание к соматическим расстройствам. Малоактивность. Упрямство.

ИСТЕРИК — на фоне продуктивного вытеснения склонность к уходу от решения проблем, эмоциональная незрелость. Высокий уровень адаптации, широта интересов, богатое воображение, живость, нетерпеливость.

ИСТЕРОИД — вытеснение этической нормы (предельный случай: аморальные поступки объясняются себе и другим этическими соображениями) и вновь возвращение в иной форме подавленных воспоминаний. Игра в жизнь и жизнь в игре с нравственными требованиями.

КАРЬЕРИСТ — тенденции к самоутверждению, повышению своей значимости в глазах окружающих. Независимость, упорство в достижении цели. Склонность к руководству, критичность к замечаниям других, застревание аффектов.

КВАЗИКОНФОРМЕН — нетипичность представлений, пессимизм, частые депрессии, и в то же время независимость и твердость. Склонность к суицидальным размышлениям. Законопослушен.

КВАЗИЛИДЕР — стремление и способности к обучению. При успешной деятельности может стать действительным лидером. Соблюдение социальных и этических норм. При неуспехе легко возникает меланхолия, уныние, переходящее в депрессию.

КОМПРОМИССЕН — отвлекаемость в действиях и поверхностность мышления. Утверждение своей точки зрения путем апелляции к чужому мнению. Отказ от завершения действий как защита от несения ответственности за неуспех.

КРИМИНОГЕНЕН — агрессивная асоциальность при высокой активности. Застревание аффектов, подозрительность и злопамятность. Маниакальность окрашена в злобные и враждебные тона. Психопатическая реакция на неуспех.

По ту сторону Слова

ЛИДЕР — стремление к доминированию с опорой на признанные черты характера своего пола, склонность к соперничеству при афишировании черт своего пола. Способность к рефлексии потенциальна, то есть не раскрыта способность к прогнозированию результатов своих действий.

ЛИЦЕДЕЙ — носящий маску социального или политического «героя», идентифицирующий себя с созданным своим воображением личностью. Потерявший свое Я и не желающий его найти.

МАНИАКАЛЕН — застревание аффектов, чувствительность, злопамятная подозрительность. Развитое самосознание, неадекватная самооценка. Озабоченность общественным положением. Частые любие с маниакальными чертами.

МАРГИНАЛЕН — присутствие в психологическом укладе по крайней мере нескольких акцентированных черт пограничного с патологией характера. Например, «тандем» психопатии с паранойей, создающий угрозу формирования социопатического (противоправного) поведения, блокируется глубокой депрессией.

МАСКУЛИНИЗИРОВАН — рельефно выраженное мужское начало в характере. Часто — это постоянно носимая и настойчиво проигрываемая социальная роль, «маска», ставшая неотрывной от личности.

НЕОСТОРОЖЕН — асоциальные поступки в результате переигрывания, демонстративного, и даже афишированного ролевого участия в текущих событиях. Импульсивность.

НОВАТОР — дезадаптация к социальной среде в широком диапазоне внешних условий. Внутренняя напряженность и противоречивость установок. Пренебрежение нормами общественного поведения и активный протест против существующего уклада жизни. Неумение использовать пережитой опыт.

НЕВРОТИК — жалобы на нервозность, склонность к инфантильной «жвачке». Обращенность в себя. Ощущение неадекватности своего поведения. Неумение учиться на собственных ошибках. Утомляемость и апатия.

ОБЩИТЕЛЕН — активен в общении, ищет новые контакты, непринужден в поведении. Словоохотлив и эмоционален, жизнелюбие. Стремление к переменам при реалистическом отношении к окружающим людям.

ОСТОРОЖЕН — недоверчивость, осторожность; опасения того, что откровенность может иметь неприятные последствия. Возможны гибкость мышления, быстрая смена установок, что извне выглядит как беспринципность.

ПАРАНОЯЛЕН — дисгармония: стремление ориентироваться на внешнюю оценку с вытеснением отрицательных факторов, и в то же время — маниакальное ощущение враждебности со стороны окружающих. Декларативность. Застывание аффектов, подозрительность.

ПЕРСониФИЦИРОВАН — неосознаваемое отождествление (психоаналитически — идентификация) своей самости с социальной ролью. Этот процесс — естественен для любого человека, но глубина «погружения» в роль зависит от индивидуально-психологических качеств личности.

ПЕРФОРМАНСИРОВАН — запредельная идентификация своей самости с социальной ролью, но при обязательном условии — «игра» становится осознанной деятельностью.

ПОДАВЛЕН — «черная» меланхолия при общей напряженности и некоторой растерянности. Застенчивость и неразговорчивость. Конфликты с близкими людьми. Сложности в сексуальном общении с лицами противоположного пола.

ПСИХОПАТ — затаенная враждебность и агрессивность, следствием которых являются: асоциальная психопатия с непризнанием авторитетов, открытая враждебность к окружающим и резистентные отношения, а часто и активное сопротивление лечению и коррекции поведения.

ПСИХОПАТИЧЕН — сверхактивность при безответственности, лживости и поверхностности в отношениях. Асоциальность при устойчивости собственных взглядов на этические нормы. Желание заслужить положительную высокую оценку окружающих. Внутренний стимул к противоправному поведению.

РАВНОДУШЕН — попытка устранения фрустрации, вызвавшей тревогу и беспокойство, снижением уровня побуждений в результате обесценивания потребностей, утраты интересов и подавления влечений, то есть разочарования в чем-либо или в ком-либо. Отождествление себя с другими.

По ту сторону Слова

РАСТЕРЯН — сбой в социальной адаптации: асоциальные поступки в результате недоразумений, неприспособленности к условиям, неосознаваемое™ социальных норм. Неспособность контролировать общение.

РЕФЛЕКСИВЕН — способности к планированию своих действий и прогнозированию результатов своих поступков. Сглаживание тенденций к доминированию и соперничеству. Неявно выражена склонность к демонстрации своего пола.

РЕШИТЕЛЕН — решительность, независимость, настойчивость. Гибкость поведения при низком уровне тревожности. Уверенность при необходимости принятия ответственных решений.

РУКОВОДИТЕЛЬ — стремление и способности к руководству, чаще в общественной сфере. Соблюдение норм и нетерпимость к их нарушению. Высокая самооценка. Возможен цинизм, критика окружения, подозрительность.

САМОНАДЕЯН — уверенность в себе, раскрепощенность, хорошая адаптация к среде. Активная коммуникабельность, но некоторая поверхностность контактов: множество связей не переходит в их прочность.

СИНТОНЕН — уравновешенность фаз возбуждения и подавленности в циклическом протекании психических состояний. Отсутствие глубоких погружений в циклотимическом процессе.

СОМАТОИСТЕРИК — жалобы на состояние здоровья, беспокойство, тревожность. Трудности в супружестве. Стремление к повторным терапевтическим обследованиям.

СОМАТООТЯГОЩЕН — соматогенный ипохондрический и неврастеноподобный синдромы. Отягощенность всех психических состояний переживанием явной или надуманной болезни.

СТЕНИЧЕН — очень спокойный, блокирующий тревогу, волевой. Контролирующий свое состояние, «бесчувственный».

ТОЛЕРАНТЕН — терпимость к проявлению любого иного™ мышления: религиозного, политического, национального, нравственного. Благоприятный базис для комфортного сосуществования.

ТРАВЕСТИВЕН — сглаживание черт своего пола. Немаскируемый протест против норм, предписанных своему полу. Установка на усвоение черт характера, присущих противоположному полу.

ТРЕВОЖЕН — тревожность на фоне нерешительности. Самонаблюдение переживаний при озабоченности вопросами морали. Неспособность к вытеснению. Склонность придерживаться известного и избегать возможного риска.

ФРУСТРИРОВАН — психическое состояние, переживаемое человеком в условиях невозможности достижения поставленной цели. Обычно преодолевается одним из следующих способов: 1) подчинение обстоятельствам (конформизм); 2) вообще отказ от поставленной цели (пассивный нонконформизм); 3) насильственное продвижение к цели (агрессия).

ЦИКЛОТИМИЧЕН — депрессия с ажитацией и общим беспокойством. Повышенная чувствительность, ранимость, конфликтность в общении. Высокая симбиотичность способствует блокаде агрессивности.

ШИЗОИД — непредсказуемость действий, оригинальность идей, импульсивность. Неустойчивая приспособляемость к среде обитания. Склонность к общению с асоциальными лицами. Недоверие и подозрительность к окружающим.

ШИЗОИПОХОНДРИК — ипохондрическое развитие личности с шизоидными симптомами. Раздражительность, подавленность, жалобы на плохое самочувствие. Высокая напряженность. Приемы защиты с нарушением общепринятых норм.

ШИЗОТИМИК — гибкий и творческий ум, необычность суждений. Эгоцентричность при раздражительности и тревожности. Закрытие границ своего Я. Трудности в общении.

ЭГОЦЕНТРИСТ — себялюбие, непредсказуемость поступков, независимость мышления, и в то же время — потребность в поддержке со стороны группы сочувствующих, но таким образом, чтобы не делиться успешными результатами деятельности.

ЭКСПАНСИВЕН — открытость характера, агрессивность, самоуверенность. Хорошая социальная приспособляемость. Поведение регулируется внешними воздействиями. Способности к обучению и освоению новых знаний. Импульсивность.

ЭТНОЦЕНТРИЧЕН — преобладание в бессознательном «материнского» начала, открывающего в сознании путь чувствам патриотизма и толерантности.

Батов Виталий Иванович

По ту сторону слова.

Очерки прикладной психогерменевтики.

Редактор *И. А. Томилина*

Художественный редактор *Н.Е. Павлова*

Компьютерная верстка *Н.Е. Павлова*

Подписано в печать 27.08.2001 г. Формат 60x90
Бумага офсетная. Гарнитура Тайме. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «ГЕО-ТЭК»
г. Красноармейск. Московской обл.,
Заказ № 199.
Тел.: 254-99-58, 254-97-27, 584-16-23.